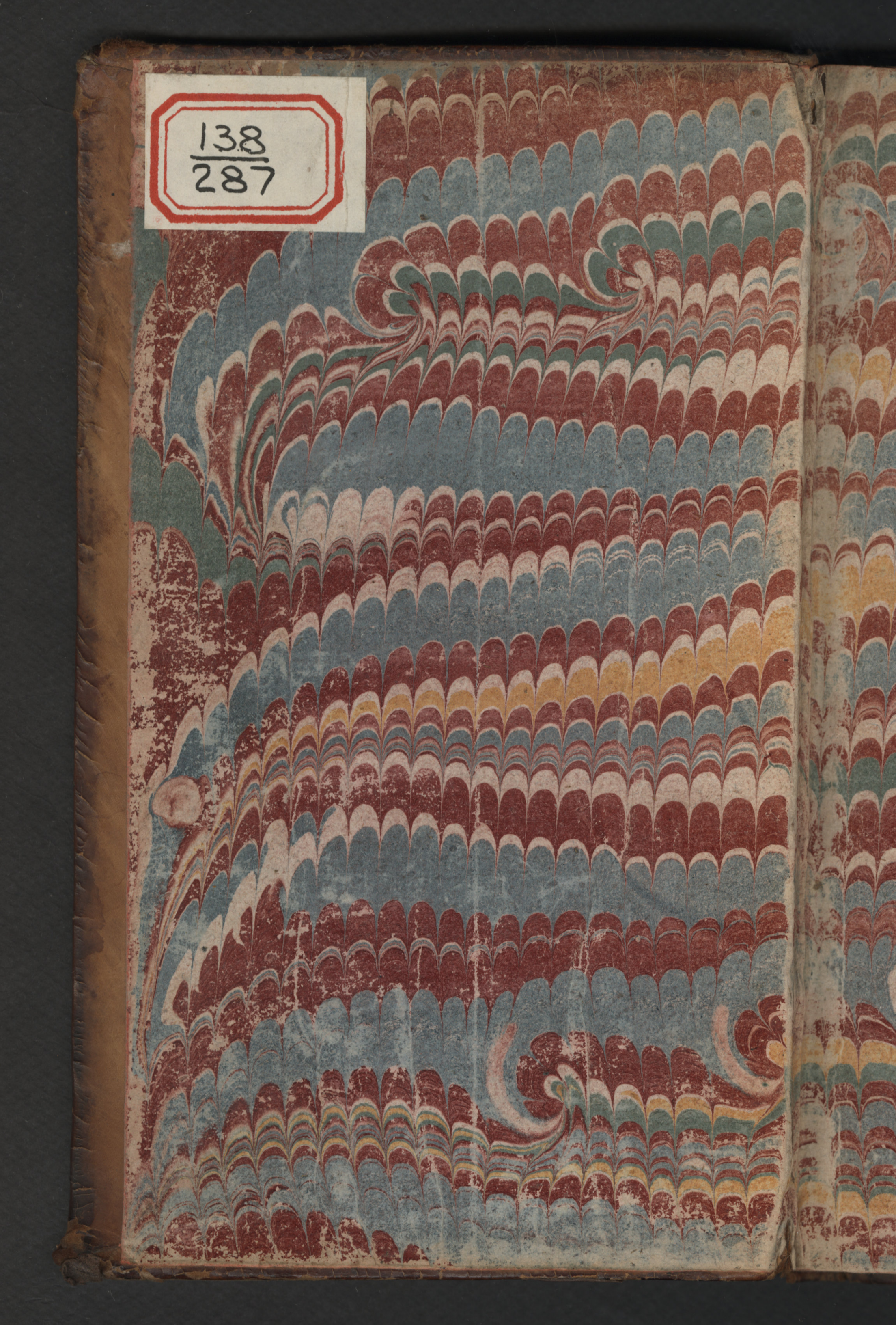

138
287

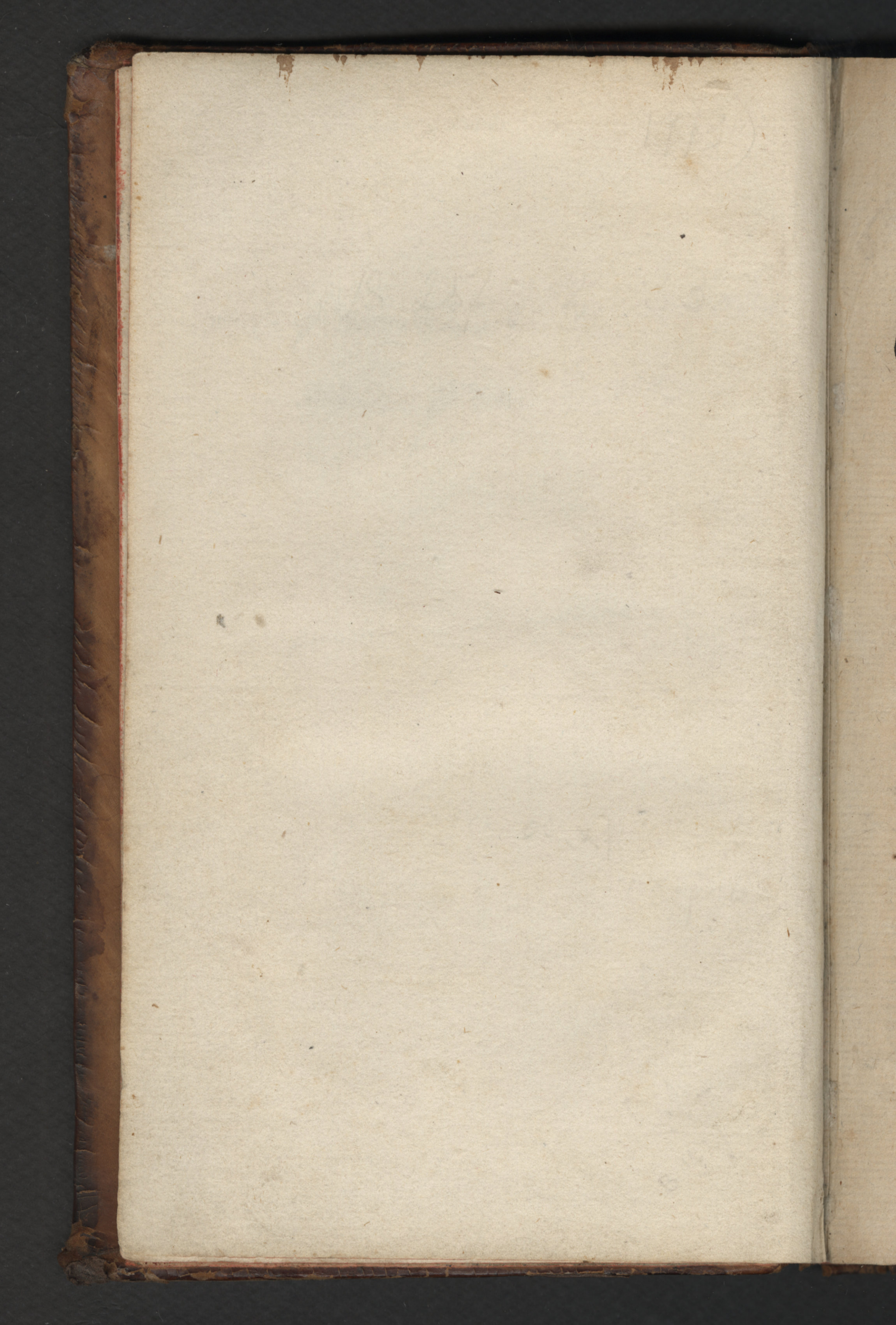

0,5к [illegible]

Книга Записная
Струйскаго

No 1

1769 г.

КАНДИДЪ
или
ОПТИМИСМЪ,
то есть,
НАИЛУЧШІЙ СВѢТЪ.

Переведенъ съ Французскаго.

Цѣна 30 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1769 года.

КАНДИДЪ
ИЛИ
ОПТИМИСМЪ,
то есть
НАИЛУЧШІЙ СВѢТЪ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

Какимъ образомъ воспитали Кандида въ великолѣпномъ замкѣ, и какъ его оттуда выгнали.

Въ Вестфаліи, въ замкѣ господина Барона фонъ Тгун-деръ-тен-тронкга жилъ молодый юноша, одаренный отъ природы наикротчайшими нравами. Черты его лица изъявляли его душу. Онъ имѣлъ разсудокъ нарочито здравый и открытое сердце; по сей то

причинѣ,

причинѣ, думаю я, и назвали его *Кандидомъ* (простосердомъ). Старинные въ домѣ служители подозрѣвали, что будто онъ былъ сынъ сестрицы Г. Барона и одного непослѣдняго и честнаго дворянина изъ сосѣдства, за котораго сія барышня ни для чего въ свѣтѣ выйти не хотѣла, за тѣмъ что онъ дворянство свое не далѣе, какъ за 71 колѣно доказать могъ, а прочая его поколѣнная роспись отъ насильства времени погибла.

Г. Баронъ былъ одинъ изъ самыхъ знатнѣйшихъ Вестфальскихъ помѣщиковъ; потому что въ замкѣ ево были и ворота и окошки, да и большая его зала была украшена обоями. Дворовые его собаки, по зборѣ въ одну кучу, составляли по нуждѣ стаю; конюхи у него были ко времени охотниками; а попъ тоя деревни былъ великимъ попечителемъ о его душѣ. Барона всѣ звали милостивымъ государемъ, и смѣялись когда онъ точилъ балы.

Госпожа Баронесса, въ которой вѣсу было около 350 фунтовъ, была по сей причинѣ въ весьма великомъ почтеніи; а особливо ея надмѣнность въ домашнихъ упражненіяхъ дѣлала ее еще почтительнѣйшею. Дочь ихъ Кунигунда отъ роду имѣла 17 лѣтъ, и была румяна, здорова, полна и миловидна. Сынъ Баронской во всемъ походилъ на батюшку. Учитель Панглосъ почитался въ домѣ за Оракула, а молодой

Кандидъ

Кандидъ слушалъ ученіе его со всевозможнымъ по лѣтамъ своимъ и свойствамъ простодушіемъ.

Панглосъ обучалъ Метафизико-Теолого-Космоло-Ниголоіи. Онъ великой былъ мастеръ доказывать, что никакое дѣйствіе не можетъ быть безъ причины, и что въ семъ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтѣ, замокъ милостиваго государя Барона есть изъ всѣхъ наипрекраснѣйшій, а супруга ево изъ всѣхъ возможныхъ Баронессъ наилучшая.

Что сему инако быть не можно, то уже доказано, говорилъ онъ: ибо когда все въ свѣтѣ сотворено съ намѣреніемъ, то уже неотмѣнно сотворено все съ наилучшимъ намѣреніемъ. Примѣчайте, что носы здѣланы для того, чтобъ носить очки; отъ того у насъ и есть очки. Ноги очевидно даны намъ для обуви; и такъ есть у насъ и обувь. Камни ростутъ за тѣмъ, чтобъ ихъ отесывали и строили изъ нихъ замки; отъ того то милостивый государь Баронъ и имѣетъ весьма прекрасный замокъ, за тѣмъ что наивеличайшему въ провинціи нашей Барону надобно наилучшій имѣть и домъ: а свиньи сотворены, чтобъ мы ихъ ѣли; такъ мы во весь годъ свинину и ѣдимъ. Слѣдовательно тѣ, которые утверждали, что все въ свѣтѣ хорошо, соврали: а надобно бы имъ было сказать, что все здѣлано наилучшимъ образомъ.

Кандидъ слушалъ ученія сіи со вниманіемъ, и вѣрилъ всему отъ всего сердца; потому что дѣвица Кунигунда казалась ему весьма прекрасною, хотя онъ и никогда не принималъ еще смѣлости ей о томъ сказать. Онъ заключалъ, что первое на свѣтѣ щастіе состоитъ въ томъ, чтобъ родиться Барономъ Тгун-дер-тен-тронкгомъ; вторый онаго степень, быть дѣвицею Кунигундою; третій, видѣть ее всякой день; а четвертый учиться у господина Панглоса, наипремудрѣйшаго философа во всей провинціи; слѣдовательно уже и во всемъ свѣтѣ.

Кунигунда прогуливаючись нѣкогда около замка въ малинькомъ лѣску, который назывался звѣринцомъ, увидѣла, что докторъ Панглосъ, забравшись въ кустарникъ, преподаетъ урокъ изъ экспериментальной Физики горнишной ея матушки дѣвкѣ смугловатой, весьма недурной и очень понятной чернобровкѣ. А какъ дѣвица Кунигунда къ наукамъ имѣла великую склонность, то примѣчала повторяемые передъ нею неоднократно эксперименты, не смѣя и дохнуть. Она видѣла своими глазами достаточное основаніе доктора, дѣйствія и причины, и пошла домой въ великомъ смущеніи, задумчивости, и съ безмѣрнымъ желаніемъ быть ученою, и разсуждала въ себѣ, что и она можетъ столько же быть достаточнымъ основаніемъ молодому Кандиду, а Кандидъ достаточнымъ основаніемъ ей.

Идучи

Идучи назадъ въ зáмокъ встрѣтилась она съ Кандидомъ, и покраснѣла; Кандидъ также покраснѣлъ: она поздоровалась съ нимъ голосомъ дрожащимъ и прерывающимся; а Кандидъ отвѣчалъ ей, не вѣдая и самъ, что говорилъ На другой день послѣ обѣда, какъ встали изъ за стола, Кунигунда съ Кандидомъ зашли за ширмы: Кунигунда уронила платокъ, Кандидъ ево поднялъ: она взяла его невиннымъ образомъ за руку; а сей юноша цѣловалъ невиннымъ образомъ дѣвушкину руку съ отмѣнною горячностїю, чувствительностїю и прїятностїю: уста ихъ склеились, глаза разгорѣлись, колѣни тряслись, руки заблудились. Между тѣмъ господинъ Баронъ фонъ Тгун-дер-тен-тронкгъ идучи подлѣ ширмъ увидѣлъ причину сїю и дѣйствїе, и выгналъ Кандида изъ зáмка пинками Кунигунда упала въ обморокъ; а какъ опамятовалась, то госпожа Баронесса выбила ее по щекамъ. И такъ все было въ замѣшательствѣ въ наипрекраснѣйшемъ и наипрїятнѣйшемъ изъ всѣхъ возможныхъ зáмкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Что здѣлалось съ Кандидомъ у Булгаровъ.

Кандидъ, изгнанный изъ земнаго рая, шелъ долгое время не знаючи и самъ куда, плакалъ, возводилъ глаза на небо, и огля-

дывался безпрестанно на пaverликолѢпнѢйшій изъ всѢхъ замокъ, въ которомъ жила наипрекраснѢйшая изъ всѢхъ молодыхъ Баронессъ, легъ не ужинавши на полѢ между двумя бороздами, а снѢгъ шолъ преужасный. Кандидъ переколѢвши потащился на другой день къ ближайшему городу, который назывался Валдберкгофъ - трарбкъ - дикдорфъ, не имѢя ни полушки денегъ, умираючи съ голоду и отъ усталости, остановился при печалившись передъ тракпиромъ. Увидѣли его два человѢка въ синихъ кафтанахъ: братъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, дѣтина етотъ видъ имѢетъ очень хорошій и ростъ изрядный. Они подошли къ Кандиду, и стали ево весьма учтиво просить съ ними отобѢдать. Государи мои, говорилъ Кандидъ съ удивительною кротостію, вы дѣлаете мнѢ очень много чести; но мнѢ нечѢмъ за себя заплатить. А! государь мой, сказалъ одинъ изъ синьчаковъ, люди вашего вида и достоинствъ никогда ничево не платятъ: будетъ въ васъ пять футовъ и пять дюймовъ росту? Ровно такъ, государи мои, отвѢчалъ онъ поклонившись. Просимъ милости, сударь, садитесь за столъ; мы не только заплатимъ за васъ, но и никогда не допустимъ, чтобъ у такова человѢка, какъ вы, не доставало денегъ: люди сотворены единственно для вспоможенія другъ другу. Вы справедливо говорите, сказалъ Кандидъ, это говаривалъ мнѢ всегда господинъ Панглосъ, и я увѢренъ, что все здѢлано къ наилучшему

лучшему концу. Просятъ его принять нѣсколько талеровъ: онъ ихъ беретъ, и хочетъ дать росписку : росписки взять не хотятъ, и садятся за столъ. Не любите ли вы страстно . . . ? Какъ не любить ! отвѣчалъ Кандидъ , я люблю страстно дѣвицу Кунигунду. Нѣтъ , сказалъ одинъ изъ сихъ господъ , мы спрашиваемъ васъ , любите ли вы страстно Короля Булгарскаго? Ни мало, говоритъ онъ ; я его отъ роду и не видалъ. Какъ! онъ самый лучшій изъ всѣхъ Королей: выпьемъ за его здоровье. О ! отъ всего сердца , государи мои ; и выпилъ. Довольно , говорятъ ему , теперь ты подпора , защитникъ и герой Булгарской ; щастіе твое здѣлано , и слава твоя съ тобою. Тотчасъ сковали ему ноги, и повели въ полкъ. Велятъ ему вертѣться на право , на лѣво , вынимать шомполъ , вкладывать шомполъ , прикладываться , палить , удвоивать шаги , и отвѣсили ему триццать ударовъ палкою. На завтрѣе дѣлаетъ онъ экзерциціи нѣсколько получше , и дали ему только уже двадцать ударовъ; на третій день досталось ему только десять , и товарищи почитаютъ его ужѐ за чудо.

Кандидъ въ крайнемъ изумленіи не понималъ еще хорошенько, какимъ образомъ онъ здѣлался героемъ. Однимъ прекраснымъ вешнимъ днемъ вздумалось ему пойти погулять : онъ шелъ куда его глаза несли , и думалъ, что и людямъ позволено такъ, какъ звѣрямъ, употреблять ноги свои по собствен-

ному произволенію. Не успѣлъ онъ еще перейти двухъ миль, какъ вдругъ нагнали его шесть другихъ героевъ о шести ногахъ: связали его, и отвели въ тюрму: спрашивали у него приказнымъ порядкомъ, чего ему лучше хочется, пробѣжать ли 36 разъ сквозь весь полкъ, или вдругъ получить 12 пуль въ лобъ? Сколько онъ ни увѣрялъ, что волю у человѣка никто отнять не можетъ, и что онъ ни того, ни другаго не хочетъ; однако надобно было одно что нибудь выбрать. Онъ пользуясь божескимъ даромъ, которой называютъ вольностію, согласился пробѣжать 36 разъ сквозь строй; двѣ прогулки онъ вытерпѣлъ. Полкъ состоялъ изъ двухъ тысячь человѣкъ; и такъ досталось ему четыре тысячи ударовъ, которые отъ самаго затылка до пояса обнажили ему и мягкія мѣста и жилы; а какъ дѣло дошло до третьей погонки, то Кандидъ выбившись изъ силы, сталъ просить, чтобъ изъ милости благоволили разможжить ему голову. Склонились на его прозьбу, завязали ему глаза, и поставили на колѣни. Въ ту самую минуту ѣхалъ мимо Булгарской Король, и спросилъ, какое онъ здѣлалъ преступленіе. Король сей былъ весьма великаго духа: онъ изъ отвѣтовъ Кандидовыхъ тотчасъ примѣтилъ, что онъ былъ молодой Метафизикъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ со всѣмъ незнающъ, простилъ его съ такою милостію, коя во всѣхъ запискахъ и во всѣ вѣки будетъ прославляема. Искусный лѣкарь

вылѣчилъ

вылѣчилъ Кандида въ три недѣли умягчительными лѣкарствами по правиламъ Діоскорида: кожа у него подростать уже стала, и онъ могъ ходить, какъ Король Булгарской далъ баталію съ Королемъ Абарскимъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Какимъ образомъ ушелъ Кандидъ отъ Булгаровъ, и что съ нимъ здѣлалось.

Ничто не было столь прекрасно, столь порядочно и столь блистательно разположено, какъ обѣ арміи. Трубы, флейты, гобои, барабаны, пушки составляли такое согласіе, какого никогда и въ адѣ не бывало. Пушки повалили сначала съ каждой стороны человѣкъ тысячь по шести; потомъ ружья очистили наилучшій изъ всѣхъ свѣтовъ отъ девяти или десяти тысячь мошенниковъ, которые заражали его поверьхность. Штыкъ также былъ достаточнымъ основаніемъ смерти нѣсколька тысячь человѣкъ. Всего на все легло тутъ можетъ быть до 30 тысячь душъ. Кандидъ дрожалъ по философски, и прятался во время сего геройскаго побоища, сколько было можно, лучше.

Напослѣдокъ, между тѣмъ какъ оба Короля, и каждой въ своемъ лагерѣ велѣли пѣть *Тебе Бога хвалимъ*, принялъ онъ намѣренїе итти разсуждать о дѣйствїяхъ и причинахъ въ другомъ мѣстѣ. Перебравшись чрезъ костры мертвыхъ и умирающихъ, дошелъ онъ до ближней деревни: она была превращена въ пепелъ, и принадлежала Абарцамъ, которую Булгары выжгли по законамъ общенароднаго права. Въ одномъ мѣстѣ старики изколотые по всюду были свидѣтелями смерти закланныхъ своихъ женъ, державшихъ при окровавленныхъ грудяхъ дѣтей своихъ; въ другой сторонѣ дѣвушки, коимъ, по удовольствованїи естественныхъ надобностей нѣкотораго числа героевъ, выпущены были кишки, испускали послѣднїя издыханїя; другїе, сожженные до половины, кричали и просили, чтобъ ихъ предали поскорѣе смерти. Мозги разбросаны были по землѣ подлѣ отрубленныхъ рукъ и ногъ.

Кандидъ побѣжалъ оттуда, какъ скоро было можно, въ другую деревню: она принадлежала Булгарамъ, и Абарскїе герои поступили съ нею тѣмъ же самымъ порядкомъ. Кандидъ идучи безпрестанно или по трепещущимъ еще членамъ, или по разоренымъ мѣстамъ, выбрался наконецъ изъ военнаго театра, неся въ котомкѣ своей нѣсколько съѣстнаго припаса, и не выпуская никогда изъ памяти дѣвицу Кунигунду. Припасъ его изошелъ весь, какъ пришелъ онъ въ Голландїю: но наслышавшись, что всѣ

всѣ люди въ землѣ сей богаты, и что они всѣ Христіане, не сумнѣвался, чтобъ не пожилось ему тутъ также хорошо, какъ и въ замкѣ господина Барона, до изгнанія его оттуда за прекрасныя глаза дѣвицы Кунигунды.

Онъ попросилъ у нѣкоторыхъ важнаго вида особъ милостины, которые всѣ ему отвѣчали, что естьли онъ ремесла сего не покинетъ, то посадятъ его въ покаянной домъ, гдѣ его научатъ, какъ жить.

Потомъ подошелъ онъ съ тѣмъ же къ одному человѣку, которой въ многочисленномъ собраніи говорилъ цѣлой часъ о человѣколюбіи. Ораторъ сей взглянувши на него косо спросилъ, за чѣмъ ты сюда пришелъ? Добрая ли причина твоему приходу? Нѣтъ никакого дѣйствія безъ причины, отвѣчалъ ему смиренно Кандидъ; все необходимо связано и устроено къ лучшему. Надобно было, чтобъ изгнали меня отъ дѣвицы Кунигунды, чтобъ прогнали сквозь строй; а теперь надобно, чтобъ я просилъ милостины, покуда могу доставать себѣ хлѣбъ трудами: всему сему инако быть было не можно. Другъ мой, сказалъ ему Ораторъ, вѣришь ли ты, что Папа есть Антихристъ? Я объ етомъ еще никогда не слыхалъ, отвѣчалъ Кандидъ; но пусть ето правда, или нѣтъ, токмо мнѣ теперь недостаетъ куска хлѣба. Ты того и недостоинъ, сказалъ Ораторъ; поди мошенникъ, поди негодной, не кажись ко мнѣ никогда на глаза. Жена

Ораторова

Ораторова выглянувши въ окошко, и увидѣвъ человѣка, который сумнѣвается, что Папа не Антихристъ, вылила ему на голову цѣлой . . . . . . О небо! до какой чрезмѣрности можетъ простираться въ женщинахъ ревность къ вѣрѣ.

Одинъ человѣкъ, котораго никогда не крестили, добрый Анавапвистъ, по имяни Іаковъ, увидѣвши, что поступаютъ такъ безчеловѣчно и поносно съ однимъ изъ его братій, двуножнымъ и неперна тымъ существомъ, которое имѣетъ душу; взялъ его къ себѣ, отеръ его, поставилъ ему хлѣба и пива, подарилъ два флорина, и хотѣлъ еще выучить его ткать на мануфактурахъ своихъ Персидскіе матеріи, какіе дѣлаютъ въ Голландіи.

Кандидъ, почти протянувшись предъ его ногами, вскричалъ въ восторгѣ: правду сказывалъ господинъ Панглосъ, что все на свѣтѣ дѣлается къ лучшему; потому что крайнее великодушіе ваше несравненно больше меня тронуло, нежели суровость господина сего въ черной епанчѣ и его сожительницы.

На другой день прогуливаючись увидѣлъ онъ нищаго, покрытаго повсюду ранами, глаза у него были какъ у мертваго, конецъ носа згнившій, ротъ на сторонѣ, зубы черные: онъ говорилъ въ носъ, и мучился такимъ жестокимъ кашлемъ, что за каждымъ пріемомъ выплевывалъ зубъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Какимъ случаемъ нашелъ Кандидъ прежняго своего Философіи учителя Доктора Панглоса, и что потомъ здѣлалось.

Кандидъ почувствовавъ въ себѣ больше жалости, нежели омерзѣнія, отдалъ страшному сему нищему тѣ два флорина, которые далъ ему честный его Анабаптистъ Іаковъ. Страшилище посмотрѣло на него пристально, заплакало, и бросилось ему на шею. Кандидъ испужавшись отступилъ назадъ. Боже мой! сказалъ бѣдной бѣдному, не ужѐ ли не узналъ ты любезнаго твоего Панглоса? Что я слышу? Что! ты мой любезный учитель! ты въ такомъ ужасномъ состояніи! Какое же приключилось тебѣ нещастіе? Для чего не живешь ты еще въ наипрекраснѣйшемъ изъ всѣхъ за́мковъ? Что здѣлалось съ дѣвицею Кунигундою, красою всѣхъ дѣвицъ, наисовершеннѣйшимъ произведеніемъ естества? Я не могу отвѣчать, сказалъ Панглосъ. Кандидъ повелъ его тотчасъ въ Анабаптистову работную избу, и далъ ему нѣсколько хлѣба. Какъ скоро Панглосъ оправился; скажи же мнѣ теперь, говорилъ онъ ему, о Кунигундѣ? Она умерла, отвѣчалъ гость. Кандидъ услышавъ слово сіе, упалъ въ обморокъ; другъ его

его

его возвратилЪ ему чувства помощію нѢсколька капель дурнаго уксусу, которой случился по щастію вЪ избѢ. КандидЪ открылЪ опять глаза: Кунигунда умерла! ахЪ! наилучшій изЪ всѢхЪ свѢтовЪ! гдѢ ты? Да какою она болѢзнію умерла? Не отЪ того ли, что выгналЪ меня батюшка ея пинками изЪ прекраснаго своего за́мка? НѢтЪ, отвѢчалЪ ПанглосЪ, Булгарскіе солдаты, удовольствовавши надЪ нею страсть свою, сколько было можно, распороли ей брюхо; господину Барону, которой хотѢлЪ ее защищать, прострѢлили голову; госпожу Баронессу изрубили вЪ куски; а сЪ бѢднымЪ воспитанникомЪ моимЪ поступили точно, какЪ и сЪ его сестрицею. ЧтожЪ касается до за́мка, то не осталось и камня на камнѢ, ни одной житницы, ни одной овцы, ни одной утки, ни одного дерева: но хорошо и имЪ за насЪ отмстили. Абарцы то же самое здѢлали сЪ сосѢдственнымЪ БаронствомЪ одного Булгарскаго господина.

Услышавъ сіе КандидЪ опять лишился чувствЪ: но опамятовавшись и выговоривши сЪ горести все, что вЪ такихЪ случаяхЪ обыкновенно говорятЪ, спрашивалЪ о причинѢ и дѢйствіи и о достаточномЪ основаніи, какія привели Панглоса вЪ толь жалостное состояніе. Увы! сказалЪ ФилософЪ, любовь, любовь, утѢха рода человѢческаго, содержательница мира, душа всѢхЪ чувствительныхЪ существЪ, нѢжная любовь. Увы! сказалЪ КандидЪ, и я позналЪ сію любовь,

обла-

обладательницу сердецъ, сїю душу нашей души: я въ ней ничего не испыталъ, кромѣ исправнаго поцѣлуя и двацати пинковъ съ зади. Но какимъ образомъ столь прекрасная причина могла произвести толь скаредное дѣйствїе?

Панглосъ отвѣчалъ ему слѣдующее: О любезный мой Кандидъ! ты зналъ Пакетту, ту пригожую служанку нашей свѣтлѣйшей Баронессы. Я вкушалъ въ объятїяхъ ея райскїя сладости, кои произвели сїи адскїя мученїя, которыми меня видите снѣдаема: она была ими заражена, а можетъ быть отъ того ужѐ и умерла. Пакетта получила подарокъ сей отъ одного весьма ученаго Францисканскаго Монаха; и онъ происходилъ изъ самого своего источника. Онъ достался ему отъ одной старой Графини, которая приняла его отъ драгунскаго капитана. Капитанъ долженъ былъ имъ нѣкоторой Маркизѣ, Маркиза Пажу, а Пажъ одному Езуиту, которой будучи еще ученикомъ, досталъ его въ прямой линїи отъ одного изъ товарищей Христофора Колумба; а я его ужѐ никому не отдамъ; я вижу, что моя смерть приближается.

О Панглосъ! вскричалъ Кандидъ, какое странное родословїе! конечно самъ дьяволъ его былъ корнемъ. Никакъ, отвѣчалъ сей великїй мужъ, дѣло сїе въ наилучшемъ изъ всѣхъ свѣтовъ необходимо было надобно, оно нужно къ его составленїю: ибо, естьли бы Колумбъ не заразился на одномъ изъ Американскихъ

риканскихъ острововъ сею болѣзнію, которая вливаетъ ядъ въ источникъ дѣтородства, а часто оному и препятствуетъ, и которая очевидно противоборствуетъ великому намѣренію естества, то не было бы у насъ ни шоколаду ни кошенили. Сверьхъ того надобно примѣтить и то, что болѣзнь сія въ нашей твердой землѣ особенно свойственна только намъ такъ, какъ и споры за вѣру. Турки, Индѣйцы, Персіане, Китайцы, Сіамцы и Японцы оныя еще не знаютъ; однако есть достаточное основаніе, что чрезъ нѣсколько вѣковъ будетъ она извѣстна и у нихъ. А между тѣмъ она у насъ ужасно ужѐ распространилась; а особливо усилилась она въ сихъ великихъ арміяхъ, состоящихъ изъ честныхъ наемныхъ героевъ, которые рѣшатъ судбину государствъ. Можно на вѣрное положить, что когда 30 тысячь человѣкъ бьются въ баталіи противъ толикагожъ числа другихъ, то ужѐ конечно съ обѣихъ сторонъ человѣкъ тысячь по двацати есть зараженныхъ.

Какъ ето удивительно, сказалъ Кандидъ; но надобно тебѣ вылѣчиться. Да какъ мнѣ вылѣчиться, сказалъ Панглосъ, у меня нѣтъ ни полушки денегъ; а на всемъ семъ обширномъ шарѣ нѣтъ средства ни крови пустить, ни клистиръ себѣ поставить, не заплатя за то денегъ, или естьли не заплатитъ за насъ кто другой.

Сіи послѣднія слова Кандида тронули: онъ упалъ къ ногамъ человѣколюбиваго Анабаптиста Іакова, и описалъ ему состояніе

пріятеля

пріятеля своего такъ живо, что сей добродушный человѣкъ взялъ тотчасъ доктора Панглоса къ себѣ въ домъ, и велѣлъ его вылѣчить на свой щетъ. Панглосъ лишился во время лѣченія только одного глаза и одного уха. Онъ умѣлъ хорошо писать, и зналъ совершенно ариѳметику. Анабаптистъ Іаковъ здѣлалъ его своимъ Букгалтеромъ. Будучи принужденъ по торговымъ своимъ дѣламъ чрезъ два мѣсяца ѣхать въ Лиссабону: взялъ онъ съ собою въ корабль и двухъ своихъ Философовъ.

Панглосъ толковалъ ему, какимъ то образомъ здѣлано на свѣтѣ все такъ, что лучше не можно: Іаковъ думалъ инако. По етому, говорилъ онъ, люди природу свою нѣсколько испортили; ибо, хотя они и не рождены волками, однако здѣлались волками. Богъ не далъ имъ ни пушекъ 24 фунтовыхъ, ни штыковъ; а они здѣлали себѣ для умерщвленія другъ друга и штыки и пушки. То же самое можно сказать и о банкеротахъ, и о правосудіи, которое ко вреду заимодавцовъ захватываетъ имѣнія банкеротовъ въ свои руки. Всему сему надобно было необходимо такъ быть, отвѣчалъ кривой докторъ: нещастія частныхъ людей составляютъ общее добро, такъ что чѣмъ больше бываетъ частныхъ нещастій, тѣмъ больше отъ того всеобщаго добра происходитъ. Между тѣмъ, какъ онъ о семъ разсуждалъ, воздухъ помрачился, вѣтры стали дуть со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, и

преужасная буря захватила корабль въ виду Лиссабонской гавани.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Буря, разбитїе корабля, трясенїе земли, и что здѣлалось съ докторомъ Панглосомъ, съ Кандидомъ и съ Анаваптистомъ Іаковомъ.

Половина находившихся на кораблѣ людей ослабѣвши, и издыхая отъ несказанной тоски, причиняемой колебаньемъ корабля въ жилахъ и во всѣхъ частяхъ тѣла разными чувствованїями изнуренныхъ, не имѣли силы и безпокоиться объ опасности. Прочїе кричали и молились; парусы всѣ были изорваны, машты переломаны, въ кораблѣ здѣлалось отверстїе. Работалъ кто толко могъ; никто ни кого не слушался, и никто не повелѣвалъ. Анаваптистъ пособлялъ по возможности; онъ стоялъ на декѣ; одинъ бѣшеной матросъ ударилъ его изъ всей силы, и повергъ на полъ; но при данномъ ему ударѣ столь сильно размахнулся, что самъ стремглавъ слетѣлъ съ корабля. По случаю зацѣпился онъ за обломокъ машты, и повисъ. Добродушный Іаковъ бросился ему помогать, встащилъ его на корабль, но старающись его

его избавить, упалъ самъ въ море; а матросъ видя сїе не токмо ему не помогъ, но и смотрѣть на него не хотѣлъ. Кандидъ прибѣжалъ, видитъ своего благодѣтеля въ крайней опасности; но онъ вынырнулъ изъ воды на минуту, и поглощенъ ею былъ на вѣки Кандидъ хочетъ броситься за нимъ въ море, но Философъ Панглосъ его удерживаетъ, доказывая ему, что Лиссабонская рейда здѣлана нарочно для того, чтобъ Анавaптистъ сей тамъ утонулъ. Между тѣмъ, какъ онъ сїе доказывалъ *á priori*, (умствованїями) корабль разсѣлся, и всѣ потонули кромѣ Панглоса, Кандида и того грубїана матроса, который утопилъ добродѣтельнаго Анавaптиста: бездѣльникъ выплылъ по щастїю на берегъ, а Панглосъ и Кандидъ добрались до онаго на доскѣ.

Собравшись нѣсколько съ силами пошли они въ Лиссабону: у нихъ осталось еще немного денегъ, съ помощїю которыхъ надѣялись они избавиться отъ голоду, свободившись отъ бури.

Едва только переступили они въ городъ, оплакивая смерть своего благодѣтеля, то почувствовали подъ ногами трясенїе земли; море кипитъ и поднимается въ гаванѣ, и ломаетъ стоящїе на якоряхъ корабли. Пламенный и пепельный вихрь покрываетъ улицы и площади, домы рушатся, кровли валятся на свои стѣны, а стѣны разсыпаются; тритцать тысячь

сячь человѣкъ жителей обоего пола и больших и малыхъ погибли подъ развалинами. Матросъ свисталъ и клялся, говоря, что тутъ есть чѣмъ поживиться. Какое бы достаточное основанїе могло быть сему произшествїю? сказалъ Панглосъ. Пришло преставленїе свѣту, вскричалъ Кандидъ. Матросъ бросается тотчасъ въ средину развалинъ, презираетъ смерть, и ищетъ денегъ; находитъ, беретъ, напивается пьянъ, а проспавшись насыщаетъ свое желанїе съ первою попавшеюся ему услужливою женщиною на развалинахъ испроверженныхъ домовъ и среди умирающихъ и мертвыхъ. Панглосъ тянулъ его между тѣмъ за рукавъ; другъ мой, говорилъ онъ ему, ето очень дурно, ты поступаешъ противъ здраваго разума, теперь ли время ето дѣлать? Ну къ чорту! услышалъ онъ въ отвѣтъ, что мнѣ нужды, я матросъ, и родился въ Батавїи; я ѣздилъ четыре раза въ Японїю, и четыре раза ступалъ на распятїе; нашолъ ты человѣка разсказывать про здравой разумъ!

Нѣсколько каменныхъ обломковъ ранили Кандида: онъ лежалъ протянувшись на улицѣ будучи покрытъ оными. Увы! говорилъ онъ Панглосу, достань мнѣ сколько нибудь вина и масла! я умираю. Землетрясенїе сїе не представляетъ намъ ничего новаго, отвѣчалъ Панглосъ; тоже самое было прошлаго года и въ Америкѣ въ городѣ Лимѣ; тѣже самые причины, тѣже

тѣже самыя дѣйствія; конечно лежитъ отъ Лимы до Лиссабоны сѣрная подъ землею жила. Ето весьма вѣроятно, сказалъ Кандидъ; но Бога ради принеси мнѣ нѣсколько масла и вина. Какъ вѣроятно! отвѣчалъ Философъ, я утверждаю, что ето уже доказано. Кандидъ лишился чувствъ; а Панглосъ принесъ ему нѣсколько воды изъ ближайшаго источника.

На другой день ползая между развалинами нашли они нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, и немного пооправились. Потомъ работали съ прочими, и помогали спасшимся отъ смерти жителямъ. Нѣкоторые граждане, которымъ они пособили, накормили ихъ изряднымъ обѣдомъ, какой только можно было здѣлать въ такомъ бѣдствіи. Правда, что пиръ сей былъ печальный, и возлежащіе орошали хлѣбъ слезами; но Панглосъ ихъ утѣшалъ, увѣряя, что инако быть было не возможно: потому что приключеніе сіе, говорилъ онъ, есть изъ всѣхъ наилучшее; потому что, естьли находится огнедышущая пропасть въ Лиссабонѣ, то уже въ другомъ мѣстѣ быть ей было не льзя; потому что не возможно, чтобъ что нибудь не было тамъ, гдѣ оно есть; потому что все здѣлано хорошо.

Низинкой черный человѣкъ, служитель инквизиціи, стоя подлѣ него, сказалъ ему учтивымъ образомъ: конечно, государь мой, не вѣрите вы и первородному грѣху? понеже, естьли все здѣлано

наилучшимъ образомъ, что не было ни паденія, ни наказанія.

Всепокорнѣйше прошу ваше преподобіе не прогнѣваться, отвѣчалъ Панглосъ еще съ большею учтивостію; понеже паденіе перьваго человѣка и проклятіе въ наилучшемъ изъ возможныхъ свѣтовъ было необходимо надобно Такъ не вѣрите вы по етому, государь мой, что намъ дана воля? сказалъ служитель. Извините ваше преподобіе, отвѣчалъ Панглосъ: вольность можетъ совмѣстна быть съ необходимою надобностью, потому что необходимо было надобно, чтобъ мы имѣли волю Ибо наконецъ воля ограниченная... Въ срединѣ сего Панглосова разговора служитель далъ знакъ головою своему приставу, который наливалъ и подавалъ ему Портское или Оппортское вино.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Какимъ образомъ здѣлано было великолѣпное инквизиціонное *auto-da-fe* (сожженіе) для отвращенія землетрясенія, и какъ Кандида сѣкли.

По прошествіи землетрясенія, разрушившаго три части города Лиссабоны, разумные въ государствѣ люди не могли выдумать

выдумать надежнѣйшаго средства къ предупрежденію совершеннаго разоренія, какъ представить народу великолѣпное позорище, называемое у нихъ *auto da fe*. Въ Коимбрскомъ Университетѣ рѣшили, что мѣдлительное сожженіе нѣсколькихъ человѣкъ съ великою церемоніею есть несумнительное таинство къ удержанію земли отъ трясенія.

Въ семъ намѣреніи схватили одного Бискайца обличеннаго въ томъ, что женился онъ на кумѣ; и двухъ Португальцовъ, которые ѣвши цыпленка вырывали изъ него ветчинное сало. А послѣ обѣда пришли вязать и доктора Панглоса и ученика его Кандида: одного за то, что говорилъ; а другова за то, что слушалъ съ нѣкоторымъ видомъ одобренія. Повели обѣихъ въ разные покои, весьма умѣренной теплоты, въ которыхъ солнце никогда не обезпокоивало. Чрезъ восемь дней нарядили ихъ въ Санбениту (одежда, которую надѣваютъ на приговоренныхъ къ сожженію), а головы ихъ украсили бумажными вѣнцами; на вѣнцѣ и Санбенитѣ Кандидовой изображены были пламя пылающее съ верьху внизъ, и діаволы неимѣющіе ни хвостовъ, ни когтей: а Панглосовы діаволы были и съ когтями и съ хвостами, и пламя пылало въ верьхъ. Въ убранствѣ семъ шли они въ провожаніи всего города, и слушали проповѣдь, сочиненную весьма въ сильныхъ выраженіяхъ; послѣ которой нача-

лась

лась преизрядная музыка плачевнаго напѣва. Кандида сѣкли во время пѣнія въ тактъ; Бискайца и тѣхъ двухъ человѣкъ, которые не хотѣли ѣсть свинаго сала сожгли, а Панглоса повѣсили, хотя ето было и не очень употребительно. Тогожъ еще самаго дня тряслась опять земля съ ужаснымъ трескомъ.

Кандидъ въ ужасѣ, въ изумленіи и безъ памяти, изсѣченъ до крови, и трясучись весь разсуждалъ самъ съ собою: естьли и етотъ свѣтъ изъ всѣхъ возможныхъ есть наилучшій, то что ужѐ думать о прочихъ? Пусть бы меня только высѣкли; я ужѐ былъ сѣченъ и у Булгаровъ; но ты любезный мой Панглосъ, наипремудрѣйшій изъ всѣхъ Философовъ! надобно ли, чтобъ я видѣлъ тебя повѣшеннаго, не знаючи за что? О любезный мой Анавапшистъ, наилучшій изъ всѣхъ человѣковъ, надобно ли, чтобъ утонулъ ты въ гавани! О Кунигунда, краса всѣхъ дѣвицъ, надобно ли, чтобъ разпороли тебѣ брюхо?

Онъ побрелъ оттуда такъ, что едва могъ волочить ноги, просвѣщенъ проповѣдію, высѣченъ, разрѣшенъ и благословленъ, какъ подошла къ нему старуха, и сказала: ободрись дитятко, и поди за мною.

ГЛАВА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Какое старуха имѣла попеченїе о Кандидѣ, и какъ нашелъ то, что любилъ.

Кандидъ нимало не ободрился, однако пошелъ за старухою въ вѣтхой домикъ: она дала ему горшечикъ помады мазать тѣло, и оставила ему ѣсть и пить; показала малинкую нарочито опрятную постелю; а подлѣ постели лежала перемѣна платья. Ѣшъ, пей и спи, сказала она ему, я препоручаю тебя въ покровительство Атохской Богородицѣ и святымъ великимъ угодникамъ Антонїю Падуанскому и Їакову Компостельскому; я приду къ тебѣ завтра. Кандидъ удивляясь безпрестанно всему тому, что онъ видѣлъ, и что вытерпѣлъ, а еще больше человѣколюбїю старухи, хотѣлъ поцѣловать у ней руку. Не мою руку надобно цѣловать, сказала старуха; я приду завтра, мажься помадою, ѣшъ и пей.

Кандидъ, не смотря на всѣ сїи нещастїя, поѣлъ и заснулъ. На другой день принесла ему старуха позавтракать, осмотрѣла ему спину, помазала его сама другою помадою, потомъ принесла ему обѣдать; подъ вечеръ пришла опять, и принесла ужинать. На третїй день дѣлала съ нимъ тѣже самые церемонїи. Кто

вы таковы? спрашивалъ у ней всякой разъ Кандидъ, для чего вы ко мнѣ столь милостивы? чѣмъ могу я вамъ за то благодарить? Попечительная старушка не отвѣчала ему на то ни слова: вечеромъ пришла она опять, и ужинать уже не принесла. Подите со мною, сказала она, и не говорите ни слова Она беретъ его подъ руку, и ведетъ его въ деревню, около четверти мили отстоящую: напослѣдокъ приходятъ къ одному особенно стоящему дому, окруженному садами и каналами. Старуха постучала въ маленькїе дверцы: они отворились; а старушка вводитъ его по потаенной лесницѣ въ вызолоченный повсюду кабинетъ, сажаетъ на парчевое канапе, запираетъ двери и уходитъ. Кандидъ думаетъ, что онъ спитъ: онъ почиталъ всю свою жизнь не инако, какъ бѣдственнымъ сномъ, а сїю минуту сномъ прїятнымъ.

Старуха появилась тотчасъ опять: она съ немалымъ трудомъ вела подъ руку дрожащую женщину величественнаго вида, блестящую дорогими каменьями, и накрытую покрываломъ Сними ето покрывало. сказала старуха Кандиду. Сей молодой человѣкъ подходитъ, снимаетъ покрывало робкою рукою. Какая минута! какое удивленїе! ему показалось, что видитъ онъ дѣвицу Кунигунду. Онъ и дѣйствительно видѣлъ ее, и ето была она. Ноги у него подломились, и онъ не можетъ выгово-

выговорить ни одного слова, упадаетъ къ ея ногамъ, а Кунигунда упала на канапе. Старуха льетъ на нихъ крѣпкіе воды: они приходятъ въ чувство, и разговариваютъ: сперьва начались пресѣкающіяся слова, вопросы и отвѣты безъ всякаго порядка, вздохи, слезы и восклицанія. Старуха совѣтуетъ имъ, чтобъ они не столько шумѣли, и оставляетъ ихъ въ покоѣ. Что я вижу! вы ли ето? сказалъ ей Кандидъ. Вы еще живы! я нахожу васъ въ Португалліи! По етому не здѣлали вамъ и насильства? по етому, не разпороли вамъ и бруха, такъ какъ увѣрялъ меня Философъ Панглосъ? Все ето было, отвѣчала прекрасная Кунигунда; однако отъ сихъ двухъ приключеній не всегда умираютъ. Но правда ли то, что батюшку и матушку вашихъ убили? Убили, сказала Кунигунда со слезами; а братецъ вашъ? и братца также убили Да за чѣмъ же вы пріѣхали въ Португаллію, почему вы узнали, что я здѣсь? и какимъ страннымъ случаемъ велѣли вы привести меня въ етотъ домъ? Я тебѣ все раскажу, отвѣчала Кунигунда; но скажи ты мнѣ прежде, что съ тобою происходило съ самаго того невиннаго вашего поцѣлуя, и съ тѣхъ поръ, какъ выгнали васъ пинками.

Кандидъ исполнилъ повелѣніе ея съ глубокимъ почтеніемъ; и хотя онъ былъ въ крайнемъ смущеніи, хотя голосъ у него былъ слабъ и дрожалъ, хотя спина у него

еще

еще не множко и болѣла ; однако расказалъ ей самымъ откровеннымъ сердцемъ все, что онъ со времяни разлуки ихъ ни претерпѣлъ. Кунигунда возводила глаза на небо, и поплакала по добродушномъ Анавaптистѣ и по Панглосѣ ; а потомъ начала расказывать слѣдующее Кандиду , которой слушалъ съ великимъ вниманїемъ, и не спускалъ съ нее глазъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ

Приключенїя Кунигунды.

Я лежала на постелѣ и очень крѣпко спала, какъ наслало небо Булгаровъ на прекрасный нашъ замокъ Тгун-дер-тенъ-тронкгъ : батюшку и братца они задавили, а матушку изрубили въ куски. Одинъ большой Булгаръ , вышиною въ шесть футовъ , увидя , что я при случаѣ семъ лишилась чувствъ , началъ дѣлать мнѣ насильство; я отъ тово опомнилась, пришла въ чувство , стала кричать , биться , кусать, царапать, хотѣла выдрать страшному сему Булгару глаза , не зная того , что все приключившееся замку батюшки моего было дѣло обычайное : грубїанъ далъ мнѣ рану ножемъ въ лѣвой бокъ , которая еще и теперь видна. Увы ! я надѣюсь, что я ея увижу, сказалъ простодушный Кандидъ.

дидъ. Я тебѣ ее покажу , отвѣчала Кунигунда , а теперь буду продолжать. Продолжайте , сказалъ Кандидъ.

Она зачала опять слѣдующимъ образомъ: вдругъ вошелъ Булгарской Капитанъ , онъ увидѣлъ меня всю въ крови, а салдатъ не смотря на него дѣлалъ, что ему было надобно. Капитанъ разсердился , что грубіанъ сей имѣетъ къ нему столь мало почтенія , и убилъ его лежащаго на мнѣ. Потомъ велѣлъ меня лѣчить, и повезъ какъ военноплѣнницу въ свой лагерь. Я перемывала у него нѣсколько рубахъ, готовила ему кушанье ; я ему полюбилась , признаюсь, такъ какъ должна сказать и то, что и онъ былъ очень пригожъ , и тѣло имѣлъ бѣлое и гладкое ; въ прочемъ былъ глупъ и худой Философъ; видно было, что не докторъ Панглосъ его воспиталъ. По прошествіи трехъ мѣсяцовъ , проигравши всѣ свои деньги , а притомъ какъ я ему наскучила, продалъ онъ меня Жиду, именемъ Дону Исахару, который торговалъ въ Голландіи и въ Португалліи , и любилъ страстно женскій полъ. Жидъ сей очень ко мнѣ привязался , однако склонить меня не могъ ; я ему сильнѣе противилась , нежели Булгарскому солдату. Честной женщинѣ можно здѣлать насильствіе одинъ разъ , но тѣмъ болѣе утверждается ея добродѣтель. Жидъ , чтобъ короче со мною познакомиться , отвезъ меня въ сей загородный домъ. Я думала по сіе время , что

нѣтъ

нѣтъ на свѣтѣ ничего прекраснѣе Тгундеръ-тенъ-тронкгскаго замка; но теперь вижу противное.

Однажды увидѣлъ меня въ церькви великїй Инквизиторъ: онъ посматривалъ на меня очень прилѣжно, и велѣлъ мнѣ сказать, что имѣетъ нужду поговорить со мною о тайномъ дѣлѣ. Привели меня въ его палаты, я объявила ему мою породу: онъ представлялъ мнѣ, сколь поносно женщинѣ моего состоянїя принадлежать Израильтянину. Дону Исахару предложено было съ его стороны,- чтобъ уступилъ онъ меня его высокопреподобїю. Донъ Исахаръ, будучи придворный банкиръ и человѣкъ богатый, не хотѣлъ о томъ и слышать. Инквизиторъ грозилъ ему Ауто-да-феемъ (сожженїемъ). Напослѣдокъ Жидъ мой испужавшись окончилъ торгъ тѣмъ, чтобъ домъ и я принадлежали имъ вообще, и что Жидъ будетъ хозяиномъ по понедѣльникамъ, средамъ и по субботамъ; а Инквизиторъ по протчимъ днямъ недѣли. Теперь ужѐ прошло полгода, какъ договоръ сей состоитъ въ своей силѣ. Однако было не безъ хлопотъ: ибо часто происходилъ споръ, къ старому ли, или къ новому завѣту принадлежитъ ночь съ субботы на воскресенье. Чтожъ до меня касается, то я еще понынѣ ни тому ни другому не здалась, и думаю, что за тѣмъ только меня по сїе время и любятъ,

Напо-

Напослѣдокъ для отвращенія земле-трясенія, и чтобъ испужать Дона Исахара, вздумалось его высокопреподобію Инквизитору праздновать Ауто-да-фе. Онъ здѣлалъ мнѣ ту честь, что пригласилъ меня на оное торжество. Мнѣ дали очень хорошее мѣсто; женщинамъ между мшею и эксекуціею подаваны были конфекты. Я признаюсь, что видя горящихъ двухъ Жидовъ и того честнаго Бискайца, которой женился на кумѣ, чувствовала я въ себѣ крайнее сострâданіе: но въ какое пришла я удивленіе, въ ужасъ и въ смущеніе, увидѣвши въ Санбенитѣ и въ митрѣ лице, походящее на Панглоса! Я протирала себѣ глаза, разсматривала пристально, и увидѣла, что его повѣсили: я упала въ обморокъ, но только лишъ опамятовалась, то увидѣла тебя раздѣтаго до нага: тутъ ужѐ пришла я въ совершенной ужасъ, въ смущеніе, печаль и отчаяніе. Я скажу тебѣ безпристрастно, что тѣло у тебя еще бѣлѣе и нѣжнѣе, нежели у моего Булгарскаго капитана. Увидя сіе всѣ внутреннія движенія, которыя сердце мое обременяли и пронзали, умножились еще больше. Я вскричала, хотѣла сказать постойте варвары; но языкъ мой болѣе не дѣйствовалъ, и крикъ мой былъ бы тщетенъ, какъ ужѐ тебя высѣкли. Можноли, говорила я сама въ себѣ, чтобъ любезный мой Кандидъ и премудрый Панглосъ пріѣхали въ Лиссабону за тѣмъ, чтобъ одного безъ

милости

милости высѣкли, а другаго повѣсили по приказу его высокопреподобія Инквизитора, у котораго я любовницею? Панглосъ видно ужасно меня обманулъ, когда мнѣ говаривалъ, что все на свѣтѣ дѣлается наилучшимъ образомъ. Отъ крайняго безпокойства и горести, иногда лишалась я чувствъ, иногда отъ слабости была при послѣднемъ издыханіи. Мнѣ воображались безпрестанно убіеніе отца моего, матери и брата, грубость того мерскаго Булгарскаго солдата, которой далъ мнѣ ножемъ рану, рабство мое и должность поварихи, Булгарской мой капитанъ, безобразной Донъ Исахаръ, проклятый мой Инквизиторъ, повѣшенный докторъ Панглосъ, молебное сіе пѣніе, во время котораго тебя сѣкли, а особливо послѣдній мой съ тобою за ширмами поцѣлуй въ тотъ день, въ которой я въ послѣдней разъ съ тобою видѣлась. Я благодарила Бога, что возвратилъ мнѣ тебя по такихъ искушеніяхъ. Приказала моей старухѣ, чтобъ она о тебѣ имѣла попеченіе, и привела бы тебя сюда, какъ скоро будетъ возможно Она исполнила приказъ мой съ совершенною исправностію. Я чувствую теперь то несказанное удовольствіе, что тебя вижу, слышу, и съ тобою говорю. Я думаю, что ты ужасно голоденъ, и мнѣ также хочется ѣсть, начнемъ ужинать.

Оба они сѣли за столъ, а послѣ ужина возвратились на то богатое канапе, о которомъ я прежде говорилъ: они

они тутъ сидѣли, какъ вошелъ къ нимъ господинъ Исахаро, одинъ изъ хозяевъ дома. День тотъ былъ субботный, и онъ пришелъ пользоваться своими правами, и изъяснять нѣжную свою любовь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Что зделалось съ Кунигундою, съ Кандидомъ, съ великимъ Инквизиторомъ и съ Жидомъ.

Исахаръ сей былъ такъ сердитъ и вспыльчивъ, что подобнаго ему во всемъ Израилѣ не бывало съ самаго Вавилонскаго плѣна. Какъ! сказалъ онъ, проклятая Галилеянка, тебѣ не довольно еще и Инквизитора? Надобно, чтобъ дѣлился со мною и етотъ бездѣльникъ? Выговоривши сїе выхватилъ онъ кинжалъ, которой всегда у него былъ въ запасѣ, и не думая, чтобъ у соперника его было также оружїе, бросился на Кандида: но Вестфалецъ нашъ получилъ отъ старухи съ платьемъ и шпагу. Онъ ее тотчасъ обнажилъ, хотя былъ и весьма тихаго нрава, и повергъ Израильтянина мертваго на полъ передъ ногами Кунигунды.

Боже мой! вскричала она, до чего мы дойдемъ? Человѣкъ убитъ въ моемъ домѣ!

естьли объ етомъ провѣдаютъ, то мы погибли. Естьли бы не повѣсили Панглоса, сказалъ Кандидъ, то онъ далъ бы намъ въ такой крайности полезный совѣтъ; потому что онъ былъ великїй филос фъ. А какъ его ужѐ нѣтъ, то посовѣтуемъ съ старухою. Старуха была очень умна, и начала было ужѐ предлагать свое мнѣнїе, какъ отворились другїе малинькїе дверцы. Ужѐ било часъ за полночь, а ето было начало воскресенья. День сей принадлежалъ его высокопреподобїю Инквизитору. Онъ вошелъ, и видитъ сѣченнаго Кандида, стоящаго съ обнаженною шпагою, а на полу мертвое тѣло, Кунигунду испужавшуюся, а старуху дающую совѣты.

Кандидъ при свиданїи семъ разсуждалъ самъ въ себѣ слѣдующимъ образомъ: естьли святый мужъ сей закричитъ, и будетъ требовать помощи, то онъ меня вѣрно сожжетъ, а можетъ быть тоже здѣлаетъ и съ Кунигундою; онъ меня сѣкъ безъ милости; онъ мой соперникъ; я теперь людей убивать разохотился, не о чемъ думать. Разсужденїе его было просто и скоропостижно, такъ, что онъ не давши еще Инквизитору времени опомниться, прокололъ его насквозь, и положилъ подлѣ Жида. Вотъ и того еще лучше, сказала Кунигунда! теперь ужѐ намъ нѣтъ прощенїя; мы прокляты, и пришелъ послѣднїй часъ нашей жизни Какимъ образомъ могъ ты, будучи съ природы такъ тихъ, убить въ двѣ минуты

нуты и Жида и священную особу? Прекрасная Кунигунда, отвѣчалъ Кандидъ, когда кто влюбленъ, ревнивъ, и сѣченъ отъ Инквизиціи, тотъ и самъ себя не помнитъ.

Старуха начала тутъ говорить слѣдующимъ образомъ: въ конюшнѣ стоятъ три Андалузскіе лошади, для которыхъ есть сѣдла и узды; пусть ихъ храбрый Кандидъ осѣдлаетъ; у васъ сударыня есть нѣсколько мойядоровъ и бриллїантовъ; сядемъ тотчасъ верьхами, хотя мнѣ и не инако, какъ одною половиною сидѣть можно, и поскачемъ въ Кадиксъ; погода теперь самая хорошая, а притомъ и очень весело ѣхать въ прохладное ночное время.

Кандидъ осѣдлалъ тотчасъ лошадей. Кунигунда, старуха, и онъ уѣхали тритцать миль не кормя. Между тѣмъ, какъ они удаляются, прїѣхали въ домъ посланные изъ Сентъ Германдадскаго суда; тѣло его высокопреподобїя погребли въ изрядной церьквѣ, а Исахара бросили въ живодерную яму.

Кандидъ, Кунигунда и старуха добрались ужѐ до Авацены небольшаго городка, лежащаго между Сїерро-Моренскими горами, и разговаривали сидя въ корчмѣ слѣдующее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ какомъ страхѣ Кандидъ, Кунигунда и старуха пріѣхали въ Кадиксъ, и какимъ образомъ отправились въ море.

Кто же укралъ у меня мои пистоли и бриліанты? говорила въ слезахъ Кунигунда; чѣмъ мы будемъ жить, что станемъ дѣлать, гдѣ найду теперь Инквизиторовъ и Жидовъ, которые надѣлили бы меня другими? Увы, сказала старуха, я очень подозрѣваю одного честнаго отца Францисканскаго монаха, которой ночевалъ вчера вмѣстѣ съ нами въ Бадаіосѣ: Боже меня избавь отъ такого дерзскаго подозрѣнія! однако я видѣла, что онъ два раза входилъ въ нашу горницу, и уѣхалъ гораздо прежде насъ. Увы! сказалъ Кандидъ, другъ нашъ Панглосъ часто мнѣ доказывалъ, что земное богатство есть всѣмъ людямъ общее, и что всѣ имѣютъ на него равное право. Монаху сему надлежало бы по силѣ такого правила оставить намъ столько, чтобъ мы путь нашъ окончать могли. И такъ у васъ ничего не осталось, прекрасная Кунигунда? Ни одного мараведиса, отвѣчала она. Чтожъ теперь дѣлать? сказалъ Кандидъ. Продадимъ одну лошадь, говорила старуха. Я сяду съ дѣвицею на одну лошадь позади ее, хотя мнѣ не инако, какъ

одною

одною половиною сидѣть можно, и доѣдемъ до Кадикса.

Въ томъ же самомъ постояломъ дворѣ случился Пріоръ Бенедиктинскаго ордена, и купилъ лошадь у нихъ недорогою цѣною. Кандидъ, Кунигунда и старуха ѣхали чрезъ Лицену, Хилласъ, Лебриксу, и прибыли напослѣдокъ въ Кадиксъ. Въ то время тамъ вооружали флотъ, и собирали войско для усмиренія честныхъ отцовъ Парагайскихъ Езуитовъ, о которыхъ говорили, что они возмутили одну изъ своихъ ордъ противъ Гишпанскаго и Португальскаго Королей, близъ города Сентъ Сакрамента. Кандидъ побывавши въ Булгарской службѣ дѣлалъ эксерциціи по Булгарскому манеру передъ Генераломъ сей малинькой арміи такъ пріятно, скоро, проворно, гордо и поворотливо, что дали ему тотчасъ въ команду одну пѣхотную роту. Теперь онъ Капитанъ, и сѣлъ въ корабль съ дѣвицею Кунигундою, съ старухою, съ двумя слугами и съ двѣмя Андалузскими лошадьми, которыя принадлежали прежде господину великому Инквизитору Португальскому.

Во весь путь разсуждали они очень много о философіи бѣднаго Панглоса. Мы ѣдемъ въ другой свѣтъ, говорилъ Кандидъ; конечно ето самой тотъ, гдѣ все хорошо. А что до нашего принадлежитъ, то надобно признаться, что жить въ немъ, и въ разсужденіи Физики и въ разсужденіи

 Морали

Морали нѣсколько трудновато. Я тебя всѣмъ сердцемъ люблю, говорила Кунигунда; но не могу еще забыть всего того, что я видѣла, и что претерпѣла. Теперь все будетъ хорошо, отвѣчалъ Кандидъ, и море сего новаго свѣта ужѐ лучше нашихъ Европейскихъ морей: оно гораздо тише, и вѣтры дуютъ постояннѣе. Конечно етотъ - то новый свѣтъ изъ всѣхъ возможныхъ есть наилучшій. Дай Богъ, чтобъ ето была правда, говорила Кунигунда; но въ нашемъ свѣтѣ поступали со мною такъ безчеловѣчно, что я ужѐ почти ничего лучшаго не надѣюсь. Вы жалуетесь, сказала имъ старуха. Увы! вы еще такихъ нещастій не видали, какъ я. Кунигунда чуть не засмѣялась; старуха показалась ей очень смѣшною, что хотѣла быть нещастнѣе ее. Ахъ! говорила она ей, свѣтъ мой, по крайней мѣрѣ не отнята у тебя честь Булгарами, не дано тебѣ раны ножемъ въ брюхо, не срыли у тебя замка, не убили при твоихъ глазахъ матери и отца, и не видала ты, чтобъ сѣкли въ Ауто - да - фе твоего любовника; я не знаю, чѣмъ бы ты у меня взяла преимущество. Подумай сверьхъ всего, что я происходя отъ 72 колѣна баронскаго была поварихою. Государыня моя, отвѣчала старуха, вы еще не знаете, какой породы я; и естьлибъ показала я вамъ мой задъ, то бы вы конечно такъ не говорили, и отложили бы на время ваше

ваше мнѣнïе. Слова сïи произвели въ Кунигундѣ и въ Кандидѣ крайнее любопытство. Старуха начала разказывать слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Приключенïя старухи.

Не всегда были у меня глаза гноючïе и красные, носъ мой не всегда касался подбородка, и не всегда была я служанкою. Я дочь Папы Урбана X. и Принцессы Палестринской. До четырнадцати лѣтъ возпитали меня въ такихъ палатахъ, для которыхъ всѣ замки Нѣмецкихъ вашихъ Бароновъ и въ конюшни не годились: одно изъ моихъ платьевъ стояло больше, нежели всѣ великолѣпïя Вестфальскïя; съ лѣтами возрастала и красота моя, прiятности и дарованïя; со всѣхъ сторонъ окружена была я веселостями, почтенïемъ и надеждами. Уже плѣняла я сердца. Шея моя начинала выравниваться; но надобно знать какая шея! бѣлая, какъ снѣгъ, полная и статная, какъ у Медицейской Венеры; какïя глаза! какïе вѣки! какïя черныя брови! какïй огонь блисталъ въ моихъ глазахъ! онъ затмѣвалъ блистанïе звѣздъ, такъ какъ увѣряли меня въ томъ наши стихотворцы.

цы. Женщины, которые меня одѣвали и раздѣвали, видя меня съ переди и съ зади, приходили въ возхищенiе; а мужчины всѣ желали быть на ихъ мѣстѣ.

Я обручена была самодержавному Принцу Масса-Карарскому; но какому Принцу! столь же прекрасному, какъ и я, украшенному тихимъ и прiятнымъ нравомъ, блистающему разумомъ и горящему любовiю. Я любила его такъ, какъ любятъ въ первый разъ, то есть даже до обоженiя и чрезмѣрности. Къ сочетанiю нашему все уже было приготовлено. По всюду видно было неслыханное торжество и великолѣпiе; пиры, карусели, безпрерывныя веселыя оперы, и вся Италiя дѣлала въ честь мнѣ сонеты, изъ которыхъ ни одного не было годнаго. Я уже почитала себя щастливою, какъ нѣкоторая старая Маркиза, бывшая любовница моего Принца, позвала его къ себѣ пить шоколата. Онъ умеръ меньше, нежели черезъ два часа въ ужасныхъ мученiяхъ. Но ето еще ничто. Мать моя будучи въ отчаянiи; однако гораздо меньше печальна, нежели я, вздумала изъ толь бѣдственнаго мѣста на нѣкоторое время отъѣхать. У ней была очень хорошая деревня близъ Ганетты. Мы сѣли на галеру, вызолоченную не хуже олтаря святаго Петра въ Римѣ Набѣжалъ на насъ Салейскiй разбойникъ, и присталъ къ нашей галерѣ. Солдаты наши оборонялись такъ, какъ обороняются Папскiе солдаты:

онѣ

они всѣ упали на колѣни, и положа ружье просили у разбойника разрѣшенія при смертномъ часѣ.

Тотчасъ раздѣли ихъ до нага, какъ обезьянъ, раздѣли и мать мою, раздѣли фрейлинъ нашихъ, раздѣли и меня. Ужасно какъ проворно умѣютъ сіи господа раздѣвать людей. Но что меня больше всего удивило, то щупали они перстомъ у всѣхъ въ томъ мѣстѣ, въ которое мы женщины обыкновенно не допущаемъ вкладывать ничего лишняго. Церемонія сія показалась мнѣ очень странною. Такъ то все странно кажется тѣмъ, которые не выѣзжали изъ своего отечества! Мнѣ сказали потомъ, что дѣлалось сіе за тѣмъ, чтобъ осмотрѣть не спрятали ли мы гдѣ нибудь брилліантовъ. Просвѣщенные народы, разъѣзжающіе по морю, имѣютъ привычку сію съ самыхъ древнихъ вѣковъ. Я слышала, что и господа духовные Кавалеры острова Мальты обыкновенія сего никогда не забываютъ при взятіи въ полонъ Турокъ и Турчанокъ. Законъ сей основанъ на народномъ правѣ, котораго никогда отмѣнить не можно.

Я почитаю за излишнее расказывать вамъ, сколь несносно молодой Принцессѣ быть веденной плѣнницею въ Марокко и съ матерью. Вы легко можете себѣ вообразить все, что претерпѣли мы на разбойническомъ кораблѣ. Мать моя была еще очень прекрасна; фрейлины наши и простые горнишные

нишные дѣвушки были такъ пригожи, что подобныхъ имъ во всей Африкѣ не находилось. А я! я была прелесница, самая красота, самая прїятность, и была еще непорочна. Однако непорочность моя не долго продолжалась: цвѣтокъ сей, блюдомый для прекраснаго Масса Карарскаго Принца, сорвалъ разбойнической капитанъ. Онъ былъ ужасно черенъ, и думалъ еще, что дѣлаетъ мнѣ тѣмъ честь. Надобно, чтобъ Принцесса Палестринская, и я были довольно крѣпкаго сложенїя, когда отъ всего претерпѣннаго нами до прибытїя нашего въ Марокко мы не умерли. Но что объ етомъ говорить, ето такїя обыкновенныя приключенїя, которыя не стоятъ тово, чтобъ объ нихъ и упоминать.

Марокко утопалъ въ крови, какъ мы въ него прибыли. У пятидесяти сыновей Императора Мулея - Исмаила у каждаго была своя партїя, такъ что въ самомъ дѣлѣ было пятьдесятъ междоусобныхъ браней. Черныя бились противъ черныхъ, черные противъ смуглыхъ, смуглые противъ смуглыхъ, темновидные противъ темновидныхъ. По всему государству безпрерывное происходило кровопролитїе.

Лишъ только выступили мы на берегъ, то черные противной нашему разбойнику партїи, бросились отнимать у него добычу. Послѣ брилліантовъ и золота были мы у него дороже всего. Я видѣла тутъ такое сраженїе, какого вы въ вашихъ Европей-

пейскихъ климатахъ никогда не видали. У сѣверныхъ народовъ кровь не столько горяча. Они не такъ страстны къ женскому полу, какъ Африканцы. Кажется, что у Европейцовъ нашихъ въ жилахъ молоко, а не кровь; а у жителей горы Атланта и граничащихъ съ оною земель течетъ въ жилахъ купоросъ и огнь. Они дрались за насъ съ такоюжъ яростію, какъ и львы, какъ тигры, какъ Африканскіе змѣи. Одинъ Мавръ схватилъ мать мою за правую руку, порутчикъ капитанскій держалъ ее за лѣвую; Мавританскій солдатъ взялъ ее за ногу, а одинъ изъ нашихъ разбойниковъ тянулъ за другую. Въ одну минуту почти всѣхъ нашихъ дѣвушекъ тащили по четыре солдата, и каждый къ себѣ. Капитанъ мой поставилъ меня позади себя. Сабля была у него въ рукахъ: онъ убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто отваживался ему противиться Наконецъ увидѣла я, что всѣхъ нашихъ Италіанокъ и мать мою отъ части разорвали, отъ части перерубили и перекололи самыя тѣ чудовища, которыя за нихъ дрались. Взятые со мною плѣнники и тѣ, которые ихъ взяли солдаты, матрозы, черные, бѣлые и смуглые, а напослѣдокъ и самъ капитанъ, всѣ были побиты; а я лежала при послѣднемъ издыханіи на кучѣ мертвыхъ тѣлъ. Подобныя сему дѣйствія произходили, какъ всѣмъ извѣстно на цѣлыхъ 300 миляхъ, гдѣ при всемъ томъ ежедневныя пять молитвъ,

литвѣ, заповѣданныя Махометомъ, отправлялись безъ малѣйшаго упущенія.

Изъ толикаго множества окровавленныхъ тѣлъ лежащихъ одно на другомъ, на силу я выдралась, и побрела подъ большое померанцовое дерево, стоявшее тамъ подлѣ ручья; я бросилась тутъ съ ужаса, съ слабости, съ омерзѣнія, съ отчаянія и съ голода на землю. Скоро послѣ того, по причинѣ утомившихся чувствъ, заснула; но сонъ сей походилъ болѣе на безпамятство, нежели на покой. Будучи въ такой слабости и нечувствительности, между жизнію и смертію почувствовала я, что нѣчто меня тискаетъ и на мнѣ движется. Я открыла глаза, и увидѣла бѣлаго и недурнаго человѣка, которой вздыхалъ и говорилъ сквозь зубы нѣчто по Италіански.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Продолженіе нещастій старухиныхъ.

Въ удивленіи и въ радости, услышавъ природный мой языкъ, и чудясь особливо выговореннымъ отъ него словамъ, отвѣчала я ему, что есть еще на свѣтѣ и большія нещастія, нежели на какія онъ жалуется. Я разказала ему въ двухъ словахъ всѣ видѣнныя мною ужасти, и лишилась опять

чувствъ.

чувствъ. Онъ отнесъ меня въ ближнїй домъ, велѣлъ положить на постелю, принести кушанья, кормилъ меня, утѣшалъ, ласкалъ, говорилъ что онъ прекраснѣе меня никого въ жизни не видывалъ, и что никогда столько не сожалѣлъ о томъ, чего ему никто уже возвратить не можетъ. Я родился въ Неаполѣ, говорилъ онъ мнѣ: тамъ кладутъ до трехъ тысячь мальчиковъ всякїй годъ; иные отъ того умираютъ, другїе приобрѣтаютъ голосъ чище и нѣжнѣе женскаго, а иные дѣлаются правителями цѣлыхъ государствъ. Надо мною операцїя сїя очень удачно слѣлана; я былъ въ числѣ музыкантовъ Ея Свѣтлости Принцессы Палестринской. У моей матушки! вскричала я. У вашей матушки! сказалъ онъ съ крайнимъ удивленїемъ и заплакавъ. Какъ! вы самая та молодая Принцесса, которую воспиталъ я до шести лѣтъ на моихъ рукахъ, и о которой и тогда ужѐ заключали, что она будетъ такъ прекрасна, какъ я васъ вижу теперь? Конечно я; а матушка моя лежитъ за 400 шаговъ отсюда изрублена въ куски, подъ кучею мертвыхъ тѣлъ.

Я пересказала ему всѣ мои приключенїя; а онъ разказалъ мнѣ свои, и объявилъ, что онъ присланъ былъ къ Королю Марокскому отъ нѣкоторой Христїанской державы, для заключенїя съ Государемъ симъ трактата, по которому сїя держава обязываегся снабдить его порохомъ, пушками

ками и кораблями, и взпомоществовать ему въ изтребленіи торговли прочихъ Христіанъ. Порученное мнѣ дѣло уже окончано, говорилъ мнѣ честный сей евнухъ; я отправляюся въ скоромъ времени обратно, и сяду въ Цейтѣ на корабль, и отвезу васъ въ Италію.

Я благодарила ему заплакавши съ радости; но онъ вмѣсто того, чтобъ отвезти меня въ Италію, завезъ меня въ Алжиръ, и продалъ тамошнему Дею. Лишъ только меня продали, то извѣстная моровая язва, опустошившая Африку, Асію и Европу начала свирѣпствовать и въ Алжирѣ. Вы видали, какъ земля трясется; однако сударыня, была ли на васъ когда моровая язва? Никогда, отвѣчала Баронесса.

Естьлибъ вы ее имѣли, говорила старуха, то бы признались, что землетрясеніе въ разсужденіи ея есть ничто. Въ Африкѣ она весьма уже обыкновенна; ею заразилась и я. Представьте себѣ каково было Папской дочери пятнадцати лѣтъ, которая въ три мѣсяца изпытала бѣдность и рабство, каждый почти день была насилована, видѣла мать свою разрубленную на четыре части, узнала голодъ и войну, умирать еще отъ моровой язвы въ Алжирѣ. Однако я выздоровѣла. А евнухъ мой, Дей, и почти весь Алжирскій сераль померли.

Какъ ужасное сіе моровое повѣтріе нѣсколько утихло, то начали Деевыхъ неволь-

невольницъ продавать. Меня купилъ одинъ купецъ и отвезъ въ Тунисъ. Тамъ продалъ онъ меня другому купцу; а сей продалъ меня опять въ Триполь; изъ Триполя перепродали меня въ Александрїю; изъ Александрїи въ Смирну, а изъ Смирны въ Констаптинополь. Я принадлежала на послѣдокъ одному янычарскому Агѣ, котораго вскорѣ послѣ того коммандировали для защищенїя Азова, въ то время какъ осаждали его Рускїе.

Ага будучи человѣкъ весьма разкошный, взялъ съ собою и весь свой сераль, и отвезъ насъ въ небольшую крѣпостцу на Черномъ морѣ лежащую, которую защищали два черные евнуха и 20 человѣкъ солдатъ. Ужасно сколько побито тутъ Рускихъ! но хорошо заплатили намъ и они. Азовъ разоренъ огнемъ и мечемъ; и всѣ отъ мала до велика, не выключая и женщинъ, были порублены; осталась только одна наша крѣпостца; неприятели думали принудить насъ ко сдачѣ голодомъ. Но янычары наши клялися, чтобъ не сдаваться никогда. Крайнїй голодъ принудилъ ихъ съѣсть нашихъ двухъ евнуховъ, дабы не преступить клятвы. Чрезъ нѣсколько дней вздумали они ѣсть и женщинъ.

Съ нами былъ весьма богобоязливый и мягкосердечный Имамъ, который сказалъ имъ преразумную проповѣдь, и уговорилъ ихъ, чтобъ они не вовсе насъ предали смерти: отрѣжьте только, говорилъ онъ имъ,

У

у каждой изъ сихъ госпожъ по ягодицѣ; вы изъ нихъ составите преизрядный обѣдъ, въ случаѣ нужды можете вы чрезъ нѣсколько дней опять за нихъ приняться; вы сдѣлаете тѣмъ весьма богоугодное дѣло, и Богъ вамъ даруетъ свою помощь.

Онъ былъ очень краснорѣчивъ: они его послушались, сдѣлали надъ нами сїю ужасную операцїю. Имамъ приложилъ намъ самаго того бальсама, который употребляется при обрѣзанїи дѣтей. Мы лежали всѣ при смерти.

Янычары лишъ только на нашъ щетъ пообѣдали, какъ подъѣхали къ намъ Рускїе на плоскодонныхъ судахъ. Янычаръ всѣхъ перерубили. Рускїе не оказали надъ состоянїемъ нашимъ никакого сожалѣнїя. Но какъ лѣкарей Французкихъ вездѣ довольно, то одинъ изъ нихъ человѣкъ весьма искусный, взялъ насъ на свои руки; мы вылѣчились; я до смерти не забуду, какїя по совершенномъ закрытїи моихъ ранъ дѣлалъ онъ мнѣ предложенїя. Въ прочемъ уговаривалъ насъ всѣхъ, чтобъ мы не печалились, и увѣрялъ, что подобныя произшествїя бывали и при многихъ другихъ осадахъ, и что сїе дѣлается по военному закону.

Какъ скоро подруги мои начали бродить, то отправили ихъ тотъ часъ въ Москву. Я досталась одному боярину, который сдѣлалъ меня своею садовницею, и давалъ мнѣ каждый день по двадцати ударовъ.

ровъ плетьми. Но какъ господина сего чрезъ два года съ тритцатью человѣками другихъ бояръ за какое-то при дворѣ неспокойство колесовали, то я употребя случай сей въ свою пользу, збѣжала. Я всю Россїю прошла насквозь, и была очень долго трактирною служанкою въ Ригѣ, потомъ въ Ростокѣ, въ Висмарѣ, въ Лейпцигѣ, въ Касселѣ, въ Утрехтѣ, въ Лейденѣ, въ Галѣ и въ Ротердамѣ: состарѣлась въ бѣдности и въ безпокойной жизни, съ одною половиною зада, и не забывая ни на часъ, что я Папская дочь: больше ста разъ хотѣла я предать себя смерти, но жизнь мнѣ была еще мила Странная сїя слабость можетъ быть изъ всѣхъ нашихъ склонностей есть наибѣдственнѣйшая: ибо есть ли, что нибудь на свѣтѣ глупѣе, какъ хотѣть носить на себѣ безпрестанно такое бремя, отъ котораго всякой часъ желаемъ избавиться? Имѣть бытїе свое въ омерзенїи, и при всемъ томъ не хотѣть съ нимъ разстаться? однимъ словомъ любить змѣю, которая насъ терзаетъ до тѣхъ поръ, покуда изгрызетъ она наше сердце?

Я видѣла въ тѣхъ земляхъ, гдѣ мнѣ быть случилось, и въ трактирахъ, гдѣ я служила, ужасное множество такихъ людей, которые бытїе свое проклинали; однако нашла только осмерыхъ, которые бѣдность свою добровольно прекратили, троихъ Араповъ, четверыхъ Агличанъ, и одного Нѣмецкаго Профессора, именемъ Робека.

бека. Напослѣдокъ служила я у Жида Дона Исахара, онъ приставилъ меня къ вамъ, сударыня; я васъ полюбила, и всегда больше участія принимала въ вашихъ приключеніяхъ, нежели въ моихъ собственныхъ. Я бы не объявила вамъ никогда и о нещастіяхъ моихъ, естьлибъ вы меня нѣсколько не раздразнили, и естьлибъ не было въ употребленіи препровождать на морѣ время какимъ нибудь расказываніемъ для прогнанія скуки. И такъ, сударыня, я ужѣ многова навидѣлась, я свѣтъ спознала; склоните для забавы каждаго пассажира расказать вамъ свои приключенія; и буде изъ всѣхъ, хотя одинъ сыщется, который бы жизнь свою когда нибудь не проклиналъ, и который бы самъ себѣ часто не говаривалъ, что онъ самый безчастный человѣкъ на свѣтѣ, то бросьте меня стремглавъ въ воду.

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Какимъ образомъ принужденъ былъ Кандидъ разлучиться съ Кунигундою и съ старухою.

Прекрасная Кунигунда услышавши старухину исторію, оказывала ей такое учтивство, какого требовала ея знатность и

и достоинство. Она согласилась на ея предложенie и склонила всѣхъ пассажировъ расказывать одинъ послѣ другаго свои приключенiя; Кандидъ и она признались, что старуха говорила правду. Жаль, сказалъ Кандидъ, что премудраго Панглоса противъ обыкновенiя въ Ауто-да-фе повѣсили: онъ бы истолковалъ намъ удивительнымъ образомъ естественное, и нравственное зло, покрывающее землю и море: а я бы кажется довольно теперь смѣлости имѣлъ здѣлать ему съ почтенiемъ нѣсколько возраженiй.

Въ расказыванiяхъ такихъ прибыли они въ Буэносъ-Аиръ. Кунигунда, капитанъ Кандидъ и старуха пошли къ губернатору Дону Фернанду д' Ибараа, Фигеора, Маскаренесъ, Лампурдосъ Сузѣ. Господинъ сей имѣлъ приличную толь многимъ именамъ и гордость. Онъ говорилъ съ людьми съ наиблагороднѣйшимъ презрѣнiемъ, поднявши носъ такъ высоко, толь громкимъ и повелительнымъ голосомъ, и съ такою спесивою осанкою, что всѣ тѣ, которые къ нему на поклонъ приходили, были въ искушенiи его бить. Женскiй полъ любилъ онъ даже до безумiя. Кунигунда показалась ему такою красавицею, какой онъ никогда не видывалъ. И прежде всего спросилъ онъ, не сожительницали она господина капитана? Видъ, съ каковымъ онъ здѣлалъ сей вопросъ, привелъ Кандида въ робость: онъ не смѣлъ сказать, что она его

жена ; потому что ето бы было не правда : не смѣлъ назвать ее и сестрою за тѣмъ, что и ето бы было не правда ; и хотя бы такая непорочная ложь могла ему быть и полезною , однако душа его столь была чиста , что онъ правдѣ измѣнить ни подъ какимъ видомъ былъ не въ состоянiи. Дѣвица Кунигунда , сказалъ онъ , хочетъ мнѣ здѣлать ту честь , чтобъ вытти за меня за мужъ , и мы оба всепокорнѣйше просимъ ваше высокопревосходительство оказать и ваше на сей нашъ бракъ соизволенiе.

Донъ Фернандо д' Ибараа , Фигеора , Маскаренесъ, Лампурдосъ и Суза поглаживая по своимъ усамъ, улыбнулся съ внутреннимъ огорченiемъ, и приказалъ капитану Кандиду, чтобъ онъ шелъ и здѣлалъ смотръ своей ротѣ. Кандидъ вышелъ ; губернаторъ остался съ дѣвицею Кунигундою. Онъ объявилъ ей тотчасъ свою страсть , и увѣрялъ ее , что онъ завтра же съ нею обвѣнчается въ церькви, или въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ прелестямъ ея за благо разсудится. Кунигунда выпросила у него четверть часа о томъ подумать, посовѣтовать съ старухою , и принять намѣренiе.

Старуха говорила Кунигундѣ : Государыня моя , вы щитаете дворянство ваше за 72 колѣна , денегъ у васъ нѣтъ ни полушки , а теперь зависитъ отъ васъ быть супругою наизнатнѣйшаго господина во всей западной Америкѣ; вамъ ли уже искать

чести

чести вѣ непоколѣбимой вѣрности. Васѣ насиловали Булгары ; вы были ужѣ вѣ рукахѣ у Жида и у Инквизитора. Вѣ нещастїи все простительно. Я признаюсь , что естьлибѣ я была на вашемѣ мѣстѣ , то не думая ни о чемѣ вышла бы тотчасѣ за господина губернатора , и здѣлала бы щастїе господина капитана Кандида. Между тѣмѣ какѣ старуха говорила сѣ такимѣ благоразсужденїемѣ , какое свойственно старымѣ и искусившимся людямѣ , вошелѣ вѣ гавань небольшой корабль. На немѣ прїѣхалѣ Алкадѣ сѣ Алгвазилами , а потомѣ здѣлалось слѣдующее.

Старуха не ошиблась , что деньги и каменье вѣ городѣ Бадаїосѣ во время побѣгу ихѣ сѣ Кандидомѣ укралѣ Францисканскїй монахѣ сѣ большими рукавами. Монахѣ сей принесѣ продавать нѣсколько камней кѣ одному Ювелиру. Купецѣ узналѣ тотчасѣ , что они принадлежали великому Инквизитору. Честный отецѣ прежде, нежели его повѣсили , повинился, что онѣ ихѣ укралѣ. Онѣ показалѣ у кого они были , и сказалѣ вѣ которую сторону тѣ люди поѣхали. Побѣгѣ Кунигунды и Кандида вездѣ ужѣ былѣ извѣстенѣ. Погнались за ними вѣ Кадиксѣ. Оттуда отправили далѣе вѣ погоню корабль. Корабль сей прибылѣ ужѣ вѣ Буеносѣ-Аирѣ. Пронесся слухѣ , что прїѣхалѣ Алкадѣ , и что ищутѣ убїицѣ его высокопреподобїя Инквизитора. Благоразумная старуха смѣкнула

 нула

нула тотчасЪ, что было надобно дѣлать. ВамЪ бѣжать не для чего, говорила она Кунигундѣ, и нечего опасаться; не вы убили его высокопреподобіе: а сверьхЪ того губернаторЪ любя васЪ не допуститЪ, чтобЪ поступили сЪ вами сурово, останьтесь. Она бросилась тотчасЪ кЪ Кандиду; бѣгите, сказала она ему, или васЪ черезЪ часЪ сожгутЪ. Нечего было мѣшкать; но какЪ растаться сЪ Кунигундою, и куда бѣжать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

КакимЪ образомЪ КандидЪ и Какамбо приняты были у ПарагайскихЪ Езуитов.

КандидЪ привезЪ сЪ собою изЪ Кадикса слугу, каковыхЪ находится очень много на ГишпанскихЪ берегахЪ и вЪ селеніяхЪ. ОнЪ былЪ четвертая часть Гишпанца. ОтецЪ его родился отЪ Гишпанца и отЪ Индіанки вЪ Тулуманѣ; сЪ ребячества былЪ онЪ церьковнымЪ пѣвчимЪ, потомЪ пономаремЪ, матрозомЪ, монахомЪ, факторомЪ, солдатомЪ, а послѣ слугою. ОнЪ назывался Какамбо, и имѣлЪ кЪ господину своему великую преданность, потому что господинЪ его былЪ самый добрый человѣкЪ. ОнЪ осѣдлалЪ тотчасЪ обѣихЪ

Андалузскихъ лошадей. Садитесь, государь мой, послушаемъ совѣту старухина, побѣжимъ не оглядываючись назадъ. Кандидъ залился слезами: о любезная моя Кунигунда! надобно ли, чтобъ оставилъ я тебя въ то самое время, когда господинъ губернаторъ хочетъ совершить нашъ бракъ! Я завезъ тебя въ такую дальную сторону, что ты теперь будешь дѣлать! Пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, сказалъ Какамбо; женщины всегда знаютъ, что имъ дѣлать; Богъ ихъ никогда не оставляетъ, а намъ надобно убираться. Да куда ты меня везешъ? Куда мы ѣдемъ? Что намъ дѣлать безъ Кунигунды? говорилъ Кандидъ. Перестаньте Бога ради, сказалъ Какамбо, вы прїѣхали воевать противъ Езуитовъ; поѣдемъ же теперь воевать съ ихъ стороны; дорога мнѣ довольно извѣстна; я проведу васъ въ ихъ королевство; они очень будутъ рады такому капитану, который знаетъ Булгарскую экзерцицїю; вы тамъ ужасно будете щастливы: когда въ одномъ свѣтѣ худо, то надобно попытаться въ другомъ: какъ же весело видѣть и дѣлать всегда новое!

Поэтому ты въ Парагаѣ уже бывалъ? сказалъ Кандидъ. Какъ не бывать, говорилъ Какамбо, я былъ пономаремъ въ Успенской церькви, и всю область честныхъ отцовъ такъ знаю, какъ Кадикскїе улицы. Правленїе ихъ удивленїя достойно. Королевство сїе имѣетъ въ поперешникѣ

болѣе трехъ сотъ миль; оно раздѣлено на тритцать провинцей: честные отцы дѣлаютъ тамъ все, а народъ ничего; правительство тамъ основано на самомъ высочайшемъ степени здраваго разсужденія и правосудія. Что до меня касается, то я не вижу ничего толь божественнаго, какъ святыхъ отцовъ, которые здѣсь съ Королемъ Гишпанскимъ и съ Королемъ Португальскимъ имѣютъ войну; а въ Европѣ обѣихъ сихъ королей исповѣдываютъ; здѣсь Гишпанцовъ убиваютъ, а въ Мадритѣ посылаютъ ихъ въ рай; ето мнѣ очень мило: погоняйте сударь, вы будете скоро наищастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Какъ рады будутъ святые отцы, когда провѣдаютъ, что пріѣхалъ къ нимъ капитанъ, знающій Булгарскую эксерцицію!

Лишъ только пріѣхали они къ перьвой заставѣ, то Какамбо сказалъ подошедшему къ нему часовому, что нѣкоторый капитанъ пріѣхалъ къ его превосходительству Коммендантy. Подали о томъ вѣсть на главномъ отводѣ. Одинъ Парагайской офицеръ побѣжалъ тотчасъ съ сею вѣдомостью къ Коммендантy. Прежде всего Кандида и Какамбо обезоружили; и взяли у нихъ Андалузскихъ лошадей. Обѣихъ чужестранцовъ ввели въ лагерь въ провожаніи двухъ шереногъ солдатъ; Коммендантъ находился на самомъ концѣ. Шапка на немъ была съ тремя рогами, ряса подоткнута,

на бедрѣ палашъ , а въ рукахъ эспантонъ. По данному отъ него знаку, тотчасъ окружили обѣихъ новопрїѣзжихъ дватцать четыре человѣка солдатъ ; одинъ изъ сержантовъ сказалъ имъ , чтобъ они подождали , и что Коммендантъ съ ними говорить еще не можетъ , потому что честнѣйшїй отецъ Провинцїалъ изволилъ запретить , чтобъ ни одинъ Гишпанецъ не отворялъ рта , какъ токмо въ его присудствїи, и не былъ бы въ ихъ области болѣе трехъ часовъ. Да гдѣжъ теперь честнѣйшїй отецъ Провинцїалъ? сказалъ Какамбо. Онъ отслуживши мшу изволилъ пойти въ парадъ, отвѣчалъ сержантъ , и вы не прежде удостоитесь приложиться къ его шпорамъ, какъ черезъ три часа. Но господинъ капитанъ, которой также, какъ и я, умираетъ съ голоду , не Гишпанецъ , сказалъ Какамбо , но Нѣмецъ ; не можно ли намъ , пока его высокопреподобїе не изволитъ прибыть, нѣсколько позавтракать ?

Сержантъ обьявилъ о томъ тотчасъ Комменданту. Слава Богу , сказалъ святый сей отецъ, когда онъ Нѣмецъ, то могу съ нимъ говорить , приведите его ко мнѣ. Тотчасъ привели Кандида въ здѣланную изъ зелени бесѣдку , украшенную весьма изрядными колоннами зеленаго мармора и позолотою: она окружена была клѣтками, въ коихъ находились попугаи , колибри , такъ называемые мушки , пинтады и всѣ самые рѣдкїе птицы. Приготовленъ

былъ великолѣпный завтракъ въ золотыхъ сосудахъ; и между тѣмъ, какъ Парагайцы ѣли сарачинское пшено изъ деревянныхъ чашъ на открытомъ полѣ, и пеклись на солнечномъ зною, вошелъ въ беседку почтенный отецъ Коммендантъ.

Онъ былъ весьма пригожiй молодецъ, лице имѣлъ полное, бѣлое, румяное, брови высокiе, глаза живые, уши красные, губы румяные, видъ гордый; но гордость его не походила ни на Гишпанскую, ни на Езуитскую. Кандиду и Какамбо отдали назадъ ихъ оружiе, и обѣихъ Андалузскихъ лошадей; Какамбо посыпалъ имъ подлѣ бесѣдки овса, и не спускалъ ихъ съ глазъ, опасаясь похищенiя.

Кандидъ поцѣловалъ сперьва полу Коммендантовой рясы, потомъ сѣли за столъ. Такъ вы Нѣмецъ? спросилъ у него Езуитъ по Нѣмецки. Нѣмецъ, честнѣйшiй отче, отвѣчалъ Кандидъ. Выговоривши сiи слова смотрѣли они другъ на друга съ крайнимъ удивленiемъ, и съ такимъ внутреннимъ движенiемъ, что оба были внѣ себя. А изъ котораго вы мѣста Нѣмецкой земли? спросилъ Езуитъ. Изъ Салы Вестфальской провинцiи, сказалъ Кандидъ: я родился въ замкѣ Тгундеръ-тен-трункгѣ. Боже мой! Возможно ли, вскричалъ Коммендантъ. Какое чудо! вскричалъ Кандидъ. Ты ли это говорилъ Коммендантъ. Этому не льзя статься, отвѣтствовалъ Кандидъ. Они оба упали навзничь, обнимались, и проливали ручьи слезъ.

слезъ. Какъ! такъ ето вы, честный отецъ! вы братецъ прекрасной Кунигунды! вы, котораго убили Булгары! вы сынъ господина Барона! вы Езуитъ въ Парагаѣ! Надобно признаться, что свѣтъ сей чудно устроенъ. О Панглосъ! Панглосъ! какже бы ты теперь радовался, естьлибъ тебя не повѣсили.

Коммендантъ отослалъ отъ себя всѣхъ черныхъ невольниковъ и Парагайцовъ, которые подавали при столѣ напитки въ стаканахъ восточнаго хрусталя. Онъ благодарилъ бога и святаго Игнатія изъ глубины сердца; прижималъ Кандида къ груди; слезы текли у нихъ какъ градъ. Вы еще гораздо больше удивитесь, сказалъ Кандидъ, больше сжалитесь, и въ большее придете восхищеніе, когда я вамъ скажу, что сестрица ваша Кунигунда, о которой вы думаете, что ее закололи, находится въ добромъ здоровьѣ. Гдѣ? въ вашемъ сосѣдствѣ, у господина Губернатора Буеносъ-Аирскаго; а я пріѣхалъ противъ васъ воевать. По произношеніи каждаго слова во весь ихъ долговремянный разговоръ являлось чудо за чудомъ. Вся душа ихъ вилась у нихъ на языкѣ, была въ ушахъ, и блистала и въ глазахъ. Будучи Нѣмцы, просидѣли они за столомъ очень долго, въ ожиданіи преподобнаго отца Провинціала. Коммендантъ расказывалъ любезному своему Кандиду слѣдующее.

ГЛАВА

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Какъ убилъ Кандидъ брата прекрасной своей Кунигунды.

Я во весь мой вѣкъ не забуду того ужаснаго дня, въ которой убили при моихъ глазахъ отца моего и мать, и изсиловали сестру. По отшествіи Булгаровъ, любезной сестры моей нигдѣ не могли сыскать, а матушку, батюшку и меня, двухъ служанокъ и трехъ задавленыхъ малыхъ положили въ телѣгу, и повезли погребать у Езуитской часовни въ двухъ миляхъ отъ за̀мка моихъ родителей. Одинъ Езуитъ сталъ насъ кропить святою водою: она была ужасно солона, попало мнѣ нѣсколько капель въ глаза̀. Честный сей отецъ примѣтилъ, что одна ресница у меня не множко трогалась: онъ приложилъ мнѣ руку къ сердцу, и ощупалъ, что оно еще бьется: ускорили подать мнѣ помощь, такъ что по прошествіи трехъ недѣль я со всѣмъ выздоровѣлъ. Ты знаешь, любезный мой Кандидъ, что я былъ очень пригожъ, а послѣ того сталъ еще пригожѣе; по причинѣ сей честный отецъ Дидрій, настоятель Езуитской сей обители, крайне меня полюбилъ: онъ взялъ меня подъ искусъ; чрезъ нѣсколько времяни отправили меня въ Римъ. Отецъ генералъ набиралъ Нѣмецкихъ Езуитовъ. Парагайскіе Самодержцы убѣгаютъ, сколько можно, Гишпанскихъ Езуитовъ: они

лучше любятъ иностранныхъ за тѣмъ, что думаютъ найти въ нихъ больше покорности и послушанія. Его высокопреподобіе призналъ меня къ насажденію сего винограда способнымъ. Я поѣхалъ, а со мною одинъ Полякъ и Тиролецъ. По прибытіи посвятили меня поддіакономъ, и здѣлали порутчикомъ. Теперь я Полковникъ и священникъ. Мы встрѣтимъ войско Короля Гишпанскаго храбро, я увѣряю тебя, что они будутъ и прокляты и побиты. Предвѣденіе прислало намъ тебя на помощь. Но правда ли, что любезная моя сестрица Кунигунда у насъ въ сосѣдствѣ, и живетъ у Губернатора Буеносъ-Аирскаго? Кандидъ клялся, что онъ говоритъ ему самую правду. Вторично полились у нихъ изъ глазъ слезы.

Баронъ Кандида безпрестанно обнималъ; называлъ его братомъ и благодѣтелемъ. Ахъ! можетъ быть, говорилъ онъ ему, войдемъ мы, любезный Кандидъ, въ городъ сей побѣдителями, и возвратимъ сестру мою Кунигунду. Дай богъ, сказалъ Кандидъ; потому что я думалъ на ней жениться, да и теперь еще не отчаяваюсь. Какъ! вскричалъ Баронъ, ты грубіанъ можешъ столько быть безстыденъ, что думаешъ жениться на моей сестрѣ, которая щитаетъ свое благородство за 72 колѣна! Ты бездѣльникъ смѣешь говорить при мнѣ о такомъ дерскомъ намѣреніи! Кандидъ окаменѣвши отъ такого привѣтствія

вѣтствія отвѣчалъ: честнѣйшій отче, всѣ поколѣнія въ свѣтѣ не могутъ тому препятствовать; я избавилъ сестрицу вашу изъ Жидовскихъ и Инквизиторскихъ рукъ, я показалъ ей многіе услуги, и она сама хочетъ за меня выйти; господинъ Панглосъ всегда мнѣ говаривалъ, что всѣ люди между собою равны, и я на ней конечно женюсь. Увидимъ, бездѣльникъ! сказалъ Езуитъ Баронъ Фонъ Тгундеръ-тен-трункгъ; и въ то самое время вынявши шпагу ударилъ его изъ всей силы плашмя по лицу. Кандидъ выхватилъ тотчасъ свою, и вонзилъ ее въ брюхо Барону Езуиту по самый ефесъ; но вытащивши ее назадъ всю въ крови, сталъ плакать. Ахъ боже мой! говорилъ онъ, я закололъ стараго моего господина, друга моего и шурина; я самый лучшій человѣкъ въ свѣтѣ, а убилъ уже трехъ мнѣ подобныхъ, а между сими троими двухъ священныхъ особъ!

Какамбо, который стоялъ у дверей бесѣдки на караулѣ, прибѣжалъ на крикъ. Намъ больше ничего не осталось, сказалъ ему Кандидъ, какъ защищаться до послѣдней капли крови; въ бесѣдку теперь конечно войдутъ: умремъ съ ружьемъ въ рукахъ. Какамбо, который видывалъ дѣла и мудренѣе сего, не оробѣлъ: онъ снялъ съ Барона Езуитскую одежду, надѣлъ ее на Кандида, надѣлъ на него и четвероугольную покойникову шапку, и посадилъ

его

его на лошадь. Все сїе здѣлалъ онъ въ одинъ мигъ. Поскачемъ, сударь, теперь всѣ почтутъ васъ за Езуита, ѣдущаго съ указами; мы переѣдемъ за границу прежде, нежели еще за нами погонятся. Говоря сїе онъ уже летѣлъ и кричалъ по Гишпански: поди! поди! дайте мѣсто честнѣйшему отцу полковнику.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Что приключилось нашимъ странствующимъ, съ двумя дѣвушками, и двуми обезьянами и съ дикими людьми, называемыми *Орелгонами*.

Кандидъ и слуга его были уже за границею, а въ лагерѣ еще никто не зналъ о смерти Нѣмецкаго Езуита. Проворный Какамбо не забылъ наполнить сумы своей хлѣбомъ, шоколатомъ, окораками, плодами и нѣсколькими мѣрами вина. Они заѣхали на Андалузскихъ своихъ лошадяхъ въ незнаемую землю, въ которой не видно было ни одной дороги. Напослѣдокъ увидѣли они передъ собою прекрасный лугъ, по которому извивались многїе ручьи. Странствующїе наши вздумали

тутъ

тутъ кормить лошадей. Какамбо предложилъ своему господину, не хочетъ ли онъ покушать, и подалъ ему тотчасъ примѣръ. Какъ можешь ты отъ меня требовать, говорилъ Кандидъ, чтобъ поѣлъ я окорока, убивши сына господина Барона, и будучи осужденъ не видать во всю мою жизнь прекрасную Кунигунду? Какая мнѣ въ томъ польза, что буду я стараться продлить безчастные мои дни, когда ужѐ я долженъ провождать ихъ въ разлукѣ съ нею, въ мученїи и въ отчаянїи? И что объ етомъ напишутъ въ Тревусскомъ журналѣ?

Говоря такимъ образомъ, самъ однако ѣлъ. Солнце ужѐ закатилось. Оба заблудившїеся услышали небольшїй крикъ, который походилъ на женскїй. Они не знали печальный ли онъ былъ, или радостный. Однако встали тотчасъ съ немалымъ безпокойствомъ и страхомъ, какъ то обыкновенно съ людьми въ незнакомой землѣ бываетъ. Крикъ сей происходилъ отъ двухъ дѣвушекъ, которые были со всѣмъ нагїе, и бѣжали потихоньку по лугу, между тѣмъ, какъ двѣ обезьяны гонясь за ними кусали ихъ бедра. Кандидъ пришелъ въ жалость, будучи у Булгаровъ, научился онъ стрѣлять: онъ сострѣливалъ съ куста орѣхъ не коснувшись листьямъ. Схватилъ тотчасъ свою Гишпанскую двуствольную фузею, приложился, и убилъ обѣихъ обезьянъ. Слава богу, любезный Какамбо, я избавилъ

сихъ

сихъ двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ отъ великаго нещастія. Естьли я предъ Богомъ согрѣшилъ убивши Инквизитора и Езуита, то заслужилъ себѣ вѣрно въ томъ прощеніе спасши жизнь двумъ дѣвушкамъ. Можетъ быть они знатной породы; и такъ приключеніе сіе принесетъ намъ въ землѣ сей весьма великую пользу.

Онъ хотѣлъ говорить болѣе, но языкъ у него окостенѣлъ, когда онъ увидѣлъ, что сіи двѣ дѣвушки обнимали жалостнымъ образомъ обѣихъ обезьянъ, утопали лежа на нихъ въ слезахъ, и наполняли воздухъ наипечальнѣйшимъ воплемъ. Я не думалъ, чтобъ онѣ столь были добродушны, сказалъ онъ напослѣдокъ Какамбу. Изрядное вы дѣло здѣлали, отвѣчалъ сей послѣдній; вы застрѣлили у дѣвушекъ двухъ ихъ любовниковъ. Ихъ любовниковъ! можетъ ли ето статься? Ты шутишь Какамбо; я етому вѣкъ не повѣрю. Ахъ государь мой, отвѣчалъ Какамбо, вы всему на свѣтѣ удивляетесь; по чему вамъ такъ странно кажется, что есть въ нѣкоторыхъ земляхъ обезьяны, которыхъ любятъ женщины? Они также четверть человѣка, какъ и я четверть Гишпанца. Увы! говорилъ Кандидъ, помнится сказывалъ мнѣ господинъ Панглосъ, что подобныя сему произшествія бывали и въ старину, и что отъ такой смѣси произошли Эгипаны, Фауны и Сатиры, которыхъ многіе великіе мужи въ древности своими глазами

видали. Однако , я думаю , вы совершенно увѣрены , сказалъ Какамбо , что ето правда, и видите, какъ разсуждаютъ люди неимѣвшїе надлежащаго воспитанїя. Я боюсь только того , чтобъ сїи госпожи не надѣлали намъ какихъ хлопотъ.

Сїи основательныя разсужденїя побудили Кандида съ поля убраться подалѣе, и заѣхать въ лѣсъ. Они тамъ съ Какамбомъ поужинали , и оба побранивши Португальскаго Инквизитора , Губернатора Буеносъ-Аирскаго и Барона, уснули на травѣ. Проснувшись почувствовали , что они не могутъ поворотиться ; причина тому была та, что Орелїоны, тамошнїе жители, провѣдавши объ нихъ отъ женщинъ опутали ихъ веревками сплетенными изъ лыкъ. Они увидѣли себя окруженныхъ пятьюдесять Орелїонами , которые были со всѣмъ наги , вооружены стрѣлами , палицами и сѣкирами выточенными изъ камней : одни варили воду въ превеликомъ котлѣ ; другїе приготовляли рожны , а всѣ до одного кричали , ето Езуитъ , ето Езуитъ ; мы ему отмстимъ и наѣдимся до сыта; съѣдимъ Езуита , съѣдимъ Езуита !

Я вамъ говорилъ , любезный мой господинъ, вскричалъ печальнымъ голосомъ Какамбо , что сїи двѣ дѣвушки надѣлаютъ намъ пакости. Кандидъ увидѣвши котелъ и рожны, вскричалъ: насъ вѣрно , или сварятъ , или изжарятъ. Ахъ , что бы сказалъ Философъ Панглосъ , естьлибъ теперь

посмо-

посмотрѣлъ, что дѣлаетъ одна натура неимѣющая просвѣщенія? Все на свѣтѣ здѣлано хорошо; пусть такъ; но я признаюсь, что ето очень прискорбно, чтобъ лишиться дѣвицы Кунигунды, и быть взоткнуту на рожонъ Орелїонами. Какамбо и тогда не оробѣлъ; не отчаявайтесь ни въ чемъ, сказалъ онъ унылому Кандиду: я разумѣю нѣсколько ихъ языкъ, я съ ними поговорю. Не забудь, сказалъ Кандидъ, представить имъ, какое ето ужасно безчеловѣчное дѣло варить людей, и сколь противно оно Христїанскому закону.

Государи мои, говорилъ Какамбо, такъ вы думаете севодни покушать Езуита; вы очень разумно дѣлаете: ничто такъ несправедливо, какъ поступать такимъ образомъ съ своими непрїятелями. И въ самомъ дѣлѣ естественное право научаетъ насъ убивать нашего ближняго; такъ поступаютъ и во всемъ свѣтѣ. А что не пользуемся правомъ симъ мы, то ето только за тѣмъ, что у насъ есть довольно и другой хорошей пищи; а вамъ того не достаетъ, и такъ конечно лучше непрїятелей своихъ ѣсть, нежели бросать плоды своей побѣды воронамъ и галкамъ. Однакожъ, государи мои, я думаю вы не захотите съѣсть вашихъ прїятелей. Вы думаете взоткнуть на рожонъ Езуита, а вмѣсто того изжарите своего защитника и врага вашихъ непрїятелей. Что до меня касается, я родился въ вашей землѣ; человѣкъ,

 кото-

котораго вы передъ собою видите, есть мой господинъ, и не только онъ не Езуитъ, но самъ сей часъ убилъ Езуита, и надѣлъ на себя его платье; вотъ что васъ привело въ соблазнъ: а чтобъ совершенно увѣриться о сей истиннѣ, то снимите съ него рясу, отнесите ее къ перьвой заставѣ королевства Езуитскаго, и освѣдомьтесь, убилъ ли господинъ мой одного Езуитскаго офицера. Времяни на ето не много надобно; вы еще успѣете насъ скушать, когда увидите, что я васъ обманулъ. Естьли же сказалъ правду, то я увѣренъ, что знаючи совершенно общенародное право, нравы и законы, не преминете насъ пощадить.

Орелїонамъ рѣчь сїя показалась очень справедливою: они отправили тотчасъ двухъ человѣкъ изъ знатнѣйшихъ о томъ освѣдомиться. Посланные исполнили порученное имъ дѣло какъ разумные и смышленные люди, и возвратились съ прїятною вѣдомостью Орелїоны своихъ плѣнныхъ развязали, оказывали имъ всякїя учтивости, потчивали ихъ своими дочерьми, принесли имъ всякихъ фруктовъ, и проводили ихъ до самыхъ границъ землѝ своей при радостномъ восклицанїи, онъ не Езуитъ, онъ не Езуитъ! Кандидъ не могъ надивиться причинѣ своего избавленїя. Какой народъ! говорилъ онъ, какїе люди! какїе нравы! естьли бы я не имѣлъ щастїя проколоть насквозь брата дѣвицы Кунигунды, то

бы

бы я уже былъ безъ всякой милости съѣденъ. Но какъ ни разсуждай, непросвѣщенная натура сама по себѣ хороша, потому что люди сіи вмѣсто того, чтобъ меня съѣсть, оказали мнѣ всякія учтивости, какъ скоро узнали, что я не Езуитъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Прибытіе Кандида и слуги его въ Эльдорадскую землю, и что они тамъ видѣли.

Доѣхавши до Орелїонскихъ границъ, видите, сказалъ Какамбо, что и здѣшняя половина земнаго шара не лучше другой; повѣрьте мнѣ, поѣдемъ опять въ Европу самою ближайшею дорогою. Какъ туда ѣхать? сказалъ Какамбо, и куда? Естьли я возвращусь въ мою землю, то Булгары и Абарцы всѣхъ тамъ давятъ; буде же ѣхать опять въ Португалїю, то меня тамъ сожгутъ; а когда здѣсь останемся, то надобно всякой часъ бояться, чтобъ не взоткнули насъ на рожонъ. Да и какъ можно разстаться съ тою частїю свѣта, въ которой обитаетъ дѣвица Кунигунда!

Поворотимъ въ Кайену, сказалъ Какамбо, мы найдемъ тамъ Французовъ, которые ходятъ по всему свѣту: они мо-

 гутъ

гутЪ намЪ помочь, БогЪ надЪ нами можетЪ быть умилосердится.

ПутЬ вЪ Кайену былЪ трудноватЪ: они хотя и имѣли нѣкоторое понятїе, вЪ которую сторону имЪ ѣхать, но горы, рѣки, стремнины, разбойники и дикїе люди предполагали имЪ повсюду ужасныя препятствїя. Лошади ихЪ издохли отЪ труда, провизїя почти вся изошла, цѣлый мѣсяцЪ питались они одними дикими плодами, и доѣхали напослѣдокЪ до малинькой рѣчки; по берегамЪ оной росли кокосовыя деревья, которыя спасли имЪ животЪ, и возобновили ихЪ надежду.

Какамбо, который всегда не хуже старухи давалЪ совѣты, сказалЪ Кандиду: у насЪ уже не служатЪ ноги, полно итти, я вижу на берегу пустое судно, наполнимЪ его кокосами, бросимся вЪ него, и пустимся вЪ низЪ по водѣ; рѣка выходитЪ всегда вЪ какое нибудь обитаемое мѣсто. Естьли не найдемЪ мы ничего прїятнаго, то по крайней мѣрѣ увидимЪ что нибудь новое. Хорошо, сказалЪ КандидЪ, препоручимЪ себя провидѣнїю.

Они плыли нѣсколько миль между берегами, которые индѣ были злачны, индѣ сухи, индѣ ровны, индѣ круты. Рѣка часЪ отЪ часу становилась ширѣ, напослѣдокЪ уходила подЪ ужасные плитные горы, поднимающїеся до облаковЪ. Странствующїе наши столько были смѣлы, что пустились по водѣ подЪ сей сводЪ.

рѣка будучи вѣ семѣ мѣстѣ уже, понесла ихѣ сѣ ужаснымѣ стремленіемѣ и шумомѣ. Черезѣ 24 часа увидѣли они опять свѣтѣ; но судно ихѣ разбилось о камни. Надобно было перебираться сѣ камня на камень цѣлую милю, наконецѣ увидѣли они передѣ собою безконечную площадь, окруженную неприступными горами. Земля сія произращала всѣ и необходимые, и кѣ забавѣ служащіе плоды. Повсюду нужное соединено было сѣ пріятнымѣ. Дороги были покрыты, или лучше сказать, украшены великимѣ множествомѣ колясокѣ здѣланныхѣ изѣ блестящей матеріи, вѣ которыхѣ сидѣли мущины и женщины удивительной красоты, и ѣхали очень скоро на большихѣ красныхѣ баранахѣ, которые рѣзвѣе бѣжали, нежели самые лучшіе Андалузскія, Тетуанскія и Меквинецкія лошади.

Напослѣдокѣ мы нашли, сказалѣ Кандидѣ, землю, которая лучше Вестфаліи. Они вышли сѣ Какамбомѣ на берегѣ у перьвой деревни. Нѣсколько деревенскихѣ мальчиковѣ, вѣ золотомѣ парчевомѣ платьѣ повсюду изодранномѣ, играли передѣ деревнею плитками. Выходцы наши сѣ другаго свѣту остановились на нихѣ посмотрѣть; плитки ихѣ были широковаты, круглы, желтаго, краснаго и зеленаго цвѣтовѣ, и блистали отмѣннымѣ образомѣ. Вздумалось проѣзжимѣ нѣсколько оныхѣ поднять и размотрѣть. Ето было золото, изумруды, красные яхонты, изѣ кото-

которыхъ самый послѣднїй составлялъ бы наидрагоцѣннѣйшее украшенїе трона великаго Могола. Конечно, сказалъ Какамбо, ето дѣти здѣшняго Короля. Въ самое то время вышелъ учитель той деревни, и погналъ ихъ въ школу. Вотъ, сказалъ Кандидъ, и учитель королевской фамилїи.

Ребятишки бросили тотчасъ игру, и оставили камешки и всѣ свои игрушки на улицѣ. Кандидъ оные подобравши, бѣжалъ за учителемъ, и поднесъ ихъ ему весьма униженнымъ образомъ, давая ему знать, что ихъ королевскїя высочества позабыли золото свое и драгоцѣнные камни на улицѣ. Деревенскїй учитель улыбнувшись бросилъ ихъ на землю, посмотрѣлъ Кандиду въ глаза съ великимъ удивленїемъ, и пошелъ своею дорогою.

Проѣзжїе не преминули подобрать золото, изумруды и яхонты. Гдѣ мы, вскричалъ Кандидъ! надобно думать, что дѣти здѣшняго короля воспитываются очень хорошо, когда уже научаютъ ихъ презирать золото и дорогїе камни. Какамбо былъ въ неменшемъ удивленїи, какъ и Кандидъ. Напослѣдокъ подошли они къ первому въ деревнѣ дому: онъ былъ построенъ не хуже Европейскихъ дворцовъ. У воротъ стояло множество людей, а въ домѣ было еще и того больше. Слуху представлялась весьма прїятная музыка, а обонянїе услаждалъ преизящный запахъ отъ кухни. Какамбо

бо подошелъ къ дверямъ и услышалъ, что говорятъ по Перуїански. Ето былъ природный его языкъ; ибо всему свѣту извѣстно, что Какамбо родился въ Тукуманѣ, въ деревнѣ, гдѣ инако не говорятъ, какъ только симъ языкомъ. Я буду вашъ толмачь, сказалъ онъ Кандиду; войдемъ въ горницу, здѣсь корчма.

Тотчасъ подошли къ нимъ двое слугъ и двѣ дѣвушки; платїе на нихъ было изъ золотой парчи, а волосы перевязаны лѣнточками: они просятъ ихъ за хозяйской столъ. Подали четыре блюда, изъ которыхъ на каждомъ было по два попугая, кусокъ варенаго мяса, вѣсомъ въ 200 фунтовъ, двухъ весьма вкусно изжаренныхъ обезьянъ, триста колибрїевъ на одномъ блюдѣ, а на другомъ шесть сотъ, такъ называемыхъ мушекъ (родъ птицъ), поставили превкусные похлебки и пирожное; все же сїе на блюдахъ самороднаго хрусталя: слуги и служанки подносили разные напитки, здѣланные изъ сахарнаго тросника.

Гости по большой части были купцы и извощики, всѣ люди весьма учтивые; они здѣлали Какамбу нѣкоторые вопросы съ крайнею скромностїю, и отвѣчали на то, о чемъ и онъ у нихъ спрашивалъ, разумно и обстоятельно. По окончанїи стола Какамбо и Кандидъ думали о себѣ, что они очень были щедры, когда бросили за обѣдъ хозяину на столъ два изъ тѣхъ широкихъ

кусковъ золота, которые подняли на улицѣ: хозяинъ и хозяйка захохотали, и катались долгое время со смѣху. Напослѣдокъ перестали. Государи мои, сказалъ хозяинъ, мы видимъ, что вы прiѣхали изъ чужихъ краевъ, мы иностранныхъ рѣдко видаемъ. Не погнѣвайтесь, что мы засмѣялись увидя, что вы платите намъ каменьемъ съ нашихъ большихъ дорогъ. Конечно нѣтъ у васъ здѣшней монеты; однако здѣсь за обѣдъ денегъ не надобно. Всѣ трактиры, учрежденные у насъ для удобности купечества, содержатся на казенномъ иждивенiи. Вы потчиваны здѣсь очень дурно, потому что деревня наша бѣдна; но повсюду въ другихъ мѣстахъ будете вы приняты по вашему достоинству. Какамбо пересказывалъ все сiе Кандиду, а Кандидъ слушалъ съ такимъ же удивленiемъ, и съ такимъ же изумленiемъ, съ какимъ ему другъ его Какамбо расказывалъ. Чтожъ ето за земля, спрашивали они одинъ у другаго, про которую нигдѣ не слышно, и въ которой все естество отъ нашего со всѣмъ отмѣнно? Конечно ето та земля, гдѣ все хорошо; ибо необходимо надобно, чтобъ такая земля гдѣ нибудь была: и что бы учитель Панглосъ ни говорилъ, однако я часто видалъ, что у насъ въ Вестфалiи не все дѣлается наилучшимъ образомъ.

ГЛАВА

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Что они видѣли въ Эльдорадской землѣ.

Какамбо изъявилъ передъ хозяиномъ все свое любопытство. Хозяинъ сказалъ ему, я человѣкъ очень простой, и простотою моею доволенъ; а есть у насъ здѣсь старичокъ служившей при дворѣ, который почитается за ученнѣйшаго и за словохотнѣйшаго человѣка во всемъ королевствѣ Тотчасъ повелъ онъ Какамба къ сему старику. Кандидъ представлялъ уже вторую персону, и шелъ за своимъ слугою. Они вошли въ весьма простой домикъ, въ которомъ двери были только серебреные, а внутренніе въ покояхъ уборы золотые; но все было здѣлано съ такимъ вкусомъ, что не уступало самымъ драгоцѣннѣйшимъ украшеніямъ. Прихожая горница, хотя правду сказать, и выкладена была только красными яхонтами и изумрудами; однако крайняя простота сія довольно награждалась порядкомъ, въ которомъ все было уставлено.

Старикъ принялъ чужестранныхъ сидя на софѣ набитой Колибриными перьями, и потчивалъ ихъ напитками изъ алмазныхъ сосудовъ; потомъ удовольствовалъ любопытство ихъ слѣдующимъ образомъ.

Я

Я живу на свѣтѣ 172 года, и наслышался отъ отца моего, который былъ королевскимъ конюшимъ, о происходившихъ въ Перу ужасныхъ смятеніяхъ при его глазахъ. Королевство, въ которомъ мы живемъ, есть старинное отечество Инкасовъ, которые оставивъ его безразсудно, пошли покорять подъ владѣніе свое нѣкоторую часть свѣта, и напослѣдокъ всѣ погибли отъ Гишпанскихъ рукъ.

Принцы ихъ фамиліи, оставшіеся въ природной своей землѣ, были гораздо умнѣе: они здѣлали запрещеніе съ народнаго согласія, чтобъ ни одинъ изъ здѣшнихъ жителей не выѣзжалъ никогда изъ нашего малинькаго королевства въ чужія области; а сіе самое сохранило намъ и непорочность нашу и благополучіе. Гишпанцы имѣли о землѣ сей темное понятіе: они называли ее *el Dorado*; а одинъ Агличанинъ, называемый Шеваліе *Ралегъ*, подъѣзжалъ къ намъ, лѣтъ сто назадъ тому, очень близко; но мы будучи окружены неприступными каменными горами и стремнинами, по сіе время находимся внѣ опасности отъ хищенія Европейскихъ народовъ, которые имѣютъ непонятную жадность до нашихъ камней и грязи, такъ что для етой дряни конечно бы всѣхъ насъ до одного перебили.

Разговоръ продолжался долго; онъ касался до правленія земли, до нравовъ, до женскаго пола, до публичныхъ позорищъ и до художествъ. Наконецъ Кандидъ будучи

дучи всегда страстный любитель Метафизики, велѣлъ Какамбу спросить, естьли у нихъ въ землѣ какая нибудь вѣра.

Старикъ нѣсколько осердился; какъ не имѣть вѣры, сказалъ онъ, и можете ли вы въ томъ сумнѣваться? Развѣ вы насъ неблагодарными почитаете? Какамбо спросилъ униженнымъ образомъ, какая же въ Эльдорадѣ вѣра? Старикъ опять осердился. Можно ли быть на свѣтѣ двумъ вѣрамъ? сказалъ онъ; у насъ, я думаю, такая же вѣра, какая и во всемъ свѣтѣ; мы молимся Богу отъ утра до вечера. Такъ вы молитесь только одному Богу? сказалъ Какамбо, который переводилъ всегда сумнѣнія Кандидовы. Конечно одному, сказалъ старикъ; за тѣмъ что нѣтъ ни двухъ, ни трехъ, ни четырехъ.

Я признаюсь вамъ, что люди вашего свѣта весьма чудные вопросы дѣлаютъ. Кандидъ не переставалъ у добраго сего старичка далѣе спрашивать: онъ хотѣлъ знать, какъ въ Элдорадѣ молятся Богу. Мы у него никогда ничего не просимъ, отвѣчалъ почтенный мужъ; намъ просить у него нечего; онъ далъ намъ все, что намъ надобно; мы только безпрестанно его благодаримъ. Кандиду захотѣлось посмотрѣть ихъ поповъ, онъ велѣлъ спросить, гдѣ они. Старикъ улыбнулся. Други мои, сказалъ онъ, мы всѣ попы; Король и всѣ начальники фамилiй поютъ торжественно благодарственные пѣсни по всякое утро, а

пять

пять или шесть тысячь музыкантовъ препровождаютъ пѣнїе ихъ на инструментахъ. Какъ! у васъ по етому нѣтъ и монаховъ, которые учатъ, спорятъ, управляютъ народомъ, дѣлаютъ заговоры, и которые жгутъ людей, какъ скоро кто не одного съ ними мнѣнїя? Надобно, чтобъ мы были очень глупы, сказалъ старикъ; у насъ здѣсь у всѣхъ одно мнѣнїе, и намъ вовсе не извѣстно, что вы разумѣете чрезъ вашихъ монаховъ. Кандидъ слышавъ такое повѣствованїе былъ внѣ себя, и разсуждалъ самъ съ собою; здѣсь со всѣмъ другое дѣло, нежели въ Вестфалїи и въ замкѣ господина Барона: естьли бы другъ нашъ Панглосъ посмотрѣлъ Эльдорадо, то не сталъ бы онъ больше говорить, что замокъ Тгундертен-трункгъ былъ самый лучшїй замокъ въ свѣтѣ; правда, надобно ѣздить въ чужїе краи!

По окончанїи сего долговремяннаго разговора добродушный старикъ велѣлъ заложить карету въ 6 барановъ, и далъ нашимъ заѣзжимъ двенатцать человѣкъ своихъ людей проводить ихъ ко двору. Извините меня, говорилъ онъ имъ, что старость моя лишаетъ меня чести съ вами ѣхать. Король приметъ васъ такъ, что вы будете имъ довольны, и я не сумнѣваюсь, чтобъ не простили вы намъ въ нашихъ обыкновенїяхъ, естьли имѣемъ мы такїя, которыя вамъ не нравятся.

Кандидъ

Кандидъ и Какамбо сѣли въ карету, бараны летѣли, и меньше, нежели въ четверть часа, довезли ихъ до королевскихъ палатъ, построенныхъ на краю города. Ворота были въ 220. футовъ вышиною и во 100 футовъ шириною; не можно изъяснить изъ какой матерiи они были здѣланы. Довольно ужѐ видно, сколь великое превосходство должны они имѣть передъ тѣми кремнями и пескомъ, которые называемъ мы золотомъ и дорогими каменьями.

Дватцать прекрасныхъ дѣвушекъ, которые были тогда на караулѣ, встрѣтили Кандида и Какамба при выходѣ изъ кареты, повели ихъ въ бани, надѣли на нихъ платье вытканное изъ Колибринаго пуху; потóмъ знатные придворные господà и госпожи проводили ихъ въ комнату Его Величества сквозь два ряда, изъ которыхъ въ каждомъ стояло по 1000 музыкантовъ, какъ всякой день бываетъ. Подходя къ аудiенцъ залѣ, Какамбо спросилъ у одного вельможи, какимъ образомъ поступаютъ при засвидѣтельствованiи самоличнаго почтенiя Его Величеству? на колѣни ли становятся, или ложатся на брюхо, на голову ли руки кладутъ, или на заднюю часть тѣла, и лижутъ ли языкомъ пыль съ полу; однимъ словомъ, какая при томъ наблюдается церемонiя? По нашему обыкновенiю, сказалъ вельможа, Короля обнимаютъ и цѣлуютъ его въ обѣ щоки. Кандидъ и Какамбо бро-

силисъ

вились Его Величеству на выю, который принялъ ихъ со всею возможною милостїю, и просилъ ихъ учтивымъ образомъ, чтобъ они съ нимъ отужинали.

Между тѣмъ повезли ихъ смотрѣть города, публичныхъ зданїй возведенныхъ до облаковъ, торжищъ украшенныхъ тысячью столбами, фонтановъ чистой воды, фантановъ розовой воды, и другихъ, изъ коихъ били ликеры, здѣланные изъ сахарнаго тросника, упадающїе въ пространныя прудки, которые выкладены были нѣкоторымъ родомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, испускающихъ отъ себя запахъ подобной гвоздишному и коришному.

Кандидъ спрашивалъ, чтобъ показали ему, гдѣ у нихъ судебныя мѣста, гдѣ парламентъ? Но имъ говорятъ, что у нихъ ничего такого нѣтъ, и что они никогда не судятся. Спрашиваетъ, естьли у нихъ тюрмы? Отвѣчаютъ, что и тюремъ нѣтъ. Больше всего дивился онъ и радовался, увидя палаты, посвященные наукамъ, въ которыхъ показали ему галлерею въ 2000 шаговъ длиною, украшенную повсюду физическими опытами.

Осмотрѣвши съ самого утра до вечера едва тысячную часть города, возвратились они къ Королю. Кандидъ сидѣлъ за столомъ между Его Величествомъ, слугою своимъ Какамбомъ, и нѣкоторыми дамами. Никогда не видывано лучшаго кушанья, какъ какое было у Короля на столѣ, и никто

не оказывалъ столько остроумія за ужиномъ, какъ Его Величество. Какамбо толковалъ Кандиду остроумные его рѣчи, которые хотя были ужѐ и переводъ; однако всегда были остроумны Сіе приводило Кандида въ неменшее удивленіе, какъ и все прочее.

Они прогостили тамъ цѣлый мѣсяцъ. Кандидъ безпрестанно говорилъ Какамбу: правда другъ мой, признаюсь, что замокъ, гдѣ я родился, есть хуже здѣшней земли; однако со всѣмъ тѣмъ, здѣсь нѣтъ дѣвицы Кунигунды, да и у тебя безъ сумнѣнія есть въ Европѣ какая нибудь любовница. Ежели намъ остаться здѣсь, то мы не больше будемъ, какъ и другіе, вмѣсто того, что естьли возвратимся въ нашъ свѣтъ только на двенатцати баранахъ, навьюченныхъ Эльдорадскими каменьями, то будемъ богатѣе всѣхъ Королей вообще; нечего намъ болѣе бояться Инквизиторовъ, и не трудно будетъ достать назадъ дѣвицу Кунигунду.

Разговоръ сей Какамбу понравился; люди такъ страстны бѣгать по свѣту, тщеславиться передъ своими домашними, и хвастать тѣмъ, что они въ чужихъ краяхъ видали, что оба щастливцы наши задумали быть опять нещастными, и просить у Его Величества увольненія.

Вы напрасно хотите ето дѣлать, говорилъ имъ Король; правда, земля моя большаго вниманія не заслуживаетъ; од-

 нако,

нако, когда кто въ какомъ нибудь мѣстѣ нарочито хорошо живетъ, то лучше въ немъ остаться. Я конечно не имѣю права удерживать у себя иностранныхъ; ето такое тиранство, котораго ни въ нравахъ нашихъ, ни въ законахъ нѣтъ. Всѣ люди на свѣтѣ вольны; поѣзжайте когда вы за благо разсудите, но выѣздъ отсюда очень труденъ. Не можно никоимъ образомъ подняться опять въ верьхъ по той рѣкѣ, по которой вы какимъ то чудомъ сюда прїѣхали, и которая течетъ подъ плитными хребтами. Гóры, окружающїе со всѣхъ сторонъ мое королевство, въ вышину имѣютъ десять тысячь футовъ, и такъ круты, какъ стѣны. Каждая въ ширину занимаетъ пространства болѣе, нежели на 10 миль, и спуститься съ оныхъ за крутостїю никакъ не возможно. Однако, когда уже васъ уговорить не льзя; то велю я моимъ Механикамъ здѣлать вамъ машину, которая бы могла вынести васъ покойно изъ моего королевства. А по препровожденїи васъ на ту сторону горъ уже̂ никто съ вами далѣе не поѣдетъ: ибо мои подданные положили обѣтъ, чтобъ изъ предѣловъ своихъ никогда не выѣзжать; и я не думаю, чтобъ они обѣтъ свой нарушили. Въ прочемъ просите у меня всего, чего вамъ хочется. Мы не просимъ у Вашего Величества инаго, какъ, чтобъ пожаловали вы намъ нѣсколько барановъ, на которыхъ накладемъ мы съѣстныхъ припасовъ, каменья и здѣшней грязи.

Король

Король засмѣялся : я не нонимаю, сказалъ онъ, какой вкусъ находятъ ваши Европейцы въ нашей желтой землѣ; возмите пожалуйте, сколько вамъ хочется, я еще радоваться о томъ буду, что вы найдете въ томъ много себѣ добра.

Онъ отдалъ тотчасъ инженерамъ своимъ повелѣнiе здѣлать машину, чтобъ спустить сихъ двухъ чрезвычайныхъ людей за королевство. Три тысячи искусныхъ физиковъ должны были надъ оною работать; чрезъ двѣ недѣли она была готова, и не болѣе стоила, какъ 20 милiоновъ фунтовъ стерлинговъ тамошней монеты. Посадили въ машину Кандида и Какамба; поставили въ нее двухъ большихъ барановъ осѣдланныхъ и взнузданыхъ, чтобъ могли они по переправѣ черезъ горы ѣхать верьхами, 20 барановъ возовыхъ навьюченныхъ съѣстными припасами, тритцать барановъ обремѣненныхъ подарками, и всѣми тамошними рѣдкостями, и 50 нагруженныхъ золотомъ, дорогими каменьями и брилiантами. Король обнялъ нашихъ бродягъ дружескимъ образомъ.

Отъѣзды ихъ и искусство, съ которымъ они въ верьхъ на горы были подняты, представляли глазамъ великолѣпное зрѣлище. Физики доставивши ихъ до безопаснаго мѣста съ ними простились, а Кандидъ не имѣлъ желанiямъ своимъ инаго предмѣта, какъ пойти подарить своихъ барановъ дѣвицѣ Кунигундѣ. Теперь,

говорилъ онъ, есть чѣмъ заплатить губернатору Буеносъ-Аирскому, естьли только можно дѣвицѣ Кунигундѣ опредѣлить цѣну Поѣдемъ въ Кайену, сядемъ на корабль, и посмотримъ потомъ, какое бы намъ королевство купить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Что приключилось имъ въ Суринамѣ, и какъ познакомился Кандидъ съ Мартыномъ.

Перьвый день ѣхали наши дорожные нарочито весело. : они ободрены были воображенїемъ, что имѣютъ теперь столько богатства, съ которымъ всѣ сокровища Азїи Европы и Африки сравнены быть не могутъ. Кандидъ въ восхищенїи писалъ на деревьяхъ Кунигундино имя. На другой день два барана увязли у нихъ въ болотѣ, и потонули въ немъ и съ кладью; нѣсколько дней спустя пали еще два барана утомившись отъ тягости; семь или восемь издохли потомъ въ степи съ голоду; другїе попадали съ горъ въ стремнины. Напослѣдокъ по стодневномъ пути осталось у нихъ только два барана. Кандидъ говорилъ Какамбу. другъ мой, ты видишь, что богатство свѣта сего есть тлѣнъ;

нѣтъ

нѣтъ ничего основательнаго и постояннаго, кромѣ добродѣтели и щастія увидѣть опять дѣвицу Кунигунду.

Это правда, сказалъ Какамбо, однако у насъ еще осталось два барана и болше сокровищъ, нежели у Гишпанскаго Короля. Я вижу вдали городъ, и думаю, что ето Суринамъ, принадлежащій Голландцамъ. Теперь кончатся всѣ нещастія и начнется наше благополучіе.

Приближаясь къ городу наѣхали они на одного Арапа лежащаго на землѝ, который не болѣе, какъ половину своей одежды на себѣ имѣлъ, то есть половину синихъ портковъ: у бѣднаго сего человѣка не было лѣвой ногѝ и правой руки. Боже мой! сказалъ ему Кандидъ по Голландски, что ты тутъ лежишь, другъ мой, въ такомъ ужасномъ состоянїи? Я дожидаюсь моего хозяина господина Вандердендура, славнаго здѣшняго купца, отвѣчалъ Арапъ. Да не господинъ ли Вандердендуръ, спросилъ Кандидъ, привелъ тебя въ сїе состоянїе? Онъ, сударь, сказалъ Арапъ; здѣсь такое обыкновенїе. Намъ даютъ по двои холстинные портки на годъ вмѣсто всей одежды. Когда мы работаемъ на сахарныхъ заводахъ, и возмемъ себѣ кусочикъ сахару, то отрубятъ намъ руку; а когда захотимъ уйти, то отрубятъ ногу: надо мною и то и другое случилось. Вотъ каковъ дорогъ намъ сахаръ, которой ѣдите вы въ Эвропѣ. Одна-

 ко,

ко, когда продала меня мать моя за десять Нидерландскихъ талеровъ на Гвинейскомъ берегу, то говорила мнѣ: дитятко, благодари нашихъ боговъ, молись имъ безпрестанно, они дарують тебѣ щастливую жизнь; ты имѣешь честь быть рабомъ нашихъ господъ бѣлыхъ, и чрезъ то устрояешь щастіе отца твоего и матери. Увы! я не знаю здѣлалъ ли я ихъ щастливыми, а они меня не здѣлали. Собаки, обезьяны и попугаи тысячу разъ щастливѣе насъ. Голландскіе попы, обратившіе меня въ свою вѣру, говорятъ мнѣ всякое воскресенье, что мы всѣ дѣти Адамовы бѣлые и черные. Я не родословъ; однако, естьли проповѣдники сіи говорятъ правду, то мы всѣ братья. Теперь скажите мнѣ можно ли безчеловѣчнѣе поступать съ своими родственниками?

О Панглосъ! вскричалъ Кандидъ, ты не предвидѣлъ сей ужасной суровости; нѣтъ, я принужденъ буду напослѣдокъ отказаться отъ твоего наилучшаго свѣта. Что ето значитъ, наилучшій свѣтъ, спросилъ Какамбо? Увы! сказалъ Кандидъ, ето будетъ непреодолимое упрямство утверждать, что все на свѣтѣ хорошо, когда намъ очень худо. Смотря на Арапа проливалъ онъ слезы, и въ плачѣ вошелъ въ Суринамъ.

Прежде всего освѣдомились они нѣтъ ли въ гаванѣ корабля, который бы можно было послать въ Буеносъ-Аиръ. Человѣкъ,

у котораго они о томъ спрашивали, былъ самъ Гишпанскій корабельщикъ, и представилъ себя къ ихъ услугамъ за безобидную плату. Онъ назначилъ имъ къ взаимному свиданію одну корчму. Кандидъ и вѣрный Какамбо пошли дожидаться его тамъ съ обѣими своими баранами.

Кандидъ, у котораго вся душа была на языкѣ, расказалъ Гишпанцу всѣ свои приключенія, и открылся ему, что онъ дѣвицу Кунигунду задумалъ увесть. Избавь меня отъ того богъ, чтобъ повезъ я васъ въ Буеносъ Аиръ, сказалъ корабельщикъ; тамъ и меня и васъ повѣсять. Прекрасная Кунигунда теперь первая любовница у его превосходительства. Это былъ громовый ударъ для Кандида; онъ плакалъ долгое время, напослѣдокъ отозвалъ Какамба къ сторонѣ: вотъ, что тебѣ надобно здѣлать, любезный другъ, сказалъ онъ ему, у насъ у каждаго есть въ карманахъ милїоновъ на пять, или на шесть алмазовъ; ты меня проворнѣе; поѣзжай въ Буеносъ Аиръ, и возми дѣвицу Кунигунду. Естьли губернаторъ не будетъ ее отдавать, дай ему милїонъ; а буде и того мало, дай ему два; ты не убилъ Инквизитора, тебя подозрѣвать не будутъ, а я между тѣмъ возму другой корабль, и поѣду дожидаться тебя въ Венецїю. Земля сїя вольная, тамъ нечего бояться ни Болгаровъ, ни Абарцовъ, ни Жидовъ, ни Инквизиторовъ. Какамбу замыселъ сей очень понравился. Ему

 весьма

весьма не хотѣлось разстаться съ такимъ добрымъ господиномъ , который здѣлался искреннимъ ему другомъ ; однако удовольствїе быть ему полезнымъ , преодолѣло его печаль. Обнялись проливая слезы; Кандидъ наказывалъ ему , чтобъ не забылъ онъ взять и старуху. Какамбо отправился того же самаго дня. Какамбо сей былъ самый предобрый человѣкъ.

Кандидъ пробылъ еще нѣсколько времяни въ Суринамѣ , и ожидалъ покуда другой корабельщикъ отвезетъ его съ достальными баранами въ Италїю. Онъ нанялъ слугъ , и закупилъ все , что къ дальнему пути было надобно ; напослѣдокъ явился къ нему господинъ Вандердендуръ , хозяинъ одного большаго корабля. Сколько возмете вы , спросилъ онъ у сего человѣка , отвести меня прямо въ Венецїю , меня, людей моихъ, пожитки и етихъ двухъ барановъ , которыхъ здѣсь видите ? Корабельщикъ попросилъ десять тысячь пїастровъ. Кандидъ за то не постоялъ.

О о! сказалъ самъ въ себѣ прозорливый Вандердендуръ , чужестранецъ сей даетъ вдругъ десять тысячь пїастровъ! надобно, чтобъ онъ былъ очень богатъ. Потомъ пришедши къ нему черезъ часъ назадъ, объявилъ, что онъ меньше какъ за дватцать тысячь не поѣдетъ. Хорошо , я тебѣ и то дамъ, сказалъ Кандидъ.

Что за пропасть ! шепчетъ про себя купецъ , человѣкъ сей также легко соглашается

шается дать двятцать, какъ и десять тысячь піастровъ. Онъ воротился опять, и говоритъ, что меньше тритцати тысячь піастровъ въ Венецію его отвести не можно. Я тебѣ дамъ и тритцать тысячь, отвѣчалъ Кандидъ.

О о! разсуждалъ самъ съ собою Голландскій купецъ, етому человѣку и тритцать тысячь не стоятъ ничего! конечно на 6 ранахъ сихъ навьючены несмѣтныя сокровища; перестанемъ возвышать цѣну; возмемъ напередъ тритцать тысячь, а тамъ посмотримъ, что будетъ далѣе Кандидъ продалъ два небольшіе алмаза, изъ которыхъ самый малый дороже стоилъ, нежели вся просимая корабельщикомъ сумма. Онъ заплатилъ ему деньги напередъ. Обѣихъ барановъ перевезли на корабль. Кандидъ поѣхалъ за ними въ малинькомъ суднѣ, чтобъ взойти въ корабль на рейдѣ. Корабельщикъ не терялъ времяни, поднялъ парусы, пустился и летитъ при благополучномъ вѣтрѣ. Кандидъ изумѣвшись и разинувши ротъ потерялъ его тотчасъ изъ глазъ. Увы! вскричалъ онъ, вотъ мошенничество достойное древняго свѣта. Возвратился назадъ къ берегу въ крайней печали; она была и дѣльная, потому что лишился онъ того, чѣмъ бы можно здѣлать щастіе двятцати монарховъ.

Пошелъ къ Голландскому судьѣ, и будучи нѣсколько въ смущеніи, стучитъ въ двери изо всей силы; входитъ, расказы-

ваетъ свое приключенїе и кричитъ нѣсколько громчѣ, нежели какъ было надобно. Судья началъ дѣло тѣмъ, что велѣлъ ему заплатить тотчасъ десять тысячь пїастровъ за стукъ и за шумъ, который онъ надѣлалъ. Потомъ выслушалъ его терпѣливо, обѣщалъ разобрать его дѣло, какъ скоро купецъ возвратится назадъ, и велѣлъ заплатить ему еще десять тысячь пїастровъ за протори и волокиты при аудїенцїи.

Поступокъ сей привелъ Кандида совсѣмъ въ отчаянїе: онъ, правда, претерпѣлъ уже несравненно большїя нещастїя, однако безсовѣстїе судьи и карабельщика, которые его ограбили, разгорячила въ немъ желчь, и ввергла его въ глубокую задумчивость. Злость человѣческая представлялась уму его во всемъ ея безобразїи; мысли его наполнены были печальными воображенїями Напослѣдокъ провѣдалъ онъ, что отправляется въ Бурдо Французской корабль. И какъ уже барановъ, навьюченныхъ алмазами у него болѣе не было, то нанялъ въ кораблѣ семъ одну каютку за сходственную цѣну, и велѣлъ объявить въ городѣ что естьли хочетъ кто честный человѣкъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, то заплатитъ онъ за него корабельщику, будетъ довольствовать его въ пути пищею, и подаритъ ему двѣ тысячи пїастровъ; но съ такимъ договоромъ, чтобъ человѣкъ сей былъ самый недовольнѣйшїй своимъ состо-

нїемъ и самый безчастнѣйшїй во всей провинцїи.

Нашло къ нему такое множество охотниковъ, что и на цѣломъ флотѣ помѣстить бы ихъ было не можно. Кандидъ хотѣлъ выбрать одного изъ тѣхъ, которые по видимому были всѣхъ нещастнѣе. Отобралъ такихъ человѣкъ съ дватцать, которые казались ему нарочито обходительными, и всѣ одинъ передъ другимъ хотѣли имѣть преимущество. Онъ собралъ ихъ всѣхъ въ своемъ трактирѣ, и оставилъ ужинать съ тѣмъ, чтобъ каждый далъ клятву расказать жизнь свою по самой правдѣ, и обѣщалъ взять съ собою того, который покажется ему всѣхъ безчастнѣе, и всѣхъ недовольнѣе своимъ состоянїемъ, а прочимъ дать по нѣскольку денегъ. Засѣданїе продолжалось до четырехъ часовъ по полуночи. Кандидъ слушая всѣ ихъ приключенїя, вспомнилъ старухины слова, когда ѣхалъ въ Буеносъ-Аиръ, которая билась объ закладъ, что не было на кораблѣ ни одного человѣка, который бы не претерпѣлъ великихъ нещастїй. За каждою исторїею приходилъ ему на память Панглосъ. Трудно бы было, говорилъ онъ, доказать Панглосу свою систему; желалъ бы я, чтобъ онъ былъ теперь здѣсь. Естьли правда, что все устроено хорошо, то ето конечно не индѣ гдѣ, какъ въ Эльдорадѣ, а не въ прочихъ частяхъ свѣта. Напослѣдокъ выбралъ онъ

одного

одного бѣднаго ученаго, который трудился десять лѣтъ для Амстердамскихъ книгопродавцовъ. Онъ разсуждалъ, что ни одно ремесло въ свѣтѣ такъ не можетъ наскучить, какъ ето.

Ученый сей человѣкъ, который при всемъ томъ имѣлъ весьма простую душу, былъ окраденъ отъ жены, битъ отъ сына, и оставленъ отъ дочери, которая збѣжала съ однимъ Португальцомъ. Недавно у него отняли и послѣднее мѣсто, отъ котораго онъ питался, а Суринамскїе проповѣдники на смерть его не любили, почитая его за Социнїанина. Правду сказать, и другїе его товарищи по крайней мѣрѣ столько же были безчастны, какъ и онъ; однако Кандидъ надѣялся, что ученый избавитъ его въ пути отъ скуки. Всѣ прочїе совмѣстники роптали, что Кандидъ весьма ихъ тѣмъ обижаетъ; но онъ ихъ тотчасъ успокоилъ, давъ каждому по сту пїастровъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ.

Что приключилось Кандиду и Мартыну на морѣ?

Такимъ образомъ ученый старикъ, котораго звали Мартыномъ, поѣхалъ съ Кандидомъ въ Бурдо. И тотъ и другой многаго на

на свѣтѣ насмотрѣлись, и многаго натерпѣлись; и какъ начали они разсуждать о нравственномъ и естественномъ злѣ то хотя бы корабль ѣхалъ изъ Суринама въ Японію мимо мыса Доброй Надежды, однако и тогда было бы имъ довольно матеріи, о чемъ говорить во весь путь.

Со всѣмъ тѣмъ Кандидъ передъ Мартыномъ имѣлъ великую выгоду, потому что онъ надѣялся всегда увидѣться опять съ дѣвицею Кунигундою, а Мартынъ не надѣялся ничего: притомъ было у него золото и алмазы, и хотя уже онъ лишился ста большихъ красныхъ барановъ, навьюченныхъ наидрагоцѣннѣйшими сокровищами въ свѣтѣ, хотя мошенничество Голландскаго корабельщика и безпрестанно у него лежало на сердцѣ; однако когда ни обращалъ мысли свои на то, что у него было въ карманахъ, и когда говорилъ о Кунигундѣ, а особливо при концѣ стола, то защищалъ тогда опять систему премудраго Панглоса.

А ты, господинъ Мартынъ, говорилъ онъ ученому, что о всемъ семъ думаешь? Какое ты имѣешь понятіе о злѣ нравственномъ, и о злѣ естественномъ? Государь мой, отвѣчалъ Мартынъ, попы наши говорили про меня, что я Социніанинъ; а въ самомъ дѣлѣ я Манихей. Ты издѣваешься надо мною, сказалъ Кандидъ, Манихеевъ уже больше на свѣтѣ нѣтъ. По крайней мѣрѣ я еще живъ, сказалъ Мартынъ; я

не

не знаю, что мнѣ дѣлать; однако инако думать не могу. Надобно, чтобъ въ тебя вселился дїаволъ, сказалъ Кандидъ. Онъ въ дѣла свѣта сего такъ много мѣшается, говорилъ Мартынъ, что легко статься можетъ, что онъ и въ меня также вселился, какъ во всѣхъ прочихъ; но я признаюсь вамъ, что разсматривая сей шаръ, или лучше сказать сей шарикъ, думаю, что Богъ предалъ его во власть какого нибудь злаго существа; выключая однако Эльдорадо. Я не видалъ еще ни одного города, который бы не желалъ разоренія другому сосѣдственному; ни одной фамилїи, которая бы не искала истребить какую нибудь другую. Повсюду безсильные проклинаютъ сильныхъ, передъ которыми раболѣпствуютъ; а сильные поступаютъ съ ними, какъ съ овцами, съ которыхъ продаютъ и шерсть и мясо, милїонъ раздѣленныхъ на полки убїицъ, бѣгая изъ одного конца Европы въ другой, бьютъ людей и грабятъ въ наилучшемъ порядкѣ для своего пропитанїя, за тѣмъ, что нѣтъ ни одного ремесла, которое бы было сего честнѣе; а въ городахъ, которые по всему виду наслаждаются миромъ и тишиною, и гдѣ процвѣтаютъ науки, люди снѣдаются такою завистїю, заботою и безпокойствомъ, какихъ и въ самомъ осажденномъ отъ непрїятелей городѣ невидно. Сокровенныя печали еще гораздо несноснѣе, нежели общїя бѣдствїя. Однимъ

словомъ,

словомъ, я столько на свѣтѣ видѣлъ и столько претерпѣлъ, что зделался Манихеемъ.

Однако есть на свѣтѣ и добро, сказалъ Кандидъ. Можетъ быть, отвѣчалъ Мартынъ, но мнѣ оно совсѣмъ не извѣстно.

Между тѣмъ, какъ они спорились, услышали всѣ пушечный выстрѣлъ. Стрѣльба ежеминутно становилась сильнѣе. Каждый схватилъ свою зрительную трубку. Увидѣли два корабля, которые мили за три были въ жестокомъ сражении. Вѣтеръ принесъ обѣихъ ихъ къ Французскому кораблю на которомъ ѣхалъ Кандидъ, такъ близко что можно было все сраженїе видѣть весьма ясно. Напослѣдокъ одному изъ сихъ кораблей удалось зделать по другомъ всемъ бортомъ выстрѣлъ такъ низко, и такъ исправно, что сей послѣдній пошелъ на дно. Кандидъ и Мартынъ увидѣли тутъ, что человѣкъ до ста находившихся на кораблѣ поглощены были водою: всѣ простирали руки на небо, наполняли воздухъ ужаснымъ воплемъ; но въ одно мгновенїе всѣ поглощены были пучиною.

Видите ли, сказалъ Мартынъ, вотъ какъ люди между собою поступаютъ. Признаюсь, сказалъ Кандидъ, что дѣло ето походитъ нѣсколько на дїавольское. Разговаривая такимъ образомъ, увидѣлъ онъ нѣчто красное, которое свѣтилось и плыло за кораблемъ. Отвязали шлюпку посмотрѣть, что ето такое: ето былъ

одинъ

одинъ изъ его барановъ. Кандидъ нашедши своего барана больше радовался, нежели сколько печалился потерявши такихъ сто навьюченныхъ большими Эльдорадскими алмазами.

Французской капитанъ узналъ тотчасъ, что капитанъ потопившаго корабля былъ Гишпанецъ, а капитанъ потопшаго корабля Голландской разбойникъ; ето былъ самый тотъ, который обокралъ Кандида. Безчисленныя богатства, пограбленныя симъ злодѣемъ, поглощены были и съ нимъ вмѣстѣ моремъ; а спасся одинъ только баранъ. Видишь, сказалъ Кандидъ Мартыну, что злодѣяніе не всегда безъ наказанія остается; сего мошенника, Голландскаго корабельщика, такая судбина и постигла, какой онъ былъ достоинъ. Ето правда, сказалъ Мартынъ; но надобно ли было, чтобъ погибли съ нимъ и находившіеся на кораблѣ его люди? Богъ наказалъ сего плута, а чортъ утопилъ другихъ.

Между тѣмъ Французской и Гишпанской корабли продолжали свой путь, а Кандидъ продолжалъ свои разговоры съ Мартыномъ. Они цѣлыя двѣ недѣли безпрестанно спорились; однако по прошествіи сихъ двухъ недѣль столь же много другъ друга увѣрили, какъ и въ самый первый день. Со всѣмъ тѣмъ, они говорили, сообщали одинъ другому свои мнѣнія, и одинъ другаго утѣшали. Кандидъ гладилъ сво-

своего барана: когда уже нашелъ я тебя, говорилъ онъ, то можетъ быть найду и Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬПЕРЬВАЯ.

Кандидъ съ Мартыномъ подъѣзжаютъ ко Французскимъ берегамъ и разсуждаютъ.

Напослѣдокъ показались Французскïе берега. Бывалъ ли ты когда нибудь во Францïи, господинъ Мартынъ, спрашивалъ Кандидъ? Бывалъ, сказалъ Мартынъ; я объѣздилъ многïе тамъ провинцïи. Въ иныхъ половина жителей вертопрашны, въ нѣкоторыхъ они надъ мѣру лукавы, въ другихъ по большой части нарочито тихи, и нарочито глупы; въ иныхъ всѣ хотятъ почитаться остроумными; а во всѣхъ первѣйшее упражненïе есть любовь, второе потомъ злословïе, а третïе говорить вздоръ. Однако, господинъ Мартынъ, видалъ ли ты Парижъ? Да, видѣлъ я и Парижъ, въ немъ всѣхъ сихъ родовъ люди находятся; Парижъ такъ, какъ Хаосъ; онъ есть такое стеченïе народа, въ которомъ всѣ люди ищутъ веселья, и въ которомъ почти ни одинъ человѣкъ его не находитъ, по крайней мѣрѣ сколько я при-

примѣчалъ. Я жилъ въ немъ не долго; по пріѣздѣ моемъ туда обокрали меня тотчасъ на Сентжерменской ярманкѣ мошенники. Потомъ почли меня и самого за вора, и продержали цѣлые восемь дней въ тюрьмѣ; а послѣ того здѣлался я типографскимъ справщикомъ, чтобъ нажить столько, чѣмъ бы дойти пѣшкомъ въ Голландію. Я знавалъ тамъ многихъ бездѣльниковъ, которые злоязычествуютъ и на письмѣ, которые заводятъ толки и заговоры, и которыхъ разныя бѣшенства какъ судороги схватываютъ. Говорятъ, что есть въ городѣ семъ и весьма разумные люди, я о томъ и не спорю.

Что до меня касается, сказалъ Кандидъ, то я ни мало не любопытенъ видѣть Францію. Подумай, когда кто жилъ мѣсяцъ въ Эльдорадѣ, то уже захочетъ ли тотъ видѣть что нибудь другое на свѣтѣ кромѣ дѣвицы Кунигунды; я буду дожидаться ее въ Венеціи. Мы поѣдемъ въ Италію чрезъ Францію; согласишься ли и ты со мною? Очень охотно, сказалъ Мартынъ. Говорятъ, что Венеція хороша только для благородныхъ Венеціанъ; однако сказываютъ, что весьма ласково принимаютъ тамъ и иностранныхъ, когда у нихъ много денегъ; у меня ихъ нѣтъ, а у васъ есть, такъ я готовъ всюду за вами слѣдовать. Мнѣ теперь пришло на умъ, сказалъ Кандидъ; думаешь ли ты, что земля съ самаго начала была море, такъ какъ

увѣ-

увѣряютъ въ сей толстой книгѣ, принадлежащей нашему Капитану? Я ни чему етому не вѣрю, сказалъ Мартынъ, такъ какъ и всѣмъ расказываемымъ съ нѣкотораго времени вракамъ. Да съ какимъ же намѣреніемъ созданъ сей свѣтъ, сказалъ Кандидъ? Чтобъ насъ взбѣсить, отвѣчалъ Мартынъ. Не удивительна ли тебѣ кажется, продолжалъ Кандидъ, любовь двухъ оныхъ дѣвушекъ Opeлiонской земли къ обезьянамъ, о которыхъ я тебѣ прежде расказывалъ? Ни мало, сказалъ Мартынъ; я въ страсти сей страннаго ничего не вижу; я уже столько чрезычайныхъ дѣлъ навидѣлся, что чрезвычайнаго для меня ничего нѣтъ. Думаешь ли ты, сказалъ Кандидъ, что люди другъ друга всегда убивали, такъ какъ нынѣ, и что они всегда были лжецы, обманщики, вѣроломцы, неблагодарны, разбойники, слабы, легкомысленны, подлы, завистливы, обжоры, пьяницы, скупы, честолюбивы, кровожаждущи, клеветники, сластолюбивы, сумазбродны, лицемѣрны и безразсудны? Вѣрите ли вы, сказалъ Мартынъ, что ястребы ѣли всегда голубей, когда ихъ найти могли? Конечно, отвѣчалъ Кандидъ. Ну, сказалъ Мартынъ, когда ястребы всегда такое же свойство имѣли, то какъ думать, что перемѣнились люди? О! сказалъ Кандидъ, тутъ великая разность; ибо свободное произволеніе . . . . Разсуждая такимъ образомъ прибыли они въ Бурдо.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬВТОРАЯ.

Что приключилось Кандиду и Мартыну во Францiи.

Кандидъ не долѣе пробылъ въ Бурдо, какъ покуда могъ продать нѣсколько Эльдорадскихъ каменьевъ, и купить надежную двумѣстную коляску за тѣмъ, что безъ Философа Мартына обойтися ему уже было не льзя; ему жаль было только разстаться съ бараномъ своимъ, котораго оставилъ въ Бурдосской Академiи Наукъ, а оная опредѣлила на сей годъ обыкновенное награжденiе тому, кто докажетъ, отъ чего шерсть на баранѣ была красная. Награжденiе получилъ нѣкоторый ученый человѣкъ изъ сѣверной страны, который доказалъ чрезъ A *plus* B, *minus* C раздѣленное на Z, что барану неотмѣнно надлежало быть красному и умереть отъ коросты.

Между тѣмъ всѣ дорожные, съ которыми съѣзжался Кандидъ въ корчмахъ на дорогѣ говорили ему, мы ѣдемъ въ Парижъ. Всеобщее сiе стремленiе произвело напослѣдокъ и въ Кандидѣ охоту посмотрѣть сего столичнаго города. Заѣхать съ Венецiанской дороги въ Парижъ крюку было не много. Онъ въѣхалъ въ городъ сей чрезъ предмѣстiе Сентъ-Марсо, и ему казалось, что

что находится въ самой послѣдней Вестфальской деревнѣ.

Лишь только вошелъ Кандидъ въ постоялый дворъ, то почувствовалъ небольшой припадокъ, происходящій отъ безпокойства въ дорогѣ. А какъ на рукѣ у него былъ превеликой алмазный перстень, и притомъ увидѣли, что между прочимъ его экипажемъ есть ужасно тяжелый сундучокъ, то явились къ нему тотчасъ два доктора безъ всякаго призыва, нѣсколько задушевныхъ друзей, которые не отходили отъ него ни на часъ, и два святоши, которые грѣли ему булїоны. Мартынъ говорилъ, я помню, что и я былъ боленъ въ Парижѣ во время перьваго моего сюда прїѣзда; я былъ очень бѣденъ, такъ не было у меня ни друзей, ни святошъ, ни докторовъ; однако я выздоровѣлъ.

Между тѣмъ отъ лѣкарствъ и многократнаго бросанїя крови Кандидъ и въ правду занемогъ. Одинъ попъ изъ той части города, гдѣ онъ жилъ, пришелъ къ нему со смиреннымъ лицемъ просить векселя, по которому платежъ учиненъ будетъ объявителю на томъ свѣтѣ. Кандидъ не хотѣлъ на то согласиться: святоши увѣряли его, что ето новая мода. Кандидъ отвѣчалъ, что онъ не такой человѣкъ, который бы жилъ по модѣ. Мартынъ хотѣлъ попа выбросить за окошко. Попъ клялся, что Кандида не погребутъ. А Мартынъ клялся, что онъ погребетъ самого

мого попа, естьли не перестанетъ его безпокоить. Брань становилась часъ отъ часу сильняе. Мартынъ взялъ его за воротъ и вытолкалъ вонъ; а сїе причинило великїй соблазнъ, и дѣло дошло до словеснаго суда.

Кандидъ выздоровѣлъ, и покуда отъ болѣзни оправлялся, ужинала у него всегда весьма отборная компанїя и всегда была большая игра. Кандидъ былъ въ великомъ удивленїи, что никогда не приходили къ нему тузы, а Мартынъ тому ни мало не дивился.

Между прочими, которые посѣщенїемъ своимъ дѣлали ему честь, былъ нѣкоторый маленькїй Аббатъ, именемъ Перигурдинъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда стараются угодить, всегда легки на ногу, всегда услужливы, безстыдны, ласкательны, и на все согласны, которые караулятъ иностранныхъ во время ихъ проѣзда, разказываютъ имъ соблазнительныя произшествїя въ городѣ, и предлагаютъ забавы за всякую цѣну. Онъ повелъ сперьва Кандида и Мартына въ комедїю. Въ тотъ день представляли новую трагедїю. Кандиду случилось сидѣть среди нѣсколькихъ, такъ называемыхъ веселыхъ головъ. Не смотря на то онъ во время явленїй, представляемыхъ наисовершеннѣйшимъ образомъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Одинъ изъ сихъ говоруновъ сказалъ ему по окончанїи дѣйствїя: вы

очень

очень напрасно плачете, Актриса ета представляетъ весьма дурно, а Актеръ, который съ нею выходилъ, еще хуже ея, а Трагедія сама по себѣ сочинена еще и того дурнѣе. Сочинитель не знаетъ по Арапски ни слова, а дѣйствіе происходитъ въ Аравіи Сверьхъ того онъ такой человѣкъ, который не вѣритъ врожденнымъ понятіямъ. Я завтра принесу вамъ противъ него дватцать тетратей. Государь мой, гогорилъ ему Аббатъ Перигурдинъ, примѣтили ли вы ету молодую дѣвушку, у которой лице такое пріятное, и станъ толь пригожій? Она вамъ не больше будетъ стоить, какъ десять тысячь франковъ на мѣсяцъ, и на пятьдесятъ тысячь талеровъ алмазовъ. Я не могу съ нею препроводить больше, какъ день или два, отвѣчалъ Кандидъ, потому что у меня назначено свиданіе съ одною особою въ Венеціи, которое не терпитъ времени.

Въ вечеру послѣ ужина ласкательный Перигурдинъ умножилъ свои учтивства и услужливости. Такъ у васъ есть, государь мой, въ Венеціи свиданіе? Есть, государь мой, сказалъ Кандидъ; мнѣ надобно неотмѣнно видѣться тамъ съ дѣвицею Кунигундою. Тутъ уже получивши пріятный случай говорить о своей любезной, расказалъ ему обыкновеннымъ образомъ нѣкоторую часть своихъ приключеній съ сею знатною Вестфалькою.

Я думаю, сказалъ Аббатъ, что дѣвица Кунигунда очень умна, и прекрасно пишетъ письма? Я писемъ отъ нее никогда не получалъ, сказалъ Кандидъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ выгнали меня за нее изъ замка, не имѣлъ я никогда времени къ ней писать; вскорѣ послѣ того сказали, что она умерла; потомъ нашелъ я ее опять, и опять потерялъ; а теперь отправилъ къ ней отсюда за 2500 миль нарочнаго, и ожидаю отвѣта.

Аббатъ слушалъ прилѣжно, и казалось, что сидѣлъ нѣсколько задумавшись. Скоро послѣ того простился съ обоими иностранными обнявши ихъ отъ всего сердца. На другой день Кандидъ лишь только пробудился, то получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный мой Кандидъ! тому уже „недѣля, какъ я больна въ здѣшнемъ горо„дѣ; мнѣ сказали, что и ты здѣсь. Я „бы полетѣла въ твои объятія, естьли „бы у меня была сила. Провѣдавши въ „Бурдо, что ты поѣхалъ въ Парижъ, „оставила я тамъ вѣрнаго Какамба и ста„руху, съ тѣмъ, чтобъ они немедлѣн„но за мною ѣхали. Губернаторъ Буеносъ-„Аирской взялъ у насъ все; но у меня „осталось еще твое сердце. Пріѣзжай ко „мнѣ; присутствіе твое или возвра„титъ мнѣ жизнь, или я съ радости „умру„.

Прекрасное сїе письмо, письмо, котораго онъ не ожидалъ, обрадовало Кандида несказаннымъ образомъ; а болѣзнь любезной Кунигунды чрезмѣрно его опечалила. Мучась сими обоими чувствїями схватилъ свое золото и алмазы и пошелъ съ Мартыномъ въ тотъ домъ, гдѣ жила Кунигунда. Входитъ въ оной со внутреннимъ трепетомъ, сердце у него бьется, духъ занимается; хочетъ открыть завѣсы у постели, велитъ принести огня. Бога ради етого не дѣлайте, говоритъ ему служанка, отъ свѣта она умретъ, и тотчасъ закрываетъ опять завѣсу. Любезная моя Кунигунда, сказалъ Кандидъ проливая слезы, естьли тебѣ полегче? Когда не можешь со мною видѣться, то скажи мнѣ по крайней мѣрѣ хоть одно слово. Она не можетъ говорить, сказала служанка. Госпожа протянула между тѣмъ съ постели пухленькую ручку, которую Кандидъ орошаетъ долгое время слезами, наполняетъ ее потомъ всю алмазами, и оставляетъ на креслахъ цѣлый мѣшокъ золота.

Среди наисильнѣйшихъ его восхищенїй входитъ гефрейтеръ въ препровожденїи Аббата Перигурдина, и капральства солдатъ. Вотъ они, говоритъ онъ, сїи два подозрительные чужестранца. Велѣлъ ихъ тотчасъ взять, и приказываетъ удальцамъ своимъ тащить въ тюрму. Въ Эльдорадѣ съ заѣзжими людьми такимъ образомъ не поступаютъ, говорилъ Кандидъ. Я нико-

никогда толь твердымъ Манихеемъ не былъ, какъ теперь, сказалъ Мартынъ. Да куда вы насъ ведете, государь мой, спросилъ Кандидъ? Въ городскую тюрьму, отвѣчалъ гефрейтеръ.

Мартынъ образумившись догадался, что женщина, называющаяся Кунигундою, была мошенница, господинъ Аббатъ Перигурдинъ былъ плутъ, умѣвшій скорѣе всѣхъ возпользоваться Кандидовою простотою; а гефрейтеръ другой плутъ, отъ котораго перьвымъ удобно можно отвязаться.

Кандидъ слѣдуя совѣту Мартынову, а притомъ нетерпѣливо желая увидѣться съ истинною Кунигундою, вмѣсто того, чтобъ подвергнуть себя приказному порядку, даетъ гефрейтеру три небольшіе алмаза, изъ которыхъ каждый стоилъ около трехъ тысячь пистолей. А! государь мой, говоритъ ему человѣкъ, сей палочникъ, хотя бы вы и всѣвозможныя злодѣянія здѣлали, однако со всѣмъ тѣмъ вы самый честный человѣкъ въ свѣтѣ; три алмаза! каждый въ три тысячи пистолей! Государь мой, вмѣсто того, чтобъ вести васъ въ тюрьму, я за васъ умереть готовъ. Хотя здѣсь и всѣхъ иностранныхъ хватаютъ, однако положитесь на меня; у меня есть въ Нормандіи въ Діепѣ братъ, я отвезу васъ къ нему, и естьли вы можете бросить нѣсколько алмазовъ и ему, то онъ объ васъ не меньше будетъ имѣть попеченія, какъ и я.

А какая же тому причина, что всѣхъ иностранныхъ берутъ подъ караулъ, спросилъ Кандидъ? Такая, отвѣчалъ Аббатъ Перигурдинъ, что одинъ бродяга изъ Атребатской землѝ слышалъ пустый вздоръ; а сїе одно побудило его здѣлать отцеубїйство, не такое, какое учинено было въ 1610 году въ мѣсяцѣ Маїѣ; но такое, какое здѣлалось въ 1594 году въ мѣсяцѣ Декабрѣ, и какїя учинены были въ другихъ годахъ и въ другихъ мѣсяцахъ, другими бродягами, которые слышали вздоръ.

Гефрейтеръ расказалъ потóмъ въ чемъ состояло дѣло. Ахъ изверги! вскричалъ Кандидъ; какъ! такїя ужасныя дѣйствїя бываютъ между народомъ, который пляшетъ, и который поетъ! Я не знаю какъ бы мнѣ поскорѣе убраться изъ такой землѝ, гдѣ обезьяны свирѣпѣе тигровъ? Въ отечествѣ моемъ видѣлъ я медвѣдей, а людей видѣлъ только въ Эльдорадѣ. Бога ради, господинъ гефрейтеръ, отвези меня въ Венецїю; мнѣ надобно дожидаться тамъ дѣвицы Кунигунды. Я не могу васъ въ другое мѣсто отвезти, какъ въ нижную Нормандїю, сказалъ палочникъ. Потомъ велѣлъ тотчасъ снять съ него оковы, говоря, что онъ ошибся, отсылаетъ своихъ людей, отвозитъ Кандида и Мартына въ Дїепъ, и отдаетъ ихъ на руки своему брату. На рейдѣ случился тогда небольшой Голландской корабль. Норманецъ, здѣлавшійся помощїю трехъ другихъ алмазовъ

наи-

наиуслужливѣйшимъ человѣкомъ, посадилъ Кандида и людей его въ сей корабль, который отправлялся въ Портсмутъ въ Англїю.

Хотя ѣхать было и не по пути; однако Кандидъ думалъ, что вырвался изъ ада, и хотѣлъ отправиться въ Венецїю при первомъ случаѣ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬТРЕТIЯ.

Кандидъ и Мартынъ ѣдутъ около Аглинскихъ береговъ, и что они тамъ видятъ.

О, Панглосъ, Панглосъ! О, Мартынъ, Мартынъ! О любезная моя Кунигунда! что ето за свѣтъ, говорилъ Кандидъ на Голландскомъ кораблѣ? Нѣчто весьма зобродное и весьма странное, отвѣчалъ Мартынъ. Ты знаешь Англїю, говорилъ Кандидъ Мартыну, не такъ ли и тамъ люди бѣшены, какъ и во Францїи? Тамъ другой родъ бѣшенства, сказалъ Мартынъ; вамъ извѣстно, что сїи два народа находятся въ войнѣ за нѣсколько саженъ снѣгу, лежащаго къ Канадѣ, и что они для сей безпутной войны гораздо больше тратятъ, нежели чего стоитъ вся Канада. Я не могу вамъ о самой точности сказать, въ

той или другой землѣ больше людей достойныхъ висѣлицы; слабый разумъ мой такъ далеко не простирается Я знаю только то, что вообще народъ сей, который мы теперь увидимъ, зараженъ великою меланхоліею.

Разговаривая такимъ образомъ прибыли они въ Портсмутъ. Берегъ покрытъ былъ множествомъ народа, который смотрѣлъ со вниманіемъ на нарочито толстаго человѣка, стоящаго на колѣняхъ съ завязанными глазами на одномъ изъ флотныхъ кораблей: четыре солдата, поставленные противъ сего человѣка, выстрѣлили ему въ лобъ каждый тремя пулями съ самымъ спокойнѣйшимъ видомъ, и все собраніе возвратилось съ берега съ крайнимъ удовольствіемъ. А ето, что значитъ? сказалъ Кандидъ, и что за демонъ владычествуетъ повсюду? Потомъ спрашиваетъ, кто былъ тотъ толстый человѣкъ, котораго застрѣлили столь торжественно. Адмиралъ отвѣтствуютъ ему. А за что же Адмирала сего застрѣлили? За то, говорятъ ему, что онъ не довольно много перебилъ людей. Онъ далъ баталію съ однимъ Французскимъ Адмираломъ, и нашлось, что онъ не очень близко къ нему подъѣхалъ. Да и Французской Адмиралъ вѣть не ближе къ нему подъѣхалъ, сказалъ Кандидъ, какъ и онъ ко Французскому? Безспорно, отвѣчали ему. Но въ здѣшней землѣ необходимо надобно убивать отъ времени до времени

мени одного изъ Адмираловъ, для ободренія прочихъ.

Кандидъ столько былъ изумленъ и пораженъ всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, что ниже ногою на землю выступить не хотѣлъ, и договорился съ Голландскимъ корабельщикомъ (хотя бы онъ и такой же былъ воръ, какъ и Суринамскій), чтобъ отвезъ его немедлѣнно въ Венецію.

Корабельщикъ чрезъ два дни къ отъѣзду со всѣмъ былъ готовъ. Объѣхали Французскіе берега, поверстались противъ Лиссабоны. У Кандида смотря на сей городъ волосы поднялись дыбомъ. Вошли въ заливъ и въ Средиземное море. Напослѣдокъ прибыли въ Венецію. Слава Богу, сказалъ Кандидъ, обнимая Мартына, здѣсь то увижу я прекрасную Кунигунду. Я надѣюсь на Какамба, какъ на самаго себя. Все на свѣтѣ хорошо, все хорошо располагается, все располагается сколько возможно наилучшимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬЧЕТВЕРТАЯ

О Пакеттѣ и о братѣ Жирофлѣ, Театинскомъ монахѣ.

Какъ скоро Кандидъ прибылъ въ Венецію, то велѣлъ искать Какамба во всѣхъ корч-

корчмахъ, во всѣхъ кофейныхъ домахъ, у всѣхъ веселыхъ дѣвушекъ, но нигдѣ его не нашелъ. По всякой день посылалъ онъ спрашивать не пришелъ ли вновь какой корабль, или какое нибудь судно. Не слышно про Какамба нигдѣ. Какъ! говорилъ онъ Мартыну, я успѣлъ переѣхать изъ Суринама въ Бурдо, изъ Бурдо въ Парижъ, изъ Парижа въ Дїепъ, изъ Дїепа въ Портсмутъ, объѣхать Португаллїю и Гишпанїю, пройти все Средиземное море, и живу уже нѣсколько мѣсяцовъ въ Венецїи, а прекрасной Кунигунды еще нѣтъ. Вмѣсто ее нашелъ я только плутовку, и Аббата Перигурдина. Конечно Кунигунда умерла. къ чему и мнѣ болѣе на свѣтѣ жить. Ахъ! лучше бы остаться въ Эльдорадскомъ раю, нежели ѣхать опять обратно въ проклятую Европу. Какже справедливо, говорилъ ты любезный мой Мартынъ, свѣтъ сей ничто иное, какъ мечта и бѣдствїе.

Онъ впалъ въ прежестокую задумчивость, и не принималъ никакого участїя ни въ оперѣ Аламода, ни въ другихъ Карнавальскихъ увеселенїяхъ; ни одна женщина не привела его ни въ малѣйшее искушенїе. Мартынъ говорилъ ему, я не знаю, какъ вы такъ простодушны, когда думаете, что слуга Метисской породы, у котораго отъ пяти до шести милїоновъ въ карманѣ, поѣдетъ искать вашу любовницу на край свѣта, и привезетъ вамъ ее въ Венецїю. Онъ скорѣе

возметъ

возметъ ее себѣ, естьли найдетъ; а буде не найдетъ, то возметъ другую. Я совѣтую вамъ позабыть и Какамба и любовницу вашу Кунигунду. Мартынъ худой былъ утѣшитель. Задумчивость Кандидова умножилась, а Мартынъ не переставалъ ему доказывать, что на свѣтѣ очень мало добродѣтели, и очень мало благополучія, выключая Эльдорадо, куда никому не можно доѣхать.

Спорясь о сей важной матеріи, и дожидаясь Кунигунды, Кандидъ увидѣлъ на площади святаго Марка молодаго Театинца, который держалъ подъ руку одну дѣвушку. Театинецъ видъ имѣлъ здоровый, полный, и казался крѣпкаго сложенія; глаза у него были живые, осанка надежная, взоръ смѣлый, походка гордая. Дѣвушка была очень не дурна и бѣла. Она глядѣла влюбленными глазами на своего Театинца, и щипала нѣсколько разъ полныя его щоки.

По крайней мѣрѣ признаешься ты мнѣ, сказалъ Кандидъ Мартыну, что сіи люди щастливы; я не нашелъ по сіе время по всей обитаемой землѣ, выключая Эльдорадо никого, кромѣ безчастныхъ; а что до етой дѣвушки и до Театинца касается, то я бьюсь объ закладъ, что они весьма благополучныя созданія. А я бьюсь объ закладъ, что нѣтъ, сказалъ Мартынъ. Не больше стбитъ, какъ попросить ихъ къ себѣ отобѣдать, сказалъ Кандидъ, такъ ты увидишь правду ли я говорю.

Кандидъ тотчасъ къ нимъ подошелъ, и поклонясь проситъ ихъ въ свой трактиръ кушать макароновъ, Ломбардскихъ куропатокъ, осятриной икры, и пить Монтепулчїанскаго, такъ называемаго *лахрима кристи*, Кипрскаго и Самосскаго вина. Дѣвушка покраснѣла; Театинецъ согласился, а она пошла за нимъ, осматривая Кандида изумленными и смущенными глазами, которые вскорѣ по томъ затмились слезами. Лишь только вошла она въ Кандидову горницу, то вскричала: какъ господинъ Кандидъ, вы уже не узнали Пакетты! Кандидъ который пристально на нее еще не смотрѣлъ, потому что голова его наполнена была одною Кунигундою, оборотясь къ ней сказалъ: ахъ! голубушка, такъ ты то привела доктора Панглоса въ то жалостное состоянїе, въ которомъ я его видѣлъ.

Увы! государь мой, сказала Пакетта, я вижу, что вы уже все знаете. Ужасныя нещастїя, приключившїяся всему дому госпожи Баронессы и прекрасной Кунигундѣ мнѣ извѣстны. Я клянусь вамъ, что и моя судбина не меньше была бѣдственна. Тогда я еще ничего худова не знала, какъ вы меня видѣли. Одинъ Францисканской монахъ, бывшїй мой духовникъ, безъ всякаго труда привелъ меня въ искушенїе. Слѣдствїя отъ того были страшныя: я принуждена была убраться изъ замка, нѣсколько времени послѣ того, какъ господинъ

динъ Баронъ выбилъ васъ оттуда пинками. Естьлибъ не сжалился надо мною нѣкоторый славный Докторъ, то бы я давно уже умерла. Я была изъ благодарности за то нѣсколько времени его любовницею. Жена его, которой ревнивость простиралась даже до бѣшенства, била меня каждый день безъ милости.

Баба ета была настоящая Фурїя. Докторъ былъ наигнуснѣйшїй изо всѣхъ мущинъ; а я, наинещастнѣйшая изо всѣхъ тварей, принуждена была терпѣть безпрестанно побои за человѣка, котораго я не любила. Вы знаете, государь мой, сколь опасно для упрямой женщины быть докторскою женою. Сей будучи раздраженъ поступкомъ сожительницы своей, далъ ей однажды отъ маленькаго насморка такое дѣйствительное лѣкарство, что она чрезъ два часа оставила сей свѣтъ съ ужаснымъ мученїемъ. Сродники госпожи Докторши били челомъ, что онъ ее уморилъ. Онъ далъ тягу, а меня посадили въ тюрьму. Невинность моя ни мало бы мнѣ не помогла, естьлибъ я не была нѣсколько пригожа. Судья меня освободилъ съ такимъ договоромъ, чтобъ заступить ему у меня докторское мѣсто. Скоро по томъ збила меня съ моего мѣста соперница; я выгната была безъ всякаго награжденїя, и принуждена продолжать сей проклятый промыселъ, который вамъ господамъ мущинамъ толь прїятнымъ кажется, и который для насъ ни-

что иное, какъ самая пропасть бѣдности. Я пошла промышлять въ Венецію. Ахъ! государь мой, естьлибъ вы столько могли себѣ вообразить, сколь несносно быть принужденною ласкать безъ разбору старому купцу, стряпчему, монаху, Гондоліеру, Аббату и пр; быть подверженной всякимъ ругательствамъ, всякимъ нападкамъ; находиться часто принужденною занять у кого нибудь юпку на то только, чтобъ послѣ поднялъ ее постылый человѣкъ; быть лишенной однимъ всего того, что нажито съ другимъ; быть ощипанной полицейскими офицерами, и не имѣть предмѣтомъ своего воображенія, ничего инаго, кромѣ ужасной старости, убогаго дома и смерти. Вы можете изъ сего заключить, что я самая безчастнѣйшая тварь на свѣтѣ.

Пакетта открывала такимъ образомъ свое сердце добродушному Кандиду въ особливомъ кабинетѣ въ присутствіи Мартына, который говорилъ Кандиду: видите ли, что я уже половину заклада выигралъ.

Отецъ Жирофле остался въ столовой горницѣ, и попивалъ по немножку дожидаясь обѣда. Да отъ чегожъ, сказалъ Кандидъ Пакеттѣ, была ты такъ весела, такъ довольна, какъ я тебя увидѣлъ; ты пѣла, и ласкала Театинца своего съ такою непринужденною благосклонностію, что ты показалась мнѣ столько щастливою, сколько теперь себя безчастною почитаешь.

Ахъ, государь мой! отвѣчала Пакетта, и ето еще немалое въ промыслѣ нашемъ нещастіе. Вчера я была обобрана кругомъ и прибита отъ одного офицера, а сего дня принуждена принять на себя веселый видъ, чтобъ понравиться монаху.

Кандиду не надобно было дальнѣйшаго доказательства: онъ признался, что Мартынъ говорилъ правду. Сѣли за столъ съ Пакеттою и Театинцомъ; обѣдъ былъ нарочито веселъ, а при окончаніи стола начали поговаривать съ нѣкоторою довѣренностію. Мнѣ кажется, отче святый, сказалъ Кандидъ монаху, вы наслаждаетесь такою судьбиною, которой всякъ завидовать долженъ; цвѣтъ вашего лица показываетъ твердое ваше сложеніе; вашъ видъ означаетъ внутреннее ваше спокойствіе; для забавы имѣете вы весьма недурную дѣвушку, и кажетесь Театинскимъ вашимъ состояніемъ очень довольными.

Естьли сказать вамъ правду, государь мой, отвѣчалъ отецъ Жирофле, то желалъ бы я, чтобъ всѣхъ Театинцовъ чортъ побралъ. Я больше ста разъ былъ въ искушеніи зажечь монастырь, и пойти здѣлаться Туркомъ. Родители мои принудили меня на 15 году надѣть ету мерзкую рясу, дабы здѣлать чрезъ то щастливѣйшимъ проклятаго, чтобъ его чортъ взялъ, старшаго брата. Зависть, несогласіе и злость обитаютъ въ нашемъ

нашемъ монастырѣ. Правда: я сказывалъ нѣсколько дурныхъ проповѣдей, и досталъ тѣмъ нѣсколько денегъ, изъ которыхъ половину грабитъ у меня Пріоръ, а достальныя употребляю на содержаніе дѣвушекъ; однако какъ скоро подъ вечеръ приду въ монастырь, то всякую минуту думаю разшибить себѣ голову о стѣну; и вся наша братія въ такомъ же состояніи, какъ и я.

Мартынъ оборотясь къ Кандиду съ обыкновеннымъ своимъ холоднымъ видомъ, сказалъ ему, что вы теперь объ нихъ думаете, не выигралъ ли я и всего заклада? Кандидъ далъ 2000 піастровъ Пакеттѣ, и тысячу отцу Жирофлю. Я увѣряю тебя, сказалъ онъ Мартыну, что они съ сими деньгами будутъ щастливы. Я ни мало етому не вѣрю, отвѣчалъ Мартынъ. Вы здѣлаете ихъ сими піастрами можетъ быть еще нещастливѣе того, какъ они теперь. Что бы отъ того ни было, сказалъ Кандидъ; но меня утѣшаетъ одно; я вижу, что часто находимъ мы опять людей, которыхъ никогда не думали увидѣть; легко станется, что нашедши краснаго моего барана и Пакетту, найду я и Кунигунду. Я желаю ото всего сердца, сказалъ Мартынъ, чтобъ здѣлала она когда нибудь ваше благополучіе; но о томъ то самомъ я и сумнѣваюсь. Ты очень строгъ, сказалъ Кандидъ. Ето потому, что я давно на свѣтѣ живу, отвѣчалъ Мартынъ.

Посмотри же на сихъ гондолїеровъ, говорилъ Кандидъ, не безпрестанно ли они поютъ? Вы не видите, какъ они живутъ съ женами своими и съ дѣтьми, сказалъ Мартынъ. Дожъ имѣетъ свои печали, а и гондолїеры имѣютъ также свои. Правда, что принявши въ разсужденїе все, судьбина гондолїерова всегда предпочтительнѣе Дожевой; но я думаю, что разность въ томъ такъ мала, что нестоитъ и того, чтобъ ее разматривать.

Говорятъ, сказалъ Кандидъ, про Сенатора Пококуранте, который живетъ въ великолѣпныхъ палатахъ на Брентѣ, и принимаетъ нарочито хорошо иностранныхъ: говорятъ, что человѣкъ сей отъ роду не имѣлъ никакой печали. Желалъ бы я посмотрѣть такого рѣдкаго человѣка, сказалъ Мартынъ. Кандидъ послалъ тотчасъ попросить у господина Пококуранте позволенїя прийти къ нему слѣдующаго дня.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬПЯТАЯ.

Кандидъ и Мартынъ посѣщаютъ господина Пококуранте Венецїанскаго дворянина.

Кандидъ и Мартынъ поѣхали въ гондолѣ по Брентѣ, и пристали у палатъ дво-

дворянина Пококуранте. Сады были у него весьма пространны, и украшены прекрасными марморными статуями; а палаты великолѣпной архитектуры. Хозяинъ дома, человѣкъ лѣтъ въ 60 очень богатой, принялъ любопытниковъ нашихъ весьма учтиво; но не очень искренно. Сїе привело Кандида въ нѣкоторое смущенїе, а Мартыну ни мало противно не было.

Тотчасъ двѣ пригожїе и опрятно одѣтыя дѣвушки стали подавать шоколату, и вспѣнивали его очень хорошо. Кандидъ не могъ удержаться, чтобъ не хвалить ихъ красоты, прїятности и искусства. Они нарочито годные дѣвчонки, сказалъ Сенаторъ Пококуранте; я беру ихъ иногда къ себѣ на постелю за тѣмъ, что городскїя госпожи мнѣ уже прискучили съ ихъ кокетствомъ, ревнивостїю, ссорами, прихотями, подлостями, спесью, дурачествами и соннетами, какїя надобно для нихъ или самому дѣлать, или заказывать. Однако со всѣмъ тѣмъ и сїи двѣ дѣвки мнѣ уже становятся несносны.

Кандидъ прохаживаясь послѣ завтрака по длинной галлереи удивился красотѣ картинъ. Онъ спросилъ, котораго мастера были двѣ перьвыя? Рафаиловы, сказалъ Сенаторъ; я купилъ ихъ за нѣсколько лѣтъ изъ тщеславїя очень дорого. Говорятъ, что лучше ихъ въ Италїи ничего нѣтъ, а мнѣ они ни мало не нравятся; краски на нихъ очень темны, изобра-

женія не довольно ясны , и недовольно имѣютъ наружности ; одежда и прочее ни мало не походятъ на матерію. Однимъ словомъ, что бы о нихъ ни говорили, только я не нахожу въ нихъ истиннаго подражанія натурѣ. Мнѣ можетъ понравиться только такая картина , гдѣ я самую натуру увижу : такихъ нигдѣ нѣтъ. У меня много картинъ , но я уже на нихъ и не гляжу

Пококуранте въ ожиданіи обѣда велѣлъ играть концертъ. Кандидъ слушая музыку восхищался. Шумъ етотъ , сказалъ Пококуранте , можно слушать полчаса ; а естьли продолжится долѣе , то онъ всѣмъ наскучитъ , хотя и никто не смѣетъ въ томъ признаться. Въ нынѣшнія времена музыка есть ничто иное, какъ искусство производить въ дѣйство трудныя дѣла; а что трудно, то не можетъ долго нравиться.

Я бы кажется любилъ лучше оперу, естьлибъ не нашли таинства такъ гнусно ее преображать, что я отъ нее бѣгаю. Пусть смотритъ, кто хочетъ, безпутныя музыкальныя трагедіи, въ которыхъ явленія не для инаго чего здѣланы, какъ чтобъ только ввести въ нихъ со всѣмъ не къ стати двѣ или три глупыя пѣсни , и Актрисѣ дать похвастать горломъ. Пусть обмираетъ , кто хочетъ , съ радости видя кастрата разпѣвающаго Кесареву , или Катонову ролю , и похаживающаго развратнымъ видомъ по театру.

театру. Что до меня касается, то я отъ такихъ шалостей давно уже отказался, которыя составляютъ нынѣ славу Италіи, и за которыя государи такъ дорого платятъ. Кандидъ нѣсколько поспорилъ, однако скромнымъ образомъ. А Мартынъ былъ съ Сенаторомъ во всемъ согласенъ.

Сѣли за столъ, а послѣ превкуснаго обѣда вошли въ вивліотеку. Кандидъ увидя въ великолѣпномъ переплетѣ Омира, хвалилъ Сенаторовъ хорошій вкусъ. Вотъ, говорилъ онъ, книга, которая составляла увеселеніе великаго Панглоса, наилучшаго Философа во всей Нѣмецкой землѣ. Но она не составляетъ моего, сказалъ холоднымъ видомъ Пококуранте: казалось мнѣ прежде сего, что я читая ее находилъ удовольствіе. Но сіе безпрерывное повтореніе побоищь похожихъ во всемъ одно на другое: сіи Боги, дѣйствующіе всегда только за тѣмъ, чтобъ ничего не здѣлать рѣшительнаго: сія Елена, бывшая причиною войны, о которой въ сочиненіи едва и упоминается: сія Троя, которую осаждаютъ, и не могутъ взять: все сіе причиняло мнѣ смертельную скуку. Я спрашивалъ иногда у ученыхъ, такъ ли и имъ скучно читать ее, какъ и мнѣ? Всѣ безпристрастные люди признавались, что книга сія валится у нихъ изъ рукъ; но что неотмѣнно надобно имѣть ее въ своей вивліотекѣ, какъ остатокъ древности подобно

симъ заржавѣвшимъ медалямъ , которые ни на что употреблять не можно.

Я думаю , что ваше превозходительство со всѣмъ инаго мнѣнія о Виргиліи , сказалъ Кандидъ. Я признаюсь , сказалъ Пококуранте , что вторая , четвертая и шестая книги его Энеиды очень хороши ; а что принадлежитъ до набожнаго его Енея, сильнаго Клоанта , друга Ахата , маленькаго Асканія , безумнаго Короля Латина , мѣщанки Аматы и до глупой Лавиніи, то я не думаю , чтобъ было что нибудь скучнѣе и непріятнѣе сего. Я лучше люблю Тасса и скаски Аріостовы , отъ которыхъ и стоя можно заснуть

Смѣю ли я спросить у вашего превозходительства , сказалъ Кандидъ , не находите ли вы великаго удовольствія въ чтеніи Горація ? Въ немъ есть , правда , нѣкоторыя правила , сказалъ Пококуранте , которыя въ свѣтѣ живущій человѣкъ можетъ употребить въ свою пользу тѣмъ болѣе , что они будучи сжаты въ пышныхъ стихахъ , легче впечатлѣваются въ памяти. Но я очень мало думаю о путешествіи его въ Бриндесъ , о описаніи дурнаго обѣда , о ссорѣ разнощиковъ , не знаю съ какимъ то Пупилломъ , котораго слова , какъ онъ говоритъ , наполнены были гноемъ ; и съ другимъ , коего рѣчи отзывались уксусомъ. Я не могъ инако читать , какъ съ крайнимъ отвращеніемъ , грубые его стихи на старыхъ бабъ и на колдовокъ ; и

со

со всѣмъ не вижу, что бы въ томъ было похвальнаго, когда онъ говоритъ другу своему Меценату, что естьли онъ здѣлалъ его Лирическимъ стихотворцемъ, то будетъ онъ ударять гордымъ своимъ челомъ въ звѣзды. Глупые люди въ почитаемомъ писателѣ удивляются всему. А я читаю только для себя, и люблю одно то, чѣмъ могу пользоваться. Кандидъ, имѣвшій такое воспитаніе, которое не дозволяло ему разсуждать ни о чемъ, собственнымъ своимъ разумомъ, слыша такія слова въ великомъ былъ удивленіи; а Мартыну казалось, что Пококуранте разсуждаетъ нарочито разумно.

О! вотъ Цицеронъ, сказалъ Кандидъ: что до сего великаго мужа касается, то думаю, что вы не можете его начитаться? Я не читаю его никогда, отвѣчалъ Венеціанецъ. Какая мнѣ въ томъ нужда, что онъ говорилъ на судѣ за Рабирія, или за Клуенція; у меня и своихъ дѣлъ много, которыя я сужу. Мнѣ бы лучше нравились философическія его сочиненія; но какъ я увидѣлъ, что онъ о всемъ сумнѣвается, то заключилъ, что я и самъ въ етомъ столько же ученъ, какъ и онъ, и что мнѣ не надобно на то учителя, чтобъ не знать ничего.

А! вотъ восемьдесять книгъ трудовъ нѣкоторой Академіи Наукъ, вскричалъ Мартынъ; тутъ можетъ быть есть что нибудь хорошее Было бы, сказалъ Пококуранте, естьли бы который нибудь

изъ

изъ сочинителей сего вздора выдумалъ, хотя только то одно искусство, какъ дѣлать булавки. Но вмѣсто того во всѣхъ сихъ книгахъ ничего нѣтъ, кромѣ пустыхъ системъ, а полезнаго ни одной строчки не находится.

Какое множество вижу я театральныхъ сочиненій, сказалъ Кандидъ, на Италіанскомъ, на Гишпанскомъ и на Французкомъ языкахъ! Да, сказалъ Сенаторъ, ихъ три тысячи, а хорошихъ изъ нихъ и трехъ дюжинъ нѣтъ. Чтожъ до сихъ собраній проповѣдей касается, которыя всѣ вообще не стоятъ одной страницы изъ Сенеки, и до всѣхъ сихъ толстыхъ Богословскихъ книгъ, то я думаю можете вы заключить, что никогда ихъ и не раскрывалъ, ни я, ниже другой кто.

Мартынъ усмотрѣвъ нѣсколько шкафовъ, наполненныхъ Аглинскими книгами, я думаю, сказалъ онъ, что республиканцу должна нравиться большая часть сихъ книгъ, писанныхъ съ толикою вольностію. Ето правда, отвѣчалъ Пококуранте; я признаюсь, что всякому пріятно писать то, что кто думаетъ; человѣку вольность сія есть природна. А у насъ во всей Италіи пишутъ только то, чего не думаютъ. Люди, обитающіе въ отечествѣ Кесарей и Антониновъ, не смѣютъ ни о чемъ и подумать, не испросивши на то позволенія у Якобинскаго монаха. Я бы очень былъ доволенъ сею вольностію свойственною Аглинскимъ

скимъ писателямъ, естьли бы страсти и связанный пристрастїями духъ не вливали яда во все то, что драгоцѣнная сїя вольность ни имѣетъ въ себѣ похвальнаго.

Кандидъ увидѣвши Мильтона, спросилъ у него, не за великаго ли мужа почитаетъ онъ сего сочинителя? Кого, сказалъ Пококуранте, сего враля, который сочинилъ предлинное истолкованїе въ десяти книгахъ грубыми стихами перьвой главы бытїя; сего грубаго подражателя Грековъ, который обезображаетъ творенїе, и который вмѣсто того, что Моисей представляетъ Бога производящаго мїръ однимъ словомъ, расказываетъ намъ, будто Мессїя беретъ великой циркуль изъ одного небеснаго ящика для начертанїя его творенїя? Какъ я буду почитать того человѣка, который испортилъ Тассовъ адъ и дїавола, который преображаетъ Луцифера то въ жабу, то въ Пигмея, заставляетъ его переговаривать сто разъ тѣже самыя рѣчи, и спороваться о Богословїи; который подражая важнымъ образомъ смѣшному Арїостову изобрѣтенїю огнестрѣльнаго оружїя, заводитъ пушечную пальбу на небѣ посредствомъ дїаволовъ? Ни я, ниже кто другой во всей Италїи не могъ найти во всемъ семъ скучномъ вздорѣ никакого удовольствїя: такъ какъ бракъ грѣха со смертїю, и змѣи рожденные грѣхомъ, взмутятъ на душѣ у всякаго человѣка, кто хотя нѣсколько нѣжный вкусъ имѣ-

имѣетъ. Сїе темное, странное и отвратительное стихотворенїе презираемо было съ самаго начала: я поступаю съ сочинителемъ онаго нынѣ такъ, какъ поступали съ нимъ въ его отечествѣ жившїе съ нимъ въ одно время люди. Впрочемъ я говорю то, что я думаю, и очень мало забочусь, также ли думаютъ и другїе, какъ я.

Просмотрѣвши такимъ образомъ всѣ книги пошли въ садъ. Кандидъ хвалилъ всѣ находящїяся въономъ красоты. Не знаю, что бы могло быть расположено хуже етого, сказалъ хозяинъ; мы здѣсь ничего кромѣ самой дряни не имѣемъ: но я завтра же велю разсаживать другой по лучшему рисунку.

Послѣ сего любопытники наши простились съ его превосходительствомъ. Ну, сказалъ Кандидъ Мартыну, теперь признаешься ты, что нашли мы наищастливѣйшаго человѣка изо всѣхъ смертныхъ, потому что онъ все то, что ни имѣетъ, почитаетъ за ничто. Не видите ли вы, сказалъ Мартынъ, что ему уже все его имѣнїе наскучило? Платонъ давно сказалъ, что не тѣ желудки должны почитаться наилучшими, которые ото всѣхъ ѣствъ отвращенїе имѣютъ. Однако, сказалъ Кандидъ, развѣ ето не весело все критиковать, и видѣть недостатки тамъ, гдѣ другїе люди находятъ красоты? То есть, сказалъ Мартынъ, что весело, не имѣть никакого веселья. Когда такъ, сказалъ Кандидъ,

дидъ, то нѣтъ видно никого щастливѣе меня, естьли найду я дѣвицу Кунигунду. Надежда всегда полезна, сказалъ Мартынъ.

Между тѣмъ проходили дни и недѣли, Какамбо еще не бывалъ, а Кандидъ такъ погруженъ былъ въ своей печали, что не примѣтилъ и того, что Пакетта и отецъ Жирофле, не пришли его и поблагодарить.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬШЕСТАЯ.

Какимъ образомъ ужинали Кандидъ и Мартынъ въ трактирѣ съ пятью иностранными, и кто они таковы были.

Однимъ вечеромъ, какъ Кандидъ съ Мартыномъ хотѣлъ садиться за столъ съ находившимися въ томъ же трактирѣ заѣзжими, человѣкъ черный какъ уголь подошелъ къ нему съ зади, и взявши его за руку сказалъ: будьте готовы съ нами ѣхать, не забудьтежъ. Кандидъ оглянулся, и видитъ Какамба. Развѣ бы одна Кунигунда могла его больше удивить и обрадовать! Онъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, обнималъ любезнаго своего друга. Конечно здѣсь и Кунигунда; гдѣжъ она?

Пове-

Поведи меня къ ней, я умру съ радости увидя ее. Кунигунды здѣсь нѣтъ, говоритъ Какамбо, она въ Константинополѣ. О небо! въ Константинополѣ: но хотя бы она и въ Китаѣ была, я туда полечу; поѣдемъ! Мы поѣдемъ послѣ ужина, сказалъ Какамбо; я болѣе съ вами говорить не могу Я нынѣ невольникомъ, господинъ мой меня ждетъ; мнѣ надобно служить ему за столомъ, не сказывайте объ етомъ никому, подите ужинайте, и будьте готовы.

Кандидъ между радостью и печалью, восхищаясь, что увидѣлъ ревностнаго своего повѣреннаго, удивляясь нашедши его невольникомъ, услаждаясь надеждою, что найдетъ свою и любовницу, съ трепещущимъ сердцемъ и съ заблужденнымъ разумомъ садится за столъ съ Мартыномъ на всѣ сїи приключенїя равнодушно взирающимъ, и съ шестью чужестранцами, прїѣхавшими въ Венецїю для карнавала

Какамбо, который наливалъ пить одному изъ сихъ чужестранцовъ, наклонился при концѣ ужина господину своему къ уху, и говоритъ: Всемилостивѣйшїй Государь! Ваше Величество можете ѣхать когда изволите; корабль готовъ. Сказавши сїе вышелъ вонъ. Гости въ удивленїи посматривали одинъ на другаго не говоря ни слова, какъ вошелъ другой слуга и подошедши къ своему господину сказалъ: Всемилостивѣйшїй Государь, коляска Вашего

Вели-

Величества вЪ ПадуѢ, и судно готово. Господинъ далъ знакъ, и слуга вышелъ. ВсѢ гости озирались еще, и общее ихъ удивленіе удвоилось. Подошелъ третій слуга къ третьему господину, и говоритъ: Всемилостивѣйшій Государь, извольте мнѣ повѣрить, что вашему величеству не надобно здѣсь мѣшкать; я пойду и все приготовлю. Сказавши сіе вышелъ.

Кандидъ и Мартынъ думали, что сіе дѣлается для обыкновеннаго маскераднаго увеселенія въ Карнавалѣ. Подошелъ четвертый слуга къ четвертому господину, и сказалъ: Ваше величество, можете ѣхать, когда изволите; и вышелъ вонъ также, какъ и прочіе. А пятый слуга говорилъ пятому господину, который сидѣлъ подлѣ Кандида, со всѣмъ отмѣннымъ образомъ. Онъ ему сказалъ, теперь ужѐ, Всемилостивѣйшій Государь, не хотятъ вашему величеству дѣлать больше никакого кредита, ниже мнѣ, и легко статься можетъ, что въ ету ночь и васъ и меня посадятъ въ тюрьму; я пойду промышлять о себѣ: желаю щасливо оставаться.

По выходѣ всѣхъ слугъ, пятеро чужестранцовъ и Кандидъ съ Мартыномъ сидѣли въ глубокомъ молчаніи. На послѣдокъ Кандидъ его пресѣкъ; что ето за странная шутка, государи мои, сказалъ онъ? для чего вы всѣ Короли? Что до меня касается, то я признаюсь вамъ, что ни я, ни Мартынъ не Короли.

И Госпо-

Господинъ , которому принадлежалъ Какамбо , принявъ на себя важный видъ , сказалъ по Италїански. Я ничего смѣшнаго въ себѣ не имѣю; я называюсь Ахметъ III. Я былъ долгое время Великимъ Султаномъ , низвергъ съ престола моего брата, а меня онаго лишилъ племянникъ мой; Визирямъ моимъ отсѣкли головы. Теперь препровождаю я остатокъ жизни моей въ старомъ сералѣ. Племянникъ мой, великїй Султанъ Магмутъ , дозволяетъ мнѣ проѣзживаться иногда въ другїя зeмли для моего здоровья ; теперь прїѣхалъ я въ Венецїю препроводить карнавалъ.

Вторый сказалъ , я Едуардъ , Король Аглинскїй ; отецъ мой уступилъ мнѣ права свои на королевство. Я старался удержать ихъ за собою посредствомъ оружїя ; восемь сотъ человѣкъ моихъ сообщниковъ погибли жестокою смертїю , и извлеченными изъ нихъ сердцами били ихъ по щекамъ , а меня посадили въ тюрьму. Я ѣду теперь въ Римъ посѣтить моего отца , который лишенъ королевскаго престола также , какъ и я и мой дѣдъ , и заѣхалъ въ Венецїю на карнавалъ.

Третїй началъ потомъ говорить : Я Польскїй Король , нещастїе въ войнѣ лишило меня наслѣдственныхъ моихъ земель ; равномѣрныя бѣдствїя претерпѣлъ и отецъ мой. Я предаю себя въ волю божескую , такъ какъ Султанъ Ахметъ , и Король Карлъ Едуардъ , которымъ желаю

желаю долговременной жизни, и прiѣхалъ въ Венецiю препроводить карнавалъ.

Четвертый сказалъ: я также Польскiй Король. Я лишенъ былъ моего престола два раза; но провидѣнiе даровало мнѣ другую землю, въ которой я больше здѣлалъ добра, нежели сколько всѣ Сарматскiе Короли вообще на берегахъ Вислы здѣлать могли. Я покаряюсь волѣ божеской, и прiѣхалъ въ Венецiю для карнавала.

Осталось говорить пятому Монарху: Государи мои, сказалъ онъ, я не столь великiй государь, какъ вы; однакожъ и я былъ такiй же Король, какъ и другiе. Я Ѳеодоръ, избранъ былъ Королемъ въ Корсикѣ; меня называли Ваше Величество, а теперь едва называютъ и господиномъ. На имя мое дѣлана была монета, а теперь нѣтъ у меня ни полушки. Я имѣлъ двухъ статскихъ секретарей, а нынѣ съ нуждою имѣю одного слугу. Видѣлъ себя на престолѣ, а послѣ долгое время въ Лондонѣ содержанъ былъ въ тюрьмѣ на соломѣ. Я очень опасаюсь, чтобъ не поступили со мною и здѣсь также, хотя я равномѣрно, какъ и Ваши Величества, прiѣхалъ въ Венецiю для препровожденiя карнавала.

Прочiе четверо государей слушали рѣчь его съ великодушнымъ сожалѣнiемъ. Каждый далъ королю Ѳеодору по двадцати цекиновъ на платье и на рубашки; а Кандидъ подарилъ ему алмазъ въ 2000 цекиновъ.

новъ. Кто же такой, говорили пять Королей, сей простый человѣкъ, который можетъ дать во сто разъ больше, нежели каждый изъ насъ, и который дѣйствительно столько даетъ?

Въ самое то время, какъ стали выходить изъ за стола, прибыли въ тотъ же самый трактиръ четыре свѣтлѣйшія Высочества, которыя равномѣрно лишились своихъ земель отъ жребія войны, и пріѣхали препроводить остатокъ карнавала въ Венеціи. Но Кандидъ на сихъ новопріѣзжихъ и не смотрѣлъ. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ ѣхать въ Константинополь по любезную свою Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬСЕДЬМАЯ.

Путешествіе Кандида въ Константинополь.

Вѣрный Какамбо упросилъ уже Турецкаго корабельщика, который везъ Султана Ахмета въ Константинополь, чтобъ взялъ онъ съ собою и Кандида и Мартына. И тотъ и другой вошли въ корабль простершись напередъ предъ ногами его бѣднаго величества. Кандидъ идучи говорилъ Мартыну: вотъ видѣли мы теперь пятерыхъ

рыхѣ Королей лишенныхѣ престоловѣ, и сѣ ними ужинали; а изѣ сихѣ пяти Королей былѣ одинѣ еще и такой, которому далѣ я милостыню. Можетѣ быть есть много государей и еще безсчастнѣйшихѣ. Что до меня касается, я лишился ста барановѣ, а теперь лечу вѣ обьятія Кунигунды. Какѣ бы кто ни разсуждалѣ, любезный мой Мартынѣ, однако Панглосѣ говорилѣ правду; все на свѣтѣ хорошо. Дай Богѣ, сказалѣ Мартынѣ. Но вѣроятно ли покажется случившееся сѣ нами вѣ Венеціи приключеніе, сказалѣ Кандидѣ? Никто не видывалѣ, ниже слыхивалѣ, чтобѣ пять коронованныхѣ главѣ, лишенныхѣ престола, ужинали вмѣстѣ вѣ трактирѣ. Ето ни мало не удивительнѣе того, сказалѣ Мартынѣ, что приключилось и намѣ. Королей лишаютѣ престола очень часто. Что же принадлежитѣ до той чести, что мы сѣ ними ужинали, то ето такая бездѣлица, которая не стоитѣ того, чтобѣ о томѣ и думать.

Кандидѣ лишь только вступилѣ вѣ корабль, то бросился тотчасѣ на шею старому своему слугѣ, и искреннему другу Какамбѣ. Скажи же мнѣ теперь, говоритѣ ему, что дѣлаетѣ Кунигунда? Также ли она прекрасна? Любитѣ ли она еще меня? Можетѣ ли она? Ты, я думаю, купилѣ для нее вѣ Константинополѣ палаты.

Любезный мой господинѣ, отвѣчалѣ Какамбо, Кунигунда моетѣ посуду на

Пропонтидском берегу у одного князя, у котораго очень мало посуды. Она невольница в домѣ нѣкотораго бывшаго Самодержавца, называемаго Раготским, которому Великий Султан дает по три талера на день в его убѣжищѣ; но что всего досаднѣе, она лишилась своей красоты, и здѣлалась ужасно безобразною. О! прекрасна она или дурна, сказал Кандид, я честный человѣк, и почитаю за должность любить ее всегда. Но каким образом дошла она до такого презрительнаго состоянія с пятью или шестью миліонами, которые были с тобою. Пятью или шестью миліонами, сказал Какамбо? Не должен ли я был дать двух миліонов господину Дону Фернанду д' Ибараа, Фигеора, Маскаренес, Лампурдос и Сузѣ, Губернатору Буенос-Айрскому, чтоб позволил он мнѣ взять с собою дѣвицу Кунигунду? И не отнял ли у нас морской разбойник всего того, что у нас осталось? Сей головорѣз не возил ли нас с собою в Капо де Матапан, в Мило, в Никарію, в Самос, в Педру, в Дарданеллы, в Мармору, в Скутари? Кунигунда и старуха служат у того князя, о котором я вам сказывал; а я теперь невольник низверженнаго Султана. Какія ужасныя бѣдствія, сплетенныя одни с другими, сказал Кандид! Но со всѣм тѣм у меня осталось еще нѣсколько алмазов; я Кунигунду легко освобожу,

божу, только очень жаль, что она здѣлалась такъ дурна.

Потомъ оборотясь къ Мартыну, какъ ты думаешь, сказалъ онъ ему, кто всѣхъ нещастнѣе, Султанъ ли Ахметъ, Король ли Карлъ Едуардъ, или я? Етого я знать не могу, сказалъ Мартынъ, за тѣмъ, что сердецъ вашихъ видѣть мнѣ не можно. Ахъ, сказалъ Кандидъ, естьлибъ былъ здѣсь Панглосъ, то бы онъ сїе зналъ, и объявилъ бы и намъ. Не знаю, сказалъ Мартынъ, на какихъ вѣсахъ могъ бы вашъ Панглосъ вѣсить нещастїя человѣческїя, и цѣнить ихъ печали. Я знаю только то, что на свѣтѣ есть милїоны людей нещастнѣе Короля Карла Едуарда, и Султана Ахмета. И то можетъ статься, сказалъ Кандидъ.

Вошли они въ короткое время потомъ въ каналъ Чернаго моря. Кандидъ началъ дѣло тѣмъ, что выкупилъ напередъ Какамба весьма дорогою цѣною, потомъ не теряя времени бросился въ одну галеру съ товарищами своими, и поѣхалъ по Пропонтидскому берегу искать Кунигунды, какъ бы она дурна ни была.

Въ галерѣ сей были два невольника, которые гребли очень худо, и которымъ восточный корабельщикъ удѣлялъ отъ времени до времени по нѣскольку ударовъ бычачьими жилами по голымъ плечамъ. Кандидъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, глядѣлъ на нихъ съ боль-

шимъ вниманіемъ, нежели на другихъ ссыльныхъ гребцовъ, и подошелъ къ нимъ изъ сожалѣнія поближе. Нѣкоторые черты на обезображенныхъ ихъ лицахъ показались ему нѣсколько похожіе на Панглоса, и на безщастнаго Езуита, Барона, брата дѣвицы Кунигунды. Мысль сія его тронула и привела въ жалость. Онъ разсматривалъ ихъ еще пристальнѣе. Клянусь тебѣ, сказалъ онъ Какамбу, что естьлибъ не видѣлъ я своими глазами, что учителя Панглоса повѣсили, и естьлибъ не имѣлъ нещастія убить барона, то бы подумалъ, что ето они гребутъ въ нашей галерѣ,

Услышавъ имя Барона и Панглоса, сіи невольники вскрикнули изо всей силы, остановились, и весла упали у нихъ изъ рукъ. Восточный корабельщикъ прибѣжавши къ нимъ началъ ихъ бить сильняе прежняго. Постойте, постойте, государь мой, вскричалъ Кандидъ, я заплачу вамъ за нихъ столько денегъ, сколько вамъ угодно. Какъ! ето Кандидъ! говорилъ одинъ изъ невольниковъ. Какъ! ето Кандидъ, говорилъ другой. Не сонъ ли ето, сказалъ Кандидъ? не сплю ли я? на галерѣ ли я? не господина ли Барона вижу, котораго я убилъ? Не докторъ ли ето Панглосъ, котораго повѣсили?

Мы, мы, дѣйствительно мы, отвѣчали они. Какъ! я вижу здѣсь сего великаго Философа, сказалъ Мартынъ. Господинъ

сподинъ корабельщикъ, сказалъ Кандидъ, сколько выкупа требуете вы за господина фонъ Тгундер-тен-трункга, одного изъ первѣйшихъ Бароновъ Имперїи, и за господина Панглоса наиглубокомысленнѣйшаго Метафисика во всей Нѣмецкой землѣ? Молчи, христїанская сабака, отвѣчалъ восточный корабельщикъ, когда сїи христїанскїе псы суть Бароны и Метафисики, что конечно въ землѣ ихъ какое нибудь знатное достоинство; то долженъ ты заплатить мнѣ за нихъ пятьдесятъ тысячь цекиновъ Я вамъ ихъ дамъ, государь мой: отвезите меня, какъ скоро можно въ Константинополь; я заплачу вамъ деньги тогожъ часа Однако нѣтъ, повезите меня къ дѣвицѣ Кунигундѣ. Восточный корабельщикъ поворотилъ галеру еще при первомъ словѣ къ городу, и велѣлъ грести такъ сильно, что судно летѣло, какъ птица.

Кандидъ обнималъ стократно Барона и Панглоса. Да какимъ же образомъ я васъ не убилъ, любезный мой Баронъ? А ты, любезный Панглосъ, будучи повѣшенъ, какъ ты еще живъ? Какъ попали вы оба на Турецкїе галеры? Правда ли, что сестрица моя въ здѣшней землѣ, говорилъ Баронъ? Правда, отвѣчалъ Какамбо. И такъ вижу я опять любезнаго моего Кандида, вскричалъ Панглосъ. Кандидъ представилъ имъ Мартына и Какамба. Всѣ взаимно обнимались; всѣ говорили въ одно время. Галера летѣла, и прибыла ужѐ въ гавань.

Призвали Жида, Кандидъ продалъ ему за пятьдесятъ тысячь цекиновъ одинъ изъ алмазовъ, который стоилъ ста тысячъ; а Жидъ клялся Авраамомъ, что болѣе дать за него не можно. Онъ выкупилъ тотчасъ Барона и Панглоса. Послѣдній упалъ къ ногамъ своего избавителя и орошалъ ихъ слезами; а перьвый засвидѣтельствовалъ благодарность свою кивнувши только головою, и обѣщалъ заплатить ему деньги при перьвомъ случаѣ. Но возможно ли, чтобъ сестра моя была въ Турецiи, говорилъ онъ. Какъ же не возможно, отвѣчалъ Какамбо, когда она чиститъ посуду у Трансильванскаго владѣльца. Тотчасъ позвали двухъ Жидовъ; Кандидъ продалъ еще нѣсколько алмазовъ, и поѣхали опять всѣ въ другой галерѣ доставать Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬ ОСЬМАЯ.

Что приключилось Кандиду, Кунигундѣ, Панглосу, Мартыну и прочимъ.

Простите мнѣ, я еще васъ прошу, говорилъ Кандидъ Барону, простите честнѣйшiй отче, что прокололъ я васъ шпагою насквозь. Не упоминайте больше о томъ,

томъ, сказалъ Баронъ, признаюсь, что я немного тогда поразгорячился; а какимъ случаемъ попался я на галеры, то надобно знать, что по заживленіи моей раны искуствомъ брата, соборнаго аптекаря, напала на меня партія Гишпанцовъ, и взяла меня въ полонъ. Меня посадили въ Буеносъ Аирскую тюрьму въ то самое время, какъ выѣхала оттуда сестра моя. Я просилъ, чтобъ отослали меня въ Римъ къ отцу Генералу. Онъ отправилъ меня въ Константинополь въ достоинствѣ казначея къ господину Французкому Посланнику. Не былъ я еще и недѣли въ моей должности, какъ увидѣлъ однажды подъ вечеръ одного молоденькаго Икоглана, который очень былъ пригожъ. День тогда былъ весьма жаркій: молодый человѣкъ вздумалъ купаться, а и мнѣ захотѣлось также купаться. Я не зналъ, что для Христіанина почитается за уголовное преступленіе, когда найдутъ его нагаго съ молодымъ Мусульманомъ. Судья велѣлъ дать мнѣ за то сто ударовъ палкою по пятамъ, и осудилъ меня на галеры. Я не думаю, чтобъ поступлено было когда съ человѣкомъ съ большею несправедливостію. Но мнѣ очень хочется знать, для чего живетъ сестра моя на поварнѣ у Трансильванскаго владѣльца, убѣжавшаго къ Туркамъ.

А ты, любезный мой Панглосъ, сказалъ Кандидъ, какимъ образомъ вижу я тебя въ живыхъ? Правда, сказалъ Панглосъ,

глосъ, что вы видѣли меня повѣшеннаго; надлежало бы меня по обыкновенію сжечь, но помните ли, что въ то время, какъ вели меня жарить, шолъ заливный дождь: вихорь такой былъ жестокой, что ни коимъ образомъ не льзя было развести огня, и такъ меня за неимѣніемъ лучшаго средства повѣсили. Тѣло мое купилъ одинъ лѣкарь, велѣлъ отнести его домой, и началъ меня разнимать. Сперьва разчеркнулъ онъ мнѣ брюхо и въ доль и поперегъ отъ самаго пупа до груди. Не можно хуже быть повѣшену, какъ былъ повѣшенъ я. Палачъ, или совершитель великихъ дѣлъ святой Инквизиціи, который былъ поддіаконъ, жегъ правда людей съ удивительнымъ искусствомъ; но вѣшать онъ не привыкъ. Веревка была мокрая, и худо затянулась за тѣмъ, что худо была свита; однимъ словомъ, во мнѣ остался еще духъ. Почувствовалъ боль при вскрытіи мнѣ брюха, вскричалъ я такъ громко, что лѣкарь мой упалъ навзничь, и подумавши, что анатомируетъ діавола, ударился бѣжать отъ меня прочь умирая со страха. На крикъ прибѣжала изъ побочной горницы жена его; но увидѣвши меня лежащаго на столѣ съ разпоротымъ брюхомъ испужалась еще больше, нежели мужъ, бросилась назадъ, и упала на него. Какъ пришли оба нѣсколько въ чувства, услышалъ я, что лѣкарша говорила лѣкарю: батюшка мой, за чѣмъ ты принимаешься

разнимать еретика? Развѣ ты не вѣдаешь, что дьяволъ въ тѣлахъ людей сихъ всегда обитаетъ? Я побѣгу поскорѣе за Патеромъ, чтобъ онъ его заклялъ. Какъ я сіе услышалъ, то волосы у меня стали дыбомъ, такъ что собравши всѣ достальные мои силы закричалъ: помилуйте меня! Напослѣдокъ Португальскій лѣкарь ободрился; онъ зашилъ мнѣ кожу, да и сама жена его имѣла за мною присмотръ, такъ что чрезъ двѣ недѣли сталъ я со всѣмъ на ноги. Лѣкарь сыскалъ мнѣ мѣсто, и пристроилъ меня лакеемъ къ одному Мальтійскому кавалеру, который отправлялся въ Венецію. Но какъ у господина моего не было, чѣмъ мнѣ заплатить, то пошелъ я въ службу къ Венеціанскому купцу, и поѣхалъ съ нимъ въ Константинополь. Однимъ днемъ вздумалось мнѣ зайти въ мечеть: въ ней никого не было кромѣ одного стараго Имана, и молоденькой весьма пригожей богомольщицы, которая читала свои молитвы: шея у ней была вся открыта, а на грудяхъ приколотъ былъ прекрасный пукетъ изъ тюльпановъ, розъ, анемоновъ, ренонкуловъ, гіацинтовъ и медвѣжьихъ ушковъ: пукетъ у ней упалъ; я подхватилъ его тотчасъ, и прикололь ей опять съ великимъ почтеніемъ. Но прикалывалъ его такъ долго, что Иманъ разсердился, и увидѣвши, что я Христіанинъ, закричалъ караулъ. Отвели меня къ судьѣ, который велѣлъ дать мнѣ сто ударовъ палкою по пятамъ,

и сослалъ меня на галеры. Меня приковали къ самой той же галерѣ, и къ самой той же лавкѣ, гдѣ былъ и господинъ Баронъ. На галерѣ сей находились четверо молодыхъ людей изъ Марселя, пятеро Неаполитанскихъ поповъ, и двое Корфускихъ монаховъ, которые сказывали намъ, что подобныя приключенія ежедневно случаются. Господинъ Баронъ утверждалъ, что ему здѣлано больше несправедливости, нежели мнѣ; а я утверждалъ, что гораздо простительнѣе приколоть пукетъ къ груди женщинѣ, нежели найдену быть нагому съ молодымъ Икогланомъ. Мы спорились безпрестанно, и получали каждый день по двадцати ударовъ въ спину бычачьими жилами до тѣхъ поръ, какъ союзъ приключеній свѣта сего привелъ васъ на нашу галеру, и вы насъ выкупили.

Скажи же мнѣ теперь, любезный мой Панглосъ, говорилъ ему Кандидъ, когда тебя вѣшали, анатомировали, сѣкли по спинѣ, и когда долженъ ты былъ грести на галерѣ, всегда ли ты думалъ что все на свѣтѣ идетъ наилучшимъ образомъ? Я всегда держусь перьваго моего мнѣнія, отвѣчалъ Панглосъ, потому что я однажды Философъ, и такъ мнѣ не прилично отпираться отъ своихъ словъ. Лейбницъ не могъ ни въ чемъ ошибиться; а сверьхъ того предопредѣленное согласіе есть наилучшая вещь на свѣтѣ, такъ какъ полность и тонкая матерія.

ГЛАВА

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬДЕВЯТАЯ.

Какимъ образомъ Кандидъ нашелъ Кунигунду и старуху.

Между тѣмъ, какъ Кандидъ, Баронъ, Панглосъ, Мартынъ и Какамбо разказывали другъ другу свои приключенія, разсуждали о сослучайныхъ и несослучайныхъ произшествіяхъ въ семъ свѣтѣ, споровались о дѣйствіяхъ и причинахъ, о нравственномъ и естественномъ злѣ, о волѣ и необходимости, и о утѣшеніяхъ, которыя можно имѣть будучи на Турецкихъ галерахъ, пристали они къ Пропонтидскому берегу у дома Трансильванскаго Князя. Перьвые предмѣты, представившіеся глазамъ ихъ, были Канигунда и старуха, которыя развѣшивали и сушили на веревочкахъ салфетки.

Баронъ побледнѣлъ. Страстный любовникъ Кандидъ, увидѣвши прекрасную свою Кунигунду загорѣвшую отъ солнца, и у которой глаза загноились, груди изсохли, щеки обрюзгли, руки покраснѣли и покрылись мозолью, отскочилъ съ ужасти шага на три назадъ, а потомъ подступилъ къ ней съ благопристойностію. Она обнимала Кандида и брата своего; обнимали и старуху. Кандидъ обѣихъ ихъ выкупилъ.

Не-

Недалеко оттуда былъ маленькій подмызокъ; старуха здѣлала Кандиду предложеніе, чтобъ въ ономъ поселиться, доколѣ общество ихъ будетъ имѣть лучшую судьбину. Кунигунда ни мало не знала, что она здѣлалась дурною: никто ее о томъ не увѣдомилъ. Она напомнила Кандиду о его обѣщаніяхъ такимъ повелительнымъ голосомъ, что простодушный Кандидъ не смѣлъ отъ того отказаться. И такъ объявилъ онъ Барону, что онъ на сестрицѣ его намѣренъ жениться. Я въ жизни моей не допущу, сказалъ Баронъ, чтобъ она такую здѣлала подлость, и чтобъ и ты былъ столько безстыденъ: такого безчестія я себѣ никогда не здѣлаю, чтобъ дѣти моей сестры не могли уже пользоваться правомъ дворянства Нѣмецкой земли. Нѣтъ, сестра моя ни за кого, какъ развѣ за Нѣмецкаго Барона, выдана не будетъ.

Кунигунда бросилась къ его ногамъ, и орошала ихъ слезами; но онъ былъ не преклоненъ. Дуралей, сказалъ ему Кандидъ, я освободилъ тебя съ галеры; я выкупилъ тебя своими деньгами; я выкупилъ и сестру твою. Она мыла прежде посуду, она дурна; а я столько добродушенъ, что хочу на ней жениться, а ты еще вздумалъ тому противиться. Я опять тебя убью до смерти, естьли послѣдую моему гнѣву. Убей меня въ другой разъ, сказалъ Баронъ; а доколѣ я живъ, то сестрѣ моей за тобою не бывать.

ГЛАВА

ГЛАВА ТРИДЕСЯТАЯ.

Заключенїе.

Кандидъ въ самомъ дѣлѣ нималѣйшей не имѣлъ охоты жениться на Кунигундѣ. Но крайняя грубость Барона была причиною, что онъ на то согласился: а сверьхъ того Кунигунда такъ къ нему приступала, что онъ не могъ отъ того отказаться. Онъ требовалъ совѣта у Панглоса, у Мартына, и у вѣрнаго Какамба. Панглосъ сочинилъ велерѣчивую меморїю, которою доказывалъ, что Баронъ на сестру свою нималѣйшаго не имѣлъ права, и что она можетъ по всѣмъ законамъ Нѣмецкой Имперїи обвѣнчаться съ Кандидомъ. Мартынъ опредѣлилъ, что надобно Барона бросить въ море; а Какамбо рѣшилъ, что надлежитъ возвратить его восточному корабельщику, и отдать обратно на галеры, а потомъ отправить его въ Римъ къ отцу Генералу, на перьвомъ кораблѣ. Мнѣнїе сїе признано было за наилучшее, старуха съ онымъ была согласна, сестрѣ его не сказали о томъ ни слова, дѣло произведено было въ дѣйство посредствомъ нѣсколька денегъ; и такъ имѣли они удовольствїе поимать Езуита, и наказать гордость Нѣмецкаго Барона.

Надобно бы неотмѣнно думать, что по толикихъ бѣдствїяхъ Кандидъ женившись на своей обладательницѣ, и живучи съ Философомъ Панглосомъ, съ Философомъ Мартыномъ, съ благоразумнымъ Какамбомъ и старухою, а сверьхъ того привезши съ собою изъ земли древнихъ Инкасовъ толь много алмазовъ, велъ наипрїятнѣйшую жизнь въ свѣтѣ; однако Жиды около него такъ щечились, что кромѣ маленькаго его жилища ничего у него не осталось. Жена его становясь день ото дня дурнѣе, здѣлалась своенравною и несносною: старуха безпрестанно хворала, и была еще брюзгливѣе Кунигунды. Какамбо, который работалъ въ саду, и ѣздилъ продавать овощи въ Константинополь, обремененъ былъ чрезмѣрною работою, и клялъ свою судьбину. Панглосъ былъ въ отчаянїи, что не могъ блистать въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ Университетѣ. Что до Мартына касается, то онъ будучи крѣпко увѣренъ, что повсюду на свѣтѣ худо, принималъ все съ терпѣнїемъ. Кандидъ, Мартынъ и Панглосъ спорывались иногда о Метафисикѣ и Морали. Часто они видали, что проѣзжали на лодкахъ мимо ихъ окошекъ Ефендїи, Паши и Кадїи, которыхъ ссылали въ Лемносъ, въ Митиленъ и въ Ерцерумъ: на мѣсто ссылочныхъ прїѣзжали другїе Кадїи, другїе Паши и другїе Ефендїи, которые равномѣрно въ свое время ссылаемы были

въ

въ заточеніе. Видны были опрятно взоткнутые на колъ и головы, которые отсылались ко блистательной портѣ. Позорища сіи усугубляли ихъ разсужденія, а когда переставали спориться, то скука была столь чрезмѣрна, что старуха осмѣлилась имъ нѣкогда сказать: я бы желала знать, что хуже; быть ли насилованою сто разъ Африканскими разбойниками, имѣть половину зада отрезанаго, быть прогнану сквозь строй у Булгаровъ, сѣчену прутьями и повѣшену въ Аутодафе, быть анатомировану, грести на галерахъ, и испытать всѣ тѣ бѣдствія, которыя мы претерпѣли; или жить здѣсь не имѣючи никакого дѣла? Ето трудный вопросъ, сказалъ Кандидъ.

Рѣчь сія произвела новыя разсужденія; а особливо Мартынъ заключалъ, что человѣкъ раждается только на то, чтобъ жить въ безпрестанномъ безпокойствіи, или въ несноснѣйшей скукѣ. Кандидъ на то не соглашался; однако ничего не утверждалъ. Панглосъ признавался, что онъ во всю свою жизнь ужасно страдалъ; но какъ уже онъ однажды сказалъ, что все на свѣтѣ разполагается наилучшимъ образомъ, то и тогда утверждалъ то же, и ничему не вѣрилъ.

Одно произшествіе утвердило совершенно Мартына въ безбожныхъ его мнѣніяхъ, Кандида привело больше прежняго въ сумнѣніе, а Панглоса въ замѣшательство:

они увидѣли однажды, что пристали къ хижинѣ ихъ Пакетта и братъ Жирофле, которые были въ самой крайней бѣдности. Данные имъ три тысячи пїастровъ проѣли они очень скоро: разстались, помирились опять, опять поссорились, сидѣли въ тюрьмѣ, ушли изъ оной, а напослѣдокъ братъ Жирофле здѣлался Туркомъ. Пакетта продолжала свой промыселъ повсюду; однако уже недоставала ничего. Вить я вамъ сказывалъ, говорилъ Мартынъ Кандиду, что деньги ваши скоро будутъ промотаны, и здѣлаютъ ихъ еще нещастнѣйшими. Вы съ Какамбомъ извели нѣсколько милїоновъ пїастровъ; а со всѣмъ тѣмъ не больше щастливы, какъ братъ Жирофле и Пакетта. А, а, сказалъ Панглосъ Пакеттѣ, и тебя принесло сюда къ намъ, голубушка! знаешь ли ты, что я потерялъ отъ тебя конецъ носа, одинъ глазъ и одно ухо? Какъ ты перемѣнилась! какой это свѣтъ? Новое сїе приключенїе подало имъ поводъ философствовать еще больше прежняго.

Недалеко отъ нихъ жилъ весьма славный Дервишъ, который почитался за наилучшаго Философа во всей Турцїи: они пошли требовать у него совѣта. Панглосъ взялъ на себя съ нимъ говорить, и сказалъ ему: святый мужъ, мы пришли тебя просить, чтобъ ты намъ сказалъ, съ какимъ намѣренїемъ создано такое странное животное, каковъ есть человѣкъ?

Что

Что тебѣ до того, сказалъ Дервишъ, твое ли ето дѣло? Однако, честнѣйшій отче, сказалъ Кандидъ, на свѣтѣ ужасно много зла. Что нужды, сказалъ Дервишъ, худо ли въ ономъ или хорошо? Когда Его Султанское Величество отправляетъ корабль въ Египетъ, то думаетъ ли онъ о томъ, хорошо ли въ кораблѣ мышамъ, или нѣтъ? Такъ что же надобно дѣлать, сказалъ Панглосъ? Молчать, отвѣчалъ Дервишъ. Я ласкался надеждою, сказалъ Панглосъ, что поговорю съ вами нѣсколько о дѣйствїяхъ и причинахъ, о наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтѣ, о первоначальномъ произхожденїи зла, о свойствахъ души, и о предопредѣленномъ согласїи. Дервишъ услышавъ сїе хлопнулъ дверью.

Между тѣмъ пронесся слухъ, что въ Константинополѣ задавили двухъ главныхъ Визирей и Муфти, и что воткнули на колъ нѣсколько изъ ихъ прїятелей. Произшествїе сїе произвело на нѣсколько часовъ великїй шумъ. Панглосъ, Кандидъ и Мартынъ идучи домой увидѣли одного старика, который прохлаждался у воротъ своихъ въ померанцовой бесѣдкѣ. Панглосъ, который не меньше былъ любопытенъ, сколько и любилъ разсуждать, спросилъ у него, какъ звали того Муфти, котораго задавили. Я ничего не знаю, отвѣчалъ старикъ. Я въ жизни моей не знавалъ по имени ни одного Муфти, и ни одного Визиря. Произшествїе, о которомъ вы говорите,

рите, мнѣ совсѣмъ не извѣстно. Я думаю, что вообще всѣ тѣ, которые мѣшаются въ публичныя дѣла, погибаютъ часто бѣдственнымъ образомъ, и что они того достойны; однако я не спрашиваю никогда, что дѣлается въ Константинополѣ? Я довольствуюсь только тѣмъ, что посылаю туда продавать плоды моего сада, въ которомъ я работаю самъ. Сказавши сїе ввелъ чужестранцовъ въ домъ: двѣ его дочери и два сына подали имъ разные сорбеты, которые они дѣлали сами, каймаку приправленнаго цедровою вареною въ сахарѣ коркою, померанцовъ, цитроновъ, лимоновъ, ананасовъ, писташей, мокаскаго кофе, въ которомъ худаго Батавскаго и растущаго на другихъ островахъ ни одного зерна не было. Послѣ чего дочери добродушнаго сего Мусульмана окурили благовонїями Кандиду, Панглосу и Мартыну бороды.

Надобно думать, сказалъ Кандидъ Турку, что землѝ у васъ весьма много, и что она очень плодородна? У меня только двадцать четвертей, отвѣчалъ Турка, и я работаю съ моими дѣтьми самъ; труды удаляютъ отъ насъ три великїя зла, скуку, порокъ и нужду.

Кандидъ возвратившись домой дѣлалъ глубокїя разсужденїя о словахъ Турка. Онъ говорилъ Панглосу и Мартыну: мнѣ кажется, что сей добродѣтельный старикъ наслаждается лучшею судьбиною, нежели всѣ пять Монарховъ, съ которыми мы

имѣли

имѣли честь ужинать. Величества, сказалъ Панглосъ, очень опасны, по объявленію всѣхъ Философовъ. Ибо Еглонъ, Король Моавитскій, умерщвленъ былъ Аодомъ, Авесаломъ повисъ на волосахъ, и пронзенъ былъ тремя стрѣлами, Король Надавъ, Іеровоамовъ сынъ, убитъ Васою; Король Ели Замвріемъ, Охосія умерщвленъ отъ Егу, Аѳалія отъ Іоада; Короли Іоахимъ, Іехонія и Седекія попалися во плѣнъ. Вы знаете какой конецъ имѣли Крезъ, Астіагъ, Дарій, Діонисій Сиракузскій, Пирръ, Персей, Аннибалъ, Югурта, Аріовистъ, Цесарь, Помпей, Неронъ, Оттонъ, Вителлій, Домитіанъ, Рихардъ вторый Король Аглинскій, Едуардъ вторый, Генрихъ шестый, Рихардъ третій, Марія Стуартъ, Карлъ первый, три Генриха Французскіе, Императоръ Генрихъ четвертый. Вы знаете . . . . Я знаю также и то, сказалъ Кандидъ, что надобно работать въ нашемъ саду. Вы справедливо говорите, сказалъ Панглосъ; ибо когда перьвый человѣкъ введенъ былъ въ садъ Едемской, то введенъ за тѣмъ, *Ut operaretur eum* (чтобъ его обработывалъ); а сіе доказываетъ, что человѣкъ родится не для покою. Станемъ работать, оставя всѣ разсужденія, сказалъ Мартынъ, сіе есть единственное средство, чтобъ здѣлать жизнь сносною.

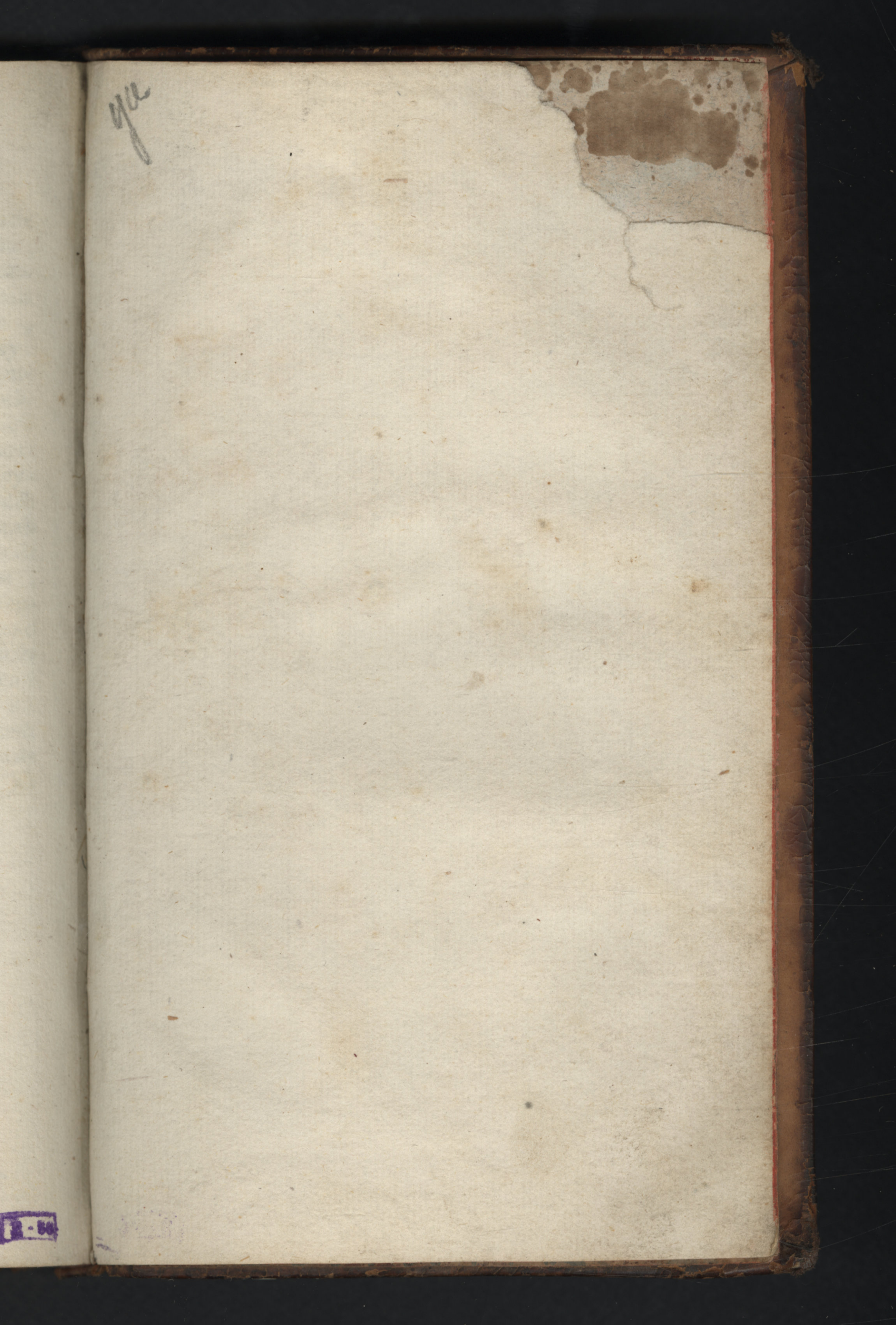
Все маленькое общество приступило къ сему похвальному намѣренію; каждый принялся за то, что умѣлъ. Землишка

ихъ

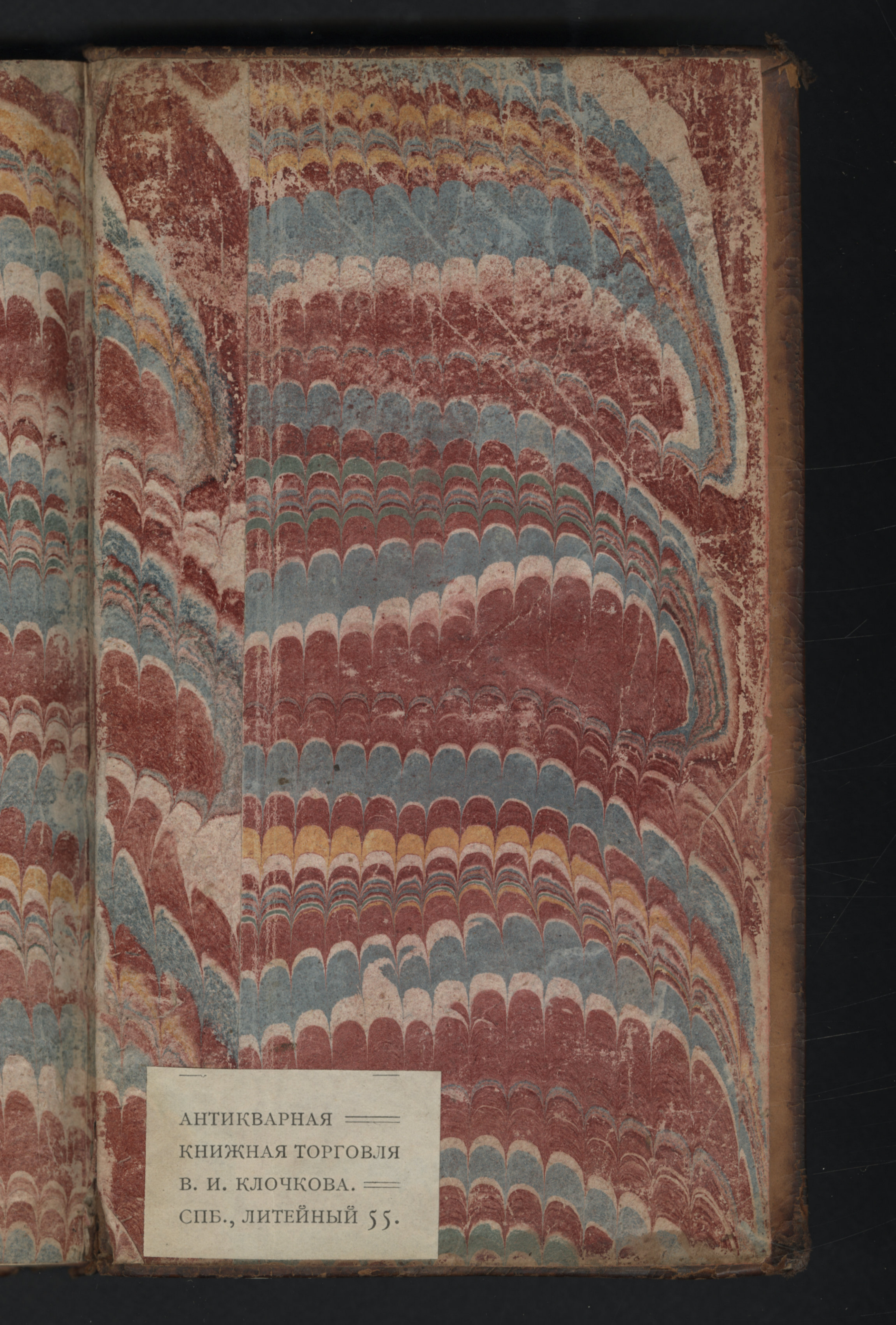
ихъ приносила изобильные плоды. Кунигунда хотя, правда, и очень стала гадка, однако здѣлалась преизрядною пирожницею. Пакетта шила золотомъ; а старуха имѣла присмотръ за бѣльемъ даже до того, что и братъ Жирофле приносилъ пользу: онъ былъ весьма хорошiй столяръ, а притомъ здѣлался еще и честнымъ человѣкомъ. Панглосъ, говорилъ иногда Кандиду: всѣ произшествiя въ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтовъ зависятъ одно отъ другаго; ибо, естьли бы не выгнали васъ изъ прекраснаго за́мка сильными пинками взадъ за любовь къ дѣвицѣ Кунигундѣ, естьли бы не содержались вы въ инквизицiи, естьли бы не обѣжали всю Америку пѣшкомъ, естьли-бы не кольнули хорошенько шпагою Барона, естьли бы не потеряли всѣхъ вашихъ барановъ благословенной земли Эльдорадской, то и не ѣли бы вы здѣсь ни вареныхъ въ сахарѣ цедровъ ни писташей. Ты говоришь справедливо, отвѣчалъ Кандидъ, однако надобно намъ работать въ нашемъ саду.

КОНЕЦЪ.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. И. КЛОЧКОВА.
СПБ., ЛИТЕЙНЫЙ 55.